

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Челябинский государственный университет»

Главный редактор

Таскаев Сергей Валерьевич — доктор физико-математических наук, доцент
(Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия);
ORCID: 0000-0001-6352-2816; Scopus Author ID: 55886287900;
ResearcherID: AAU-9890-2021

Ответственный секретарь

Майоров Андрей Владимирович — доктор юридических наук, доцент
(Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия);
ORCID: 0000-0002-8629-9837; Scopus Author ID: 55629771300;
ResearcherID: AAK-3612-2021

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Болдырев Николай Николаевич, доктор филологических наук, профессор (Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, Россия); **Бубнов Юрий Александрович**, доктор филологических наук (Воронежский государственный университет, Россия); **Голованова Елена Иосифовна**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Желтухина Марина Ростиславовна**, доктор филологических наук, профессор (Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия); **Качалов Роман Михайлович**, доктор экономических наук, профессор (Центральный экономико-математический институт РАН, Россия); **Невелев Анатолий Борисович**, доктор философских наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Нижегородцев Роберт Михайлович**, доктор экономических наук (Институт проблем управления РАН, Россия); **Питина Светлана Анатольевна**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Попов Евгений Васильевич**, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Уральский институт управления — филиал РАНХиГС, Россия); **Эндер Демир**, Университет Рейкьявика (Рейкьявик, Исландия); **Ж. Ришар**, PhD, профессор (Университет Париж-Дофин, Франция); **Роберт Филлипсон**, PhD, почетный профессор (Копенгагенская школа бизнеса, Дания).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Е. В. Шелестюк, доктор филологических наук, доцент, председатель редакционной коллегии (Челябинск); **Т. В. Борисенко**, кандидат филологических наук, заместитель председателя редакционной коллегии (Челябинск); **Е. Н. Бекасова**, доктор филологических наук, профессор (Оренбург); **Г. К. Валеев**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **Т. А. Воронцова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Е. И. Голованова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **С. Ю. Двинина**, кандидат филологических наук (Челябинск); **М. В. Загидуллина**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Л. А. Месеняшина**, доктор педагогических наук, профессор (Челябинск); **А. А. Миронова**, доктор филологических наук, доцент (Челябинск); **Л. А. Нефёдова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Н. С. Олизько**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **С. А. Питина**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **О. Ю. Редькина**, кандидат филологических наук (Челябинск); **Ал. А. Селютин**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **А. А. Селютин**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **Е. М. Хакимова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Т. В. Чернышова**, доктор филологических наук, профессор (Барнаул); **Марьям Шафаги**, кандидат филологических наук (Университет имени Алламе Табатабаи, Иран); **Маджид Эстири**, кандидат филологических наук (Государственный университет Гонбад-Каус, Иран).

Журнал включен в перечень рецензируемых научных журналов,
утвержденный ВАК Минобрнауки РФ, по отраслям:
экономические науки, филологические науки, философские науки.

Издание включено в базы данных: UlrichsWeb Global Serials Directory;
EBSCO's research collections.

Журнал выходит 12 раз в год

Адрес издателя:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции научного
направления
«Филологические науки»:
Россия, 454084, Челябинск,
пр. Победы, 162в
Тел.: (351) 799-70-26
e-mail: russlang@csu.ru

С требованиями к оформлению
статей можно ознакомиться на сайте
[http://journals.csu.ru/index.php/
BulletinCSU](http://journals.csu.ru/index.php/BulletinCSU)

Редакция журнала может
не разделять точку зрения авторов
публикаций

Ответственность за содержание
статей и качество перевода аннотаций
несут авторы публикаций

Журнал зарегистрирован
в Роскомнадзоре.
Свидетельство ПИ № ФС77-66312

Индекс 33077
в каталоге «Пресса России»

Корректурa *Е. В. Южаковой*
Верстка *Е. В. Южаковой*

Подписано в печать 08.02.24.
Выход в свет 16.02.24.
Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 13,6.
Уч.-изд. л. 11,0.
Тираж 500 экз. Заказ 172.
Цена свободная

Отпечатано:
Издательство Челябинского
государственного университета
Россия, 454021, Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, 576

FOUNDER

Chelyabinsk State University (CSU)

Editor-in-chief

S. V. Taskaev, Dr. Sci. (Physics and Mathematics), Prof. (Assoc.)

Executive secretary

A. V. Mayorov, Dr. Sci. (Law), Prof. (Assoc.), Member of ASEP

EDITORIAL COUNCIL

N. N. Boldyrev, Dr. Sci. (Philology), Prof. (G. R. Derzhavin Tambov State University, Russia); **Y. A. Bubnov**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Voronezh State University, Russia); **E. I. Golovanova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **M. R. Zheltukhina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Volgograd State Socio-Pedagogical University, Russia); **R. M. Katchalov**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Central Economics and Mathematics Institute of RAS, Russia); **A. B. Nevelev**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **R. M. Nizhegorodtsev**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Institute of Control Sciences of RAS, Russia); **S. A. Pitina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **E. V. Popov**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Corresponding Member of RAS (Ural Institute of Management — branch of RANEP, Russia); **E. Demir**, PhD, University of Reykjavik, (Reykjavik, Iceland); **J. Richard**, PhD, Prof. (Paris-Dauphine University, France); **Robert Phillipson**, PhD, Prof. Emer. (Copenhagen Business School, Denmark).

EDITORIAL BOARD OF SCIENTIFIC DIRECTION

E. V. Shelestyuk, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.), Chairperson of Editorial Board (Chelyabinsk); **T. A. Borisenko**, Cand. Sci. (Philology), Deputy Chairperson of Editorial Board (Chelyabinsk); **E. N. Bekasova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Orenburg); **G. K. Valeev**, Cand. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **T. A. Vorontsova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **E. I. Golovanova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **S. Yu. Dvinina**, Cand. Sci. (Philology) (Chelyabinsk); **M. V. Zagidullina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **L. A. Mesenyashina**, Dr. Sci. (Pedagogical), Prof. (Chelyabinsk); **A. A. Mironova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **L. A. Nefedova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **N. S. Olizko**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **S. A. Pitina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **O. Yu. Redkina**, Cand. Sci. (Philology) (Chelyabinsk); **Al. A. Selyutin**, Cand. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **A. A. Selyutin**, Cand. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **E. M. Khakimova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **T. V. Chernyshova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Barnaul); **M. Shafaghi**, Cand. Sci. (Philology) (Allameh Tabataba'i University, Tehran, Iran); **M. Estiri**, Cand. Sci. (Philology) (Gonbad Kavous University, Iran)

The journal is included into the list of peer-reviewed journals, approved by the State Commission for Academic Degrees and Titles of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, in the following branches of knowledge: Economic Sciences, Philological Sciences, and Philosophical Sciences.

This journal is currently listed in: UlrichsWeb Global Serials Directory; EBSCO's research collections.

The journal is published
12 times per year

Address of Publisher:
129 Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

Editorial office address:
129, Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

“Philological Sciences”
editorial office address:
162v, Prospect Pobedy,
Chelyabinsk, 454084, Russia
Telephone: + 7(351) 799-70-26
e-mail: russlang@csu.ru

All the requirements
are available on the web-site
[http://journals.csu.ru/index.php/
BulletinCSU](http://journals.csu.ru/index.php/BulletinCSU)

The Editorial Board may not share
the views of the authors
Authors are responsible
for the article content and quality
of abstract translation

Academic periodical
is registered
in Federal Supervision Agency
for Information Technologies
and Communications
Certificate ПИ № ФЦ77-66312

Index 33077
in the “Press of Russia” catalog

Proofreader *E. V. Yuzhakova*
Imposition by *E. V. Yuzhakova*

Approved for printing **08.02.24**.
Date of publication **16.02.24**.
Format 60×84 1/8. Litho paper.
Font Times.

Conventional print. sh. 13,6.
Ac.-publ. sh. 11,0.
Circulation 500 copies.
Order 172. Open price

Printed:
Publishing Office
of Chelyabinsk State University
57b Molodogvardeitsev St.,
Chelyabinsk, 454021, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

МОРФОЛОГИЯ, СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКАХ И ДИАЛЕКТАХ

- Валиева М. Р.* Форманты множественного числа -nar//-näg в диалектах башкирского языка 5
- Садченко В. Т.* Глагольные дериваты с приставкой на- в русских говорах Приамурья. 15
- Фалеева А. В.* Компрессивные способы формирования коллоквиальной лексики
с имплицитным значением в англоязычных словарях. 22

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ И ЛИНГВОКОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА И ТЕКСТА

- Супрунова Е. В., Питина С. А.* Средства художественной выразительности,
репрезентирующие концепт «патриотизм» 33
- Гумовская Г. Н., Чихачева Д. В.* Аксиологическая концептосфера современного немецкого рэпа 41
- Файзиева Г. В.* Образ чужого в субстандартных зоонимах английского и русского языков 49

АВТОМАТИЗИРОВАННАЯ ОБРАБОТКА ТЕКСТА И ЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ

- Напреенко Г. В.* Программные возможности идентификации текстов: сопоставление на схожесть,
установление тождества, проверка на уникальность. 55

ЛЕКСИКОГРАФИЯ, ПРОБЛЕМЫ СОСТАВЛЕНИЯ СЛОВАРЕЙ И КОРПУСОВ

- Воронцова И. А., Воронцов П. А.* Современное состояние и векторы развития
лексикографической практики в России и за рубежом 66

СЕМИОЗИС, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ, ПЕРЕВОД И ЛОКАЛИЗАЦИЯ

- Бабаев А. М., Питина С. А.* Особенности локализации при переводе топонимов и антропонимов
в видеоиграх 75
- Фомин А. Г., Карачева Н. С.* Принципы интерпретации библейских пророческих текстов 84

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ДВУ- И МНОГОЯЗЫЧИЯ

- Лямкина В. А.* Функционирование и значение русского языка в рамках языковой политики
Узбекистана 92
- Шелестюк Е. В., Суюнбаева А. Ж.* Проблемы терминоведения и профессиональной коммуникации
на постсоветском пространстве (на примере Республики Казахстан). 102

РЕЦЕНЗИИ

- Грошева А. В.* В Челябинском государственном университете вышло в свет учебное пособие
о кинематографе 118

CONTENTS

MORPHOLOGY, WORD-BUILDING, FORM-BUILDING IN NATIONAL LANGUAGES AND DIALECTS

- Valieva M. R.* Plural formants -nar//-när in the dialects of the bashkir language 5
- Sadchenko V. T.* Verb derivatives with the prefix na- in the Russian dialects of the Amur region. 15
- Faleeva A. V.* Compressive ways of forming colloquial lexis with implicit meaning
in English dictionaries 22

LINGUOCULTURAL AND LINGUOCONCEPTUAL ANALYSIS OF LANGUAGE AND TEXT

- Suprunova E. V., Pitina S. A.* Means of expression representing the concept “patriotism”. 33
- Gumovskaya G. N., Chikhacheva D. V.* The axiological conceptsphere of modern German rap 41
- Fayzieva G. V.* The image of an alien in sub-standard zoonyms of the English and Russian languages 49

AUTOMATED TEXT PROCESSING AND ITS APPLICATIONS

- Napreenko G. V.* Software capabilities for text identification: comparison for similarity,
identity establishment, uniqueness check. 55

LEXICOGRAPHY, PROBLEMS OF COMPILING DICTIONARIES AND CORPORA

- Vorontsova I. A., Vorontsov P. A.* Current state and development vectors of lexicographic practice
in Russia and abroad. 66

SEMIOSIS, INTERPRETATION, TRANSLATION AND LOCALIZATION

- Babaev A. M., Pitina S. A.* Localization peculiarities in videogame place names
and anthroponyms translation. 75
- Fomin A. G., Karacheva N. S.* Principles of interpretation of biblical prophetic texts. 84

LANGUAGE POLICY AND PROFESSIONAL COMMUNICATION IN BI- AND MULTILINGUAL CONDITIONS

- Lyamkina V. A.* The functioning and significance of the Russian language
within the framework of the language policy of Uzbekistan 92
- Shelestyuk E. V., Suyunbayeva A. Zh.* Problems of terminology and professional communication
in the post-Soviet space (case study of the Republic of Kazakhstan) 102

REVIEWS

- Grosheva A. V.* A textbook on cinematography was published at Chelyabinsk State University 118

МОРФОЛОГИЯ, СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКАХ И ДИАЛЕКТАХ MORPHOLOGY, WORD-BUILDING, FORM-BUILDING IN NATIONAL LANGUAGES AND DIALECTS

Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 3 (485). С. 5–14.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2024;(3(485):5-14. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 81'366:811.512.141'28

doi: 10.47475/1994-2796-2024-485-3-5-14

ФОРМАНТЫ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА -NAR//NÄR В ДИАЛЕКТАХ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

Мадина Раилевна Валиева

Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Уфа, Россия, valieva_1979@list.ru,
ORCID ID: 0000-0002-4549-3553

Аннотация. Изложены результаты сравнительно-исторического исследования диалектных формантов множественного числа *-nar//när* башкирского языка с целью восстановления картины исторического прошлого и раскрытия закономерностей развития аффиксов *-lar//lär* > *-nar//när*, начиная от языка-основы. Особое внимание уделяется описанию ареальных, диалектных и литературных вариантов окончаний множественного числа в тюркских языках. В качестве сравнительно-сопоставительного материала привлекались грамматики, различные древнетюркские письменные источники, научные труды, содержащие образцы текстов древнетюркского состояния.

Ключевые слова: башкирский язык, диалекты, множественное число, форманты *-nar // -när*, тюркские языки, древнетюркские письменные памятники

Для цитирования: Валиева М. Р. Форманты множественного числа *-nar//när* в диалектах башкирского языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 3 (485). С. 5–14. doi: 10.47475/1994-2796-2024-485-3-5-14

Original article

PLURAL FORMANTS -NAR//NÄR IN THE DIALECTS OF THE BASHKIR LANGUAGE

Madina R. Valieva

Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia, valieva_1979@list.ru,
ORCID ID: 0000-0002-4549-3553

Abstract. The results of a comparative historical study of dialectal formants of the plural *-nar //när* of the Bashkir language are presented in order to restore the picture of the historical past and reveal the patterns of development of the formants *-lar//lär* > *-nar//när*, starting from the base language. Particular attention is paid to the description of areal, dialect and literary variants of plural endings in Turkic languages. Grammar, various ancient written sources, scientific works containing samples of texts of the ancient Turkic state were used as comparative material.

Keywords: Bashkir language, dialects, plural, formants *-nar//när*, Turkic languages, ancient Turkic written monuments

For citation: Valieva MR. Plural formants *-nar//när* in the dialects of the bashkir language. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(3(485):5-14. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2024-485-3-5-14

Введение

Показатели множественного числа (далее — мн. ч.) в тюркских языках рассматривались в разных трудах тюркологов [1–23]. По этому вопросу все еще ведутся исследования, и в 2020 г. увидели свет две новые научные статьи в журнале *Oriental Studies*, где собраны последние материалы по функционированию различных фонетических вариантов окончаний мн. ч. в тюркских языках [9; 19]. Однако появление и ареал употребления окончаний *-нар // -нәр* отдельно подробно не исследованы. Данные аффиксы являются диалектным явлением в башкирском языке. Помимо этого в говорах наблюдаются форманты *-лар// -ләр*, *-тар// -тәр*, *-дар// -дәр*, *-зар// -зәр*, которые приняты литературной нормой языка. Последние три пары являются модификацией последнего столетия, по отношению к ним аффиксы *-лар// -ләр* являются первичными и наблюдаются во всех тюркских языках, в том числе и в древнетюркских письменных памятниках. Форманты мн. ч. *-нар // -нәр* часто выступают одним из критериев разграничений диалектов башкирского языка. Исходя из этого мы решили рассмотреть ареал распространения и время появления данных морфологических показателей как на материале современных тюркских языков, так и в письменных памятниках древнетюркского периода.

Первичные признаки разграничения диалектов башкирского языка

Современный башкирский язык состоит из трех крупных диалектов: восточного, южного, северо-западного. Эти традиционные названия пришли на смену этническим терминам — куваканский, юрматинский, которые были установлены в 20-е гг. XX в. и отражали фонетическую территорию диалектов, т. е. первые классификации основывались на фонетическом различии аффиксов мн. ч. По этому критерию тюркологи того времени В. В. Радлов, А. Бессонов, Мир-Салих Бикчурин, В. В. Катаринский, Дж. Г. Киекбаев разделяли разговорный башкирский язык на два диалекта: юго-восточный или степной, северо-восточный или горный по реализации аффиксов мн.ч. в говорах. О наличии формантов *-лар// -ләр* у степных башкир и *-тар// -тәр* у горных башкир указал еще В. В. Радлов в труде «Фонетика северных тюркских языков» (1882) [23]. А. Г. Бессонов в «Букваре для башкир» (1907) также выделил в юго-восточном регионе аффиксы *-лар// -ләр* и в северо-восточном — *-тар// -тәр* [3], например, *башкортлар — башкорттар* ‘башкиры’ и т. п.

В 30-х гг. исследователи на основе фонетико-морфологических особенностей начинают выделять говоры в диалектной системе башкирского языка. В качестве различительных признаков были приняты форманты мн. ч. существительного *-тар// -тәр*, *-дар// -дәр*, *-зар// -зәр*, *-лар// -ләр*, *-нар // -нәр*, а также словообразующие аффиксы прилагательного *-ты// -те*, *-ды// -де*, *-зы// -зе*, *-лы// -ле*, *-ны// -не*, словообразующие аффиксы существительного *-тык// -тек*, *-дык// -дек*, *-зык// -зек*, *-лык// -лек*, *-нык// -нек*, словообразующие аффиксы глагола *-та// -тә*, *-да// -дә*, *-за// -зә*, *-ла// -лә*.

По мере изучения говоров и выявления ранее неизвестного диалектного материала вопрос о классификации вновь поднимается в 50-60-х гг. в трудах башкирских языковедов. Дж. Г. Киекбаев, исходя из фонетической схожести окончаний мн. ч. в южном и северо-западном диалектах, считал, что язык башкир северо-западного региона не является отдельным диалектом и этот промежуточный говор между башкирским и татарским языками входит в состав южного диалекта башкирского языка [12, с. 27–81].

В этот же период Т. Г. Баишевым разрабатывается система фонем диалектов и говоров с привлечением большого фактического материала, и он выделяет три крупных диалекта в башкирском языке: восточный, южный, северо-западный со входящими в их состав наречиями *h-ç*, *ç*, *h*, *з-ç*, *ç*, *з*, *n-t* [1, с. 39–43]. На основе его исследования в 50-70-х гг. научными сотрудниками сектора диалектологии и топонимики ИИЯЛ БФ АН СССР проводятся целенаправленные экспедиции по сбору лексических, морфологических, фонетических особенностей говоров, и в дальнейшем все три диалекта башкирского языка были описаны в монографиях Н. Х. Максютовой «Восточный диалект башкирского языка в сравнительно-историческом освещении» (1976) [15] и С. Ф. Миржановой «Южный диалект башкирского языка» (1979), «Северо-западный диалект башкирского языка: Формирование и современное состояние» (1991) [17; 18].

В результате собранного диалектного материала и проведенных исследований стало известно, что диалектное окончание множественности *-нар* существует не во всех говорах башкирского языка. В связи с этим основной задачей нашего исследования является сравнительно-исторический анализ диалектных формантов мн. ч. башкирского языка с целью восстановления картины исторического прошлого и раскрытия фонеморфологических закономерностей развития окончаний

-лар//ләр и *-нар//нәр*, начиная от языка-основы. Для этого нами были изучены показатели мн. ч. в письменных памятниках древнетюркского и среднетюркского периодов.

Показатели множественного числа в тюркских письменных памятниках

В данном разделе нашей статьи попытаемся сравнить форманты мн. ч. башкирского языка с формантами мн. ч. таких письменных памятников, как: орхонские и енисейские надписи на каменных балбалах, деревянных палочках, мелких бытовых вещах, относящихся к V-VII вв.; древнетюркская гадательная книга *Irq bitig* «Ырк Битиг», составленная в середине VIII в.; болгарские эпитафии Поволжья, относящиеся к XI-XIII вв.; крупное поэтическое произведение эпико-дидактического характера, относящееся к письменным памятникам карлукско-уйгурского языка восточной части Караханидского государства «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского, завершённое в 1069 г.; сводный словарь тюрков XI в. Махмуда Кашгарского «Диван-у лугат ит-турк», завершённый в 1074 г.; половецкий словарь *Codex Cumanicus*, составленный и многократно переписанный в XIII-XIV вв. и т. п.

Многие тюркологи — И. А. Батманов, И. Г. Галютдинов, А. В. Дыбо, Н. И. Егоров, О. А. Мудрак, Марсель Эрдал, Ф. Г. Хисамитдинова, К. К. Юдахин и др. — считают, что древнетюркская письменность сложилась, вероятно, в гуннский период. И. А. Батманов писал, что многие стелы, наскальные надписи, надписи на валунах и на мелких предметах (чаши, зеркала, пряслица и т. п.), найденные на территории Поволжья, Крыма, Тувы, Хакасии, Горного Алтая, на юге Якутии, в Таласской долине Киргизии, в северной части Монголии [2, с. 10], содержат единую лингвистическую основу и сохраняются в современных тюркских языках с определенными отличиями. В этих надписях формантами мн. ч. выступают древнетюркские окончания *-lar//lär*, например: *asurilar garudilar gantarvilar kinarilar mogoragilar ol kişikä neñ tiding ada qilu umazlar* ‘асура, гаруди, гантарви, кинари, могораги не могут создать этим людям никаких помех’. *Sizlär qatay tözünlär quturu tiñlañlär* ‘Вы все благородные, выслушайте полностью’¹.

В монографии «Грамматика языка тюркских рунических памятников VII-IX вв.» А.Н. Кононов

¹ Древнетюркский словарь / под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. Л.: Наука, 1969. С. 474.

отметил, что множественность в тюркских рунических памятниках выражается двумя способами: морфологически и синтаксически. Морфологический способ обозначения отдельной, членной множественности реализуется с помощью аффиксов *-lar // -lär*, например: *bägläri bodunı tüzsiz üçün* ‘По причине неверности их беков и народа...’; *ögim qatun ulaju öglärim ekälärim keliñünim qunçularım ... küñ boltaçı erti* ‘моя мать — катун, следующие [за нею] мои [сводные] матери, мои старшие сестры (~ тетки), мои невесты, мои ханши-девицы... стали бы рабынями’².

На письменных памятниках енисейских тюрков V-VII вв. также зафиксированы древнетюркские форманты *-lar//lär*. В частности, в текстах эпитафий с р. Уюк-турана имеются надписи *är kydäzyläpim* ‘мои зятья’, *kyz kälänläpim* ‘мои молодушки (сношеньки)’³; с д. Ачура *jüz är jüzi bäglär* ‘лица ста мужей, взгляд князей (бегов)’; *äplärim jok* ‘у меня не оказалось героев-удальцов’⁴.

В известной древнетюркской гадательной книге *Irq bitig* «Ырк Битиг» («Книга оракулов»), переписанной в середине VIII в., не наблюдаются форманты мн. ч. после существительных в переводе и транслитерации В. М. Яковлева и С. Е. Малова. Так как семантика множественности передается синтаксическим способом в этом загадочном тексте, то есть при помощи конкретных числительных или определенных форм глагола: *anča biliñlär* ‘знайте’⁵.

В болгарских эпитафиях XI-XIII вв. наблюдаются морфологические показатели мн. ч. *-lar//lär*, которые представлены в болгарских надгробных текстах без всяких фонетических разновидностей: *golämälar* ‘ученые’, *galimlärqa tärbijä qılqan* ‘содержавший ученых’; *jätim, tul öksüzlärne asrağan* ‘кормивший сирот и вдов’, *mäsgeklär giñmarät qılqan* ‘воздвигавший мечети’, *jegetlär körke* ‘краса молодцев’, *köñellär özäge* ‘сердце сердец’⁶.

В средневековом произведении дидактического характера «Qutadgu Bilig» Юсуфа Баласагунского, язык которого принадлежит *d-ö* группе

² Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII-IX вв. Л.: Наука, 1980. С. 145.

³ Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М.-Л., 1952. С. 19.

⁴ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.-Л., 1951. С. 50, 26.

⁵ Ырк Битиг. Древнетюркская гадательная книга // Бюллетень. Общество востоковедов. Прил. 4. Перевод, предисловие, примечания и словарь В. М. Яковлева. М.: Институт востоковедения РАН, 2004. С. 59.

⁶ Хакимзянов Ф. С. Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык. М.: Наука, 1987. С. 47, 49.

тюркских языков, находим также форманты *-lar//lär* в морфологическом оформлении большинства существительных и местоимений: *olanlar şahiddir* ‘сыновья, павшие в бою’; *Bunlar birbirlerine düşmandır* ‘эти враждуют между собой’; *bögülär cözö* ‘слова мудрецов’, *öküş türklär* ‘многие тюрки’¹.

Древнетюркские форманты множественности *-lar//lär* часто наблюдаются в известном письменном памятнике *Codex Cumanicus*, датируемом началом XIV в., точнее 1303 г. В данный куманский словарь вошли христианские молитвы и фольклорные тексты половцев того периода. В них зафиксированы следующие фонетические варианты аффиксов мн. ч. древнекыпчакского языка:

-lar: 1) *Yalbarurmen... barca arilarğa...* ‘Умоляю... всех святых...’; 2) *köp tañlar etti* ‘совершил много чудес’;

-ler: 1) *Kristus alay aytı kelepenlergä* ‘Христос сказал прокаженным так’; 2) *Yarli, miskin kisiler / Yaqsı Bitik bilmesler* ‘Бедные, нищие (духом) люди не знают Святого Письма’;

-lär: 1) *Xanniñ alämläri cıqsın* ‘Взвейтесь, знамена царские’; 2) *isi fänärlär bile* ‘с зажженными фонарями’².

Следует отметить, что в текстах тюркских рукописных памятников и болгарских эпитафий выступает показатель мн. ч. с широкой переднерядной гласной фонемой *-ä-*, т. е. *-lär*. В половецких молитвах, гимнах, загадках XIII–XVI вв., собранных в *Codex Cumanicus*, параллельно с *-lar//lär* встречается формант с узкой гласной фонемой *-e-*, то есть *-ler*.

В поэтическом сочинении Кутба «Хосрау и Ширин», хранящемся в Национальной библиотеке Парижа и определяемом текстологами как смешанный огузско-кыпчакский литературный язык XIV в. Золотой Орды, зафиксированы следующие показатели мн. ч.: *elçiler* ‘послы’; *biliglig kişiler* ‘знающие люди; ученые’; *üküş edgüler* ‘множество святых’; *çığaylar hakı* ‘цена (ради) бедняков’³. В данном средневековом лирическом произведении встречается множество аффиксов в форме *-ler*, как и в куманском письменном произведении *Codex Cumanicus*.

В следующем письменном памятнике средне-тюркского периода — лирической поэзии Кади

¹ Наджип Э. Н. Исследования по истории тюркских языков XI–XIV вв. М.: Наука, 1989. С. 8, 9.

² Гаркавец А. Н. *Codex Cumanicus*. 2-е издание, дополненное. Алматы: Алматы-Болашак, 2019. С. 73, 79, 80, 84, 87.

³ URL: <https://kutadgubilig.appspot.com> (дата обращения: 01.07.2023).

Ахмад Бурханэдина, — хранящемся в Британском королевском музее и переписанном в 1393–1394 гг., также наблюдаются древнетюркские форманты *-lar//lär: kişilär* ‘люди’; *gönülläri joluña gøjucax* ‘свои сердца положат на твою дорогу’⁴.

Следующая средневековая рукопись, представляющая большую научную ценность для истории тюркских языков, — это «Сираж ал-Кулб» («Көнүлләр чырағы» ‘Светоч сердец’), хранящаяся в отделе древних актов ЦГА в Москве. Она содержит множество морфологических показателей XVI в.: *ktamuq jılanları* ‘змеи ада’; *Färiştälär jol bärmägäjlär* ‘ангелы не дадут пройти’⁵.

Приведенные примеры показывают, что форманты *-lar//lär* известны по самым ранним письменным источникам тюрков. Также выяснилось, что не только в древнетюркских и среднетюркских письменных памятниках, но и в различных региональных вариантах старотюрки применялись форманты на сонорный *-l-* (*-lar//lär//ler*). Возможно, в древних диалектах тюркских языков существовали и другие анлаутные консонантные варианты, восходящие к **-lar*.

Показатели множественного числа в современных тюркских языках

В современных тюркских языках понятие «мно-го» и совокупность одинаковости, а также избыточность исчисляемых предметов выражается фонетическими вариантами древнетюркских формантов **-lar//*-lär*, которые распространены во всех тюркских языках, кроме аберрантного чувашского. Поскольку в чувашском языке мн. ч. образуется путем присоединения аффикса *-sem//-сам* (в говорах *-сён*) к корню или основе слова [23, с. 82]. Этот вариант окончаний мн. ч. отличает чувашский язык от всех прочих тюркских языков. В якутском языке употребляются шестнадцать фонетических вариантов окончания мн. ч.: *-лар, -лэр, -лор, -лөр; -дар, -дэр, -дор, -дөр; -тар, -тэр, -тор, -төр; -нар, -нэр, -нор, -нөр*, а в некоторых его диалектах насчитываются около сорока. В тулейкенском говоре киргизского языка насчитывается пятнадцать разновидностей окончания мн. ч., в литературном киргизском и алтайском употребляются более 12 аффиксов. В алтайском, телеутском языках категория мн. ч. у имен существительных образуется путем присоединения к основе слова аффиксов *-лар/-лер, -лор/-лөр, -дар/-дер, -дор/-дөр, -тар/-тер, -тор/-төр*. В казахском языке наблюдается три

⁴ Наджип Э. Н. Исследования по истории тюркских языков XI–XIV вв. С. 235.

⁵ Там же. С. 151, 225.

пары окончаний: *-лар/-лер*, *-дар/-дер*, *-тар/-тер*. В общем, кыпчакская и якутская группы тюркских языков богаты формантами мн. ч. Однако в некоторых кыпчакских языках функционируют **-lar//*-lär* и единственная фонетическая модификация *-nar//när*. В татарском языке, например, категория числа выражается при помощи аффиксов *-лар/-ләр* и его фонетических вариантов *-нар/-нәр*. Такие же аффиксы употребляются в ногайском, каракалпакском языках. В крымчакском¹, кумыкском, крымскотатарском, караимском, кабардино-балкарском языках мн. ч. имён существительных образуется посредством аффикса *-лар//лер* [16, с. 324–325; 19, с. 1124; 9, с. 1420–1432]. Также в карлукской группе, состоящей из уйгурского [11] и узбекского языков [13, с. 74–83], наблюдаются исключительно древнетюркские форманты **-lar//*-lär*. В кыргызской группе — хакасском, шорском, чулымском, сарыг-югурском, а также огузской группе — турецком, крымскотатарском, туркменском, азербайджанском, сарларском, гагаузском и тобаской группе тюркских языков — тофаларском, тувинском — мн. ч. выражается аффиксами *-лар/-лер* и *-нар/-нер* после сонорных согласных *-m*, *-n*, *-ŋ* [9; 19].

Как уже отметили, башкирскому языку присущи десять фонетических вариантов показателей мн. ч.: письменные варианты *-лар//ләр*, *-дар//дәр*, *-тар//тәр*, *-зар//зәр* и диалектные варианты *-нар//нәр*. Аффиксы с анлаутной интердентальной звонкой консонантой *-зар//зәр* являются специфическими показателями и наблюдаются среди тюркских языков только в башкирском языке. Однако в актовых документах и шежере башкир, написанных на тюрки Урало-Поволжья, функционирующем с XVI в. до 20-х гг. XX в., зафиксированы лишь аффиксы *-лар//ләр*: *Күб йыллар кичде* ‘Прошло много лет’; *Кыпчаклар алган малларны кайтарса, бу малларны кайтарурмын*. ‘Если кыпчаки вернут отобранный скот, то мы этот скот (также) возвратим’².

Изучение многочисленных грамматик современных тюркских языков, древнетюркских письменных памятников и современных научных статей о форманте множественности показало, что форманты *-лар//ләр*, восходящие к древнетюркскому и среднетюркскому периодам, активно бытуют как в карлукских, огузских, кыпчакских, киргизских, так и сибирских, т. е. то-

баских, алтайских и якутских группах тюркских языков. Интересно и то, что аффиксы мн. ч. *-nar//när* встречаются в монгольских языках, начиная с XIII в. А. М. Щербак считает данное фонетическое преобразование заимствованием тюркских формантов **-lar//*-lär*, несмотря на то, что издревле в монгольском языке существовали свои древние показатели мн. ч. *-t//d*, *-ut//ud*, *-niyud* [22, с. 84].

Аффиксы мн. ч. в современных диалектах башкирского языка

В современном письменном башкирском языке функционируют четыре парных варианта мн. ч., которые всегда следуют закону гармонии гласных, то есть к словам, состоящим из заднерядных гласных, присоединяются «твердые» аффиксы *-лар*, *-тар*, *-дар*, *-зар*; после слов, содержащих переднерядные гласные, прибавляются «мягкие» аффиксы *-ләр*, *-тәр*, *-дәр*, *-зәр*. Помимо этого, в говорах встречаются диалектные показатели мн. ч. *-нар*, *-нәр*, которые реализуются исключительно в устной речи башкир. Далее рассмотрим каждый диалект отдельно.

Восточный диалект, научно описанный Н. Х. Максютовой, состоит из следующих говоров: *айский*, *аргаяшский*, *учалинский*, *кизилский*, *миасский*, *сальютский*.

Айский говор распространен в северо-восточной части Республики Башкортостан по бассейнам рек Ай, Юрюзань, Ик. По административному делению говор охватывает Мечетлинский, Дуванский, Салаватский, Белокатайский, Кигинский районы РБ, часть северо-запада Челябинской области, а именно — Кусинский район с деревней Петрушкино [15, с. 22]. В этом говоре аффиксы множественности однотипны с литературным (письменным) языком, и используются четыре пары окончаний.

Носители сальютского говора проживают в сопредельной с Республикой Башкортостан северо-восточной части Челябинской области, где в прошлом жили башкиры племени *сальют* [15, с. 172]. Для сальютского говора также характерны все литературные нормы аффиксов мн. ч.: *бауайзар* ‘старика’, *туган кәйнеләр* ‘родственники мужа’, *балдар* ‘дети’ и т. п.

Следующий говор восточного диалекта — миасский — охватывает район бассейна р. Миасс в Челябинской области, ряд деревень Учалинского и Абзелиловского районов РБ [15, с. 214]. В данном говоре также бытуют все четыре варианта мн. ч., как принято в литературном (письменном)

¹ Ребе Д. И. Крымчакский язык. Крымчакско-русский словарь. Симферополь : Доля, 2004. С. 7.

² Халикова Р. Х. Язык башкирских шежере и актовых документов XVIII–XIX вв. М. : Наука, 1990. С. 28.

башкирском языке, например, *тәңкәләр* ‘монеты’, *нәнәйзәр* ‘новорожденные’, *картттар* ‘старики’, *килендәр* ‘снохи’.

В системе башкирских говоров кызылский занимает особое место не только по географическому положению, но и по языковым данным, так как он расположен на границе соприкосновения восточного и южного диалектов. Поэтому в нем представлены характерные языковые особенности как восточного, так и южного диалектов [15, с. 249]. Данному говору также свойственны все литературные аффиксы мн. ч.

Учалинский говор восточного диалекта башкирского языка охватывает 12 населенных пунктов Учалинского района Республики Башкортостан: Учалы, Имангулово, Ильчино, Ильтебаново, Калканово, Кунакбаево, Мансурово, Мулдашево, Рысайево, Сафарово, Уразово, Юлдашево [21, с. 71]. Данный говор отличается от литературного башкирского языка в фонетическом аспекте, однако морфологические показатели мн. ч. совпадают с литературными вариантами.

В отличие от предыдущих говоров восточного диалекта, в аргаяшском говоре употребляются три варианта аффиксов мн. ч., то есть после глухих согласных — *-тар//тәр*: *кыҫтар* в м. лит. *кыҫтар* ‘девушки’; после звонких согласных — *-дар//дәр*: *балдар* в м. лит. *балалар* ‘дети’; после гласных и дифтонгов — *-лар//ләр*: *еңгәләр* ‘снохи’, *бауайлар* ‘дедушки’. В результате аргаяшский говор, охватывающий северо-восток Республики Башкортостан, северо-запад Челябинской области и запад Курганской области, характеризуется наличием трех парных фонетических вариантов показателей мн. ч. *-тар//тәр*, *-дар//дәр*, *-лар//ләр*. В остальных говорах восточного диалекта башкирского языка — айском, сальютском, миасском, кизилском, учалинском — наблюдаются все варианты окончания мн. ч. литературного (письменного) языка. У носителей восточного диалекта этническое самоназвание — *башкорттар*.

В южном диалекте башкирского языка, который состоит из *демского*, *среднего*, *иксакмарского*, *уршакского*, *зиганского* говоров, функционируют два фонетических варианта окончания мн. ч. *-нар//нәр*, *-лар//ләр*. По исследованиям С. Ф. Миржановой, ареал их распространения охватывает 24 из 54 районов Республики Башкортостан, а именно — башкирские населенные пункты Альшеевского, Архангельского, Аургазинского, Баймакского, Белорецкого, Бижбулякского, Буздякского, Бурзянского, Гафурийского, Давлекановского, Зианчуринско-

го, Зилаирского, Ишимбайского, Кармаскалинского, Кугарчинского, Куюргазинского, Мелеузовского, Миякинского, Нуримановского, Стерлибашевского, Стерлитамакского, Федоровского, Хайбуллинского, Чишминского районов [18, с. 6]. В отличие от литературного (письменного) языка и восточного диалекта в этом диалекте к именным и глагольным основам, оканчивающимся на сонорные *м*, *н*, *ң*, присоединяются аффиксы мн. ч. С начальным *-н*, как в большинстве древних и современных тюркских языков, например, *урманнар* ‘леса’ — *үләннәр* ‘травы’, *комнар* ‘пески’ — *кемнәр* ‘кто они?’, *таңнар* ‘зари’, *өңнәр* ‘берлоги’. После остальных фонем как гласных, так и согласных прибавляется древнетюркский аффикс *-*lar > -лар//ләр*. У носителей южного диалекта этническое самоназвание — *башкортлар*.

Таким образом, в южном диалекте аффиксы мн. ч. реализуются в двух фонетических вариантах, то есть произносятся фонемы *-л*, *-н* в анлауте окончаний в противовес восточному диалекту и письменному литературному языку, где функционирует четырехвариантный тип аффиксов с начальным *-л*, *-д*, *-з*, *-т*.

Северо-западный диалект башкирского языка представляет народно-разговорный язык башкир, проживающих компактными группами на северо-западе Башкортостана в основном в Караидельском, Аскинском, Балтачевском, Татышлинском, Бураевском, Янаульском, Краснокамском, Дюртюлинском, Илишевском, Туймазинском районах. За пределами республики гайнинские башкиры живут в Бардымском, Куединском, Осинском, Пермском, Чернушкинском районах Пермской области, а нижебельские и ыкские башкиры были расселены в Азнакаевском, Актанышском, Агрызском, Мензелинском, Муслюмском и др. районах соседней Республики Татарстан. С востока северо-западный диалектный ареал по восточной границе Караидельского района Башкортостана контактирует с айским говором восточного диалекта, с юго-востока — с демским говором южного диалекта [17]. Данный диалект включает в себя *караидельский*, *таньпский*, *нижебельско-ыкский*, *гайнинский*, *среднеуральский* говоры [21].

В отличие от литературной (письменной) 4-вариантной аффиксации у носителей северо-западного диалекта имеются лишь два варианта морфологических показателей мн. ч. — *-нар//нәр* и *-лар//ләр*, как у носителей южного диалекта. Также аффиксы *-нар//нәр* присоединяются после сонорных фонем *м*, *н*, *ң*: *комнар* ‘пески’

лит. *комдар*; *көннәр* ‘дни’ лит. *көндәр*; *таңнар* ‘зори’ лит. *таңдар*; в остальных случаях (после гласных и согласных) функционируют аффиксы *-лар//ләр* [10, с. 24]. У северо-западных башкир этническое самоназвание — *башкыртлар*.

Исходя из вышесказанных, отметим, что в разговорной речи башкир преобладающую роль играют форманты *лар//ләр*, которые активно функционируют во всех говорах башкирского языка. Диалектные форманты *-нар//нәр* употребляются в *демском, среднем, ик-сакмарском, уршакском, зиганском, караидельском, таныпском, нижнебельско-ыкском, гайнинском, среднеуральском* говорах, когда в *айском, аргаяшском, кизилском, миаском, сальютском* говорах функционируют форманты письменного литературного языка.

Причина появления различных консонантных вариантов окончаний мн. ч. в башкирском языке

В башкирском языкознании еще не описано чередование анлаутных консонантов окончаний мн. ч. **-лар//ләр > -нар//нәр ~ -зар//зәр ~ -дар//дәр ~ -тар//тәр*, также нет исследования о причине появления рефлекса **-лар > -нар* во многих современных тюркских языках. Основной причиной изменения *-lar* могут быть комбинаторные фонетические процессы, происходящие под влиянием артикуляционных и акустических свойств соседних звуков. Например, древнетюркский формант **-lar* в окружении звонких консонантов озвончается и появляется звонкий показатель на *д*, то есть *дар//дәр* (*куяндар* ‘зайцы’, *үләндәр* ‘травы’) и, наоборот, в окружении глухих консонантов аффикс оглушается и появляется глухой показатель на *т* в анлауте аффиксов *-тар//тәр* (*аттар* ‘лошади’, *этәстәр* ‘петухи’). После слов, оканчивающихся на звонкий консонант *з* и сонорных *й, w* (сочетание гласных с фонемами *V+y, V+y*) произносятся и пишутся форманты *-зар//зәр*, например: *көйзәр* ‘мелодии’, *каззар* ‘гуси’, *буяузәр* ‘краски’. В диалектах башкирского языка, и, как уже было сказано, во многих тюркских языках после основы или корня слова на сонорные согласные *м, н, ң* присоединяются аффиксы с анлаутной сонорной *-нар//нәр* (*төннәр* ‘ночи’). Таким образом, происходит прогрессивная ассимиляция консонантов из-за влияния предыдущего звука на последующий.

Как уже было сказано, диалектные окончания мн. ч. башкирского языка *-нар//нәр*, как и все

другие, восходят к древнетюркским формантам мн. ч. **-lar//*-lär*. Переход **-lar//*-lär > -нар//нәр* происходит в том случае, если в ауслaute слова произносятся сонорные консонанты *м, н, ң, у* которых артикуляционно-акустическая характеристика близка или совпадает. Эти язычно-зубные сонорные консонанты *н, ң*, губно-губной сонорный консонант *м* способствуют к трансформации фонемы *л > н* в анлауте форманта **-lar*, то есть происходит полная прогрессивная ассимиляция. Помимо этого, в процессе трансформации *л > н* из-за влияния предшествующего звука на последующий происходят следующие артикуляционно-физиологические изменения: нёбная занавеска (увула) опускается и воздушная струя проходит в полость носа, вызывая носовой резонанс. Далее увула не успевает закрывать проход воздуха в носовую полость для артикуляции *л*. К переходу причастны также язык и верхние зубы. Поскольку фонема *л* образуется на основании передней части верхних зубов, то есть кончик языка прижимается к основанию верхних резцов и при том средняя часть спинки языка не принимает активного участия. Переднеязычный консонант *н* произносится чуть тверже чем *л*, и в его образовании активно участвует средняя часть спинки языка, когда кончик языка находится на передних резцах. Таким образом, перед апикальными сонорными согласными *м, н, ң* в ауслaute слова сдвиг языка немного вперед и интенсивное давление на резцы образует переход *л > н*.

Ареал распространения окончания *-нар//нәр* среди тюркских языков

Форманты мн. ч. *-нар//нәр* наблюдаются не во всех тюркских языках. Хотя охватывают большую территорию Евразийского континента: от Охотского моря до Средиземного моря, то есть от Якутии до Греции. Например, самоназвание греческих урумов — *урумлар//урумнар*. Следует также отметить, что гагаузы являются самым западным тюркоязычным народом, употребляющим данные окончания в своей речи, которые исторически сформировались на севере Балканского полуострова и проживают в Молдавии, Болгарии, Северной Македонии, Греции, Румынии и др. странах. С целью представления ареала бытования окончаний мн. ч. **-lar//*-lär > -нар//нәр* составили следующую таблицу, где повторный аффикс *-лар* заменяется дефисом.

Форманты мн. ч. *-*lar//*-lär > -nar//* нәр в тюркских языках
Plural formants *-*lar//*-lär > -nar//* нәр in Turkic languages

Тюркские языки	После гласных и согласных	После согласных <i>-m, -n, -ŋ</i>
башкирский: южный, северо-западный диалекты	-лар	-нар
татарский	-лар	-нар
ногайский	-лар	-нар
каракалпакский	-лар	-нар
киргизский	-лар	-дар
казахский	-лар	-дар
булгарский	-лар	-
кумыкский	-лар	-
караимский	-лар	-
кабардино-балкарский	-лар	-
узбекский	-лар	-
уйгурский	-лар	-
хакасский	-лар	-нар
шорский	-лар	-нар
чулымский	-лар	-нар
сарыг-югурский	-лар	-нар
тофаларский	-лар	-нар
тувинский	-лар	-нар
якутский	-лар	-нар
турецкий	-лар	-нар
крымско-татарский	-лар	-нар
туркменский	-лар	-нар
азербайджанский	-лар	-нар
гагаузский	-лар	-нар
саларский	-лар	-нар
урумский	-лар	-нар

В данной таблице представлены тюркские языки, у которых наблюдается два варианта аффикса: *-нар* — после сонорных согласных *-m, -n, -ŋ* и *-лар* — после остальных фонем. Помимо этого необходимо отметить, что в древнетюркских стелах, булгарских эпитафиях и современном кумыкском, караимском, кабардино-балкарском, узбекском, уйгурском языках имеется единственный формант мн. ч. на сонорный консонант *l*: *-*lar//*-lär*. Рефлексы *-*lar//*-lär > -zar//*-зәр, встречаются только в башкирском языке и мало описаны в трудах тюркологов.

Заключение

В заключение отметим, что ареал распространения аффиксов мн. ч. *-nar//*-нәр в тюркских языках, восходящих к древнетюркскому состоянию, охватывает почти весь евразийский континент и в основном проходит по его средней полосе —

от Якутии до Греции. Данные форманты наблюдаются исключительно в устной речи башкир в отличие от других тюркских языков и ареал распространения *-*lar//*-lär > -nar//*-нәр охватывает большую территорию — южные, западные и северные районы — Республики Башкортостан. Также выявили, что все остальные фонетические варианты показателя множественности — *-tar//*-тәр, *-dar//*-дәр, *-zar//*-зәр являются современными модификациями древнетюркских формантов *-*lar//*-lär*, зафиксированных в различных письменных памятниках, начиная от каменных енисейских и орхонских стел до современных говоров. Аффиксы мн. ч. *-zar//*-зәр присущи только башкирскому литературному (письменному) языку и в устной (разговорной) речи употребляются в восточной части Республики Башкортостан и юго-западной части Челябинской области РФ.

Список источников

1. Баишев Т. Г. Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку. М. : Наука, 1955. 121 с.
2. Батманов И. А. Источники формирования тюркских языков Южной Сибири и Средней Азии. Фрунзе : Илим, 1966. 360 с.
3. Бессонов А. Г. Букварь для башкир. Казань : Центр. тип., 1907. 46 с.
4. Грамматика алтайского языка, составлена членами алтайской миссии. Казань : Университетская типография, 1869. 298 с.
5. Грамматика современного башкирского литературного языка / отв. ред. А. А. Юлдашев. М. : Наука, 1981. 495 с.
6. Давлетшин Ф. Й. Башкорт телендә ләһжәләр // Башкорт аймағы. 1928. № 6. С. 76–85.
7. Дмитриев Н. К. Грамматика кумыкского языка. М.-Л. : Изд-во Акад. наук СССР. 1940. 206 с.
8. Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.-Л. : Изд-во Акад. наук СССР. 1948. 276 с.
9. Дыбо А. В., Абубакирова Л. Ф., Зимин М. М., Коровина Е. В., Кочакаева З. К., Шаров А. В. Еще раз о формах показателя множественного числа в тюркских языках // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 5. С. 1415–1437.
10. Ишкильдина Л. К., Валиева М. Р. Программа для сбора диалектного материала по караидельскому говору северо-западного диалекта башкирского языка (фонетика, морфология). Уфа : ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2023. 72 с.
11. Кайдаров А. Т. Краткий грамматический очерк уйгурского языка : учеб. пособие. Алма-Ата : Наука, 1966. 39 с.
12. Кейекбаев Ж. Ф. Башкорт диалектары һәм уларзың тарихына кыскаса инеш // *Ғилми язмалар*. 1958. № 2. 27–81 бб.
13. Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.-Л. : Наука, 1960. 446 с.
14. Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. Ленинград : Наука, 1980. 255 с.
15. Максютлова Н. Х. Восточный диалект башкирского языка в сравнительно-историческом освещении. М. : Наука, 1976. 292 с.
16. Меметов А. М. Крымскотатарский язык. Симферополь : КРП «Изд. Крымучпедгиз», 2013. 576 с.
17. Миржанова С. Ф. Северо-западный диалект башкирского языка: Формирование и современное состояние. Уфа : Китап, 1991. 296 с.
18. Миржанова С. Ф. Южный диалект башкирского языка. М. : Наука, 1979. 272 с.
19. Норманская Ю. В., Гаджиева А. А. Как изменилась форма показателя множественного числа в тюркских языках за последние 150 лет // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 4. С. 1121–1134.
20. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология. М. : Наука, 1988. 560 с.
21. Шәкүров Р. З. Башкорт диалектологияһы. Өфө : Китап, 2020. 256 б.
22. Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). Л. : Наука, 1977. 190 с.
23. Radloff W. *Vergleichende Grammatik der nördlichen Türk Sprachen. Erster Teil. Phonetik der nördlichen Türk Sprachen*. Leipzig: T.O. Weigel's Verlag, 1882. XLV, 318 p.

References

1. Baishev TG. Bashkirskie dialekty v ih otnoshenii k literaturnomu yazyku = Bashkir dialects in their relation to the literary language. Moscow; 1955. 121 p. (In Russ.).
2. Batmanov IA. Istochniki formirovaniya tyurkskih yazykov Yuzhnoj Sibiri i Srednej Azii = Sources of the formation of the Turkic languages of Southern Siberia and Central Asia. Frunze; 1966. 360 p. (In Russ.).
3. Bessonov AG. Bukvar' dlya Bashkir = ABC book for the Bashkirs. Kazan; 1907. 46 p. (In Bashk.).
4. Grammatika altajskogo yazyka, sostavlena chlenami altajskoj misssh = Grammar of the Altai language, compiled by members of the Altai miss. Kazan; 1869. 298 p. (In Russ.).
5. Grammatika sovremennogo bashkirskogo literaturnogo yazyka = Grammar of the modern Bashkir literary language. Moscow; 1981. 495 p. (In Russ.).
6. Davletshin GY. Subdialects of the Bashkir language. *Bashqort aimagy = Bashkir region*. 1928;(6):76-85. (In Bashk.).

7. Dmitriev NK. Grammatika kumykskogo yazyka = Grammar of the Kumyk language. Moscow, Leningrad; 1940. 206 p. (In Russ.).
8. Dmitriev NK. Grammatika bashkirskogo yazyka = Grammar of the Bashkir language. Moscow, Leningrad; 1948. 276 p. (In Russ.).
9. Dybo AV, Abubakirova LF, Zimin MM, Korovina EV, Kochakaeva ZK, Sharov AV. Once again about the forms of the plural indicator in Turkic languages. *Oriental Studies = Oriental Studies*. 2020;13(5):1415-1437. (In Russ.).
10. Ishkildina LK, Valieva MR. Programma dlya sbora dialektного materiala po karaidel'skomu govoru severo-zapadного dialecta bashkirskogo yazyka (fonetika, morfologiya) = Program for collecting dialect material on the Karaidel dialect of the northwestern dialect of the Bashkir language (phonetics, morphology). Ufa; 2023. 72 p. (In Russ.).
11. Kaidarov AT. Kratkij grammaticheskij ocherk ujugurskogo yazyka. Uchebnoe posobie = A brief grammatical outline of the Uyghur language. Textbook. Almaty; 1966. 39 p. (In Russ.).
12. Keyekbaev ZhG. Bashkir dialects and a brief introduction to the history of their study. *Filmi yađmalar = Scientific records*. 1958;(2):27-81 (In Bashk.).
13. Kononov AN. Grammatika sovremennogo uzbekskogo literaturnogo yazyka = Grammar of the modern Uzbek literary language. Moscow, Leningrad; 1960. 446 p. (In Russ.).
14. Kononov AN. Grammatika yazyka tyurkskih runicheskikh pamyatnikov VII-IX vv. = Grammar of the language of Turkic runic monuments of the 7th-9th centuries. Leningrad; 1980. 255 p. (In Russ.).
15. Maksyutova NK. Vostochnyj dialekt bashkirskogo yazyka v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii = Eastern dialect of the Bashkir language in comparative historical coverage. Moscow; 1976. 292 p. (In Russ.).
16. Memetov AM. Krymskotatarskij yazyk = Crimean Tatar language. Simferopol; 2013. 576 p. (In Russ.).
17. Mirzhanova SF. Severo-zapadnyj dialekt bashkirskogo yazyka: Formirovanie i sovremennoe sostoyanie = Northwestern dialect of the Bashkir language: formation and current state. Ufa; 1991. 296 p. (In Russ.).
18. Mirzhanova SF. Yuzhnyj dialekt bashkirskogo yazyka = Southern dialect of the Bashkir language. Moscow; 1979. 272 p. (In Russ.).
19. Normanskaya YuV, Gadzhieva AA. How the form of the plural indicator has changed in the Turkic languages over the past 150 years. *Oriental Studies = Oriental Studies*. 2020;13(4):1121-1134. (In Russ.).
20. Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskih yazykov: morfologiya = Comparative-historical grammar of the Turkic languages: morphology. Moscow; 1988. 560 p. (In Russ.).
21. Shukurov RZ. Bashkort dialektologiyahy = Bashkir dialectology. Ufa; 2020. 256 p. (In Bashk.).
22. Shcherbak AM. Oчерki po sravnitel'noj morfologii tyurkskih yazykov (Imya) = Essays on the comparative morphology of Turkic languages (Name). Leningrad; 1977. 190 p. (In Russ.).
23. Radloff W. Vergleichende Grammatik der nördlichen Türksprachen. Erster Teil. Phonetik der nördlichen Türksprachen. Leipzig; 1882. XLV. 318 p. (In Germ.).

Сведения об авторе

М. Р. Валиева — кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела прикладной лингвистики и диалектологии Института истории, языка и литературы.

Information about the author

Madina R. Valieva — Cand. Sci. (Philology), researcher at the Department of Applied Linguistics and Dialectology of the Institute of History, Language and Literature.

Статья поступила в редакцию 08.01.2024; одобрена после рецензирования 29.01.2024; принята к публикации 22.03.2024.

The article was submitted 08.01.2024; approved after reviewing 29.01.2023; accepted for publication 22.03.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 811.161.1

doi: 10.47475/1994-2796-2024-485-3-15-21

ГЛАГОЛЬНЫЕ ДЕРИВАТЫ С ПРИСТАВКОЙ *НА-* В РУССКИХ ГОВОРАХ ПРИАМУРЬЯ

Валентина Тарасовна Садченко

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, ValentinaSadchenko@yandex.ru,
ORCID ID: 0000-0001-6276-6819

Аннотация. В статье рассматриваются производные глаголы с префиксом *на-* на малоизученном в данном аспекте диалектном материале русских говоров Приамурья, сформировавшихся на территории позднего заселения и находящихся, с одной стороны, под влиянием литературного языка и, с другой стороны, под междиалектным и иноязычным влиянием со стороны других говоров и аборигенных языков. Выделяются типы дериватов с префиксом *на-*, зафиксированные в «Словаре русских говоров Приамурья», представлена интерпретация основных значений данного префикса в производных глаголах, в том числе с точки зрения аспектологического подхода, отмечаются явления субституции и агглютинации, а также отличительные признаки диалектизмов по сравнению с литературными аналогами глаголов с данной приставкой.

Ключевые слова: глагольная лексика, префиксальное словообразование, типология значений, русские говоры

Для цитирования: Садченко В. Т. Глагольные дериваты с приставкой *на-* в русских говорах Приамурья // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 3 (485). С. 15–21. doi: 10.47475/1994-2796-2024-485-3-15-21

Original article

VERB DERIVATIVES WITH THE PREFIX *NA-* IN THE RUSSIAN DIALECTS OF THE AMUR REGION

Valentina T. Sadchenko

Pacific State University, Khabarovsk, Russia, ValentinaSadchenko@yandex.ru, ORCID ID: 0000-0001-6276-6819

Abstract. The article examines the derived verbs with the prefix *na-* on the dialect material that is poorly studied in this aspect — the Russian dialects of the Amur region, which were formed on the territory of late settlement and are, on the one hand, under the influence of the literary language and, on the other hand, under the interdialect and foreign language influence from other dialects and aboriginal languages. The types of derivatives with the prefix *na-*, recorded in the Dictionary of Russian Dialects of the Amur region, are distinguished, the interpretation of the main meanings of this prefix in derived verbs is presented, including from the point of view of an aspectological approach, the phenomena of substitution and agglutination are noted, as well as the distinctive features of dialectisms compared with literary analogues of verbs with this prefix.

Keywords: verbal vocabulary, prefixal word formation, typology of meanings, Russian dialects

For citation: Sadchenko VT. Verb derivatives with the prefix *na-* in the Russian dialects of the Amur region. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(3(485):15-21. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2024-485-3-15-21

Введение

Префиксальное глагольное словообразование продолжает вызывать интерес ученых, во-первых, в силу того, что префиксальный способ образования глаголов в русском языке является самым продуктивным (по подсчетам лингвистов, префиксальные глаголы составляют 90 % русской глагольной

лексики [14, с. 3]); во-вторых, глагольная префиксация осложняется целым рядом сопутствующих процессов (аспектуальные значения, вариационные, синонимические, гиперо-гипонимические отношения, что представляет интерес для исследования); в-третьих, семантика глагольных приставок до сих пор описана крайне недостаточно (как отмечает А. Богуславский, «описание семантики

приставок вызывает куда большие трудности, чем, например, описание семантики “целых слов”, причем глагольные приставки обладают менее уловимыми значениями, чем, например, субстантивные или адъективные» [1, с. 30]), недостаточно решена и проблема разграничения их полисемии и омонимии, нет однозначной интерпретации их функций, несмотря на то, что именно приставка является, по образному выражению Е. Р. Добрушиной, «душой» русского глагола [2, с. 11].

Анализируя эмпирические проблемы префиксации в современном русском языке, С. Г. Татевосов пишет о том, что набор и последовательность использования суффиксальных морфем «следует признать известным» и практически исчерпанным, с префиксальным же материалом дело обстоит иначе, в связи с чем по-прежнему в русском языке стоит вопрос о том, «как выглядит возможная глагольная основа» [12, с. 92–93].

Анализ глагольного приставочного словообразования и его изучения содержится в работе М. А. Кронгауза [5]. Исследуя теоретические проблемы префиксации и подробно описывая все возможные значения приставок *про-* и *от-* в современном русском языке, автор не уделяет такого же внимания приставке *на-*.

Мы обратимся только к тем исследованиям, которые не явились ранее предметом анализа и, в первую очередь, описывают в той или иной мере глагольную приставку *на-* в литературном языке и в русской диалектологии.

Интересна точка зрения А. Н. Тихонова по поводу данной приставки, который обращал внимание на то, что префикс *на-* в отличие от таких приставок как *по-*, *с-* и *о-* «не достигает той степени формализации», чтобы ее можно было считать чистовидовой. А. Н. Тихонов называл степень грамматикализации данной приставки «неполной» [13, с. 154].

В когнитивном аспекте рассматривает глагольные приставки, и в том числе приставку *на-*, Л. Янда, предлагающая ввести понятие «естественного перфектива», т. е. приставочного глагола совершенного вида, который отличается от соответствующего глагола несовершенного вида только «в аспектуальном отношении». Такие приставки автор называет «глагольными классификаторами». В то же время, рассматривая вопрос о распределении семантических признаков в перфективах, образованных с помощью приставок, Л. Янда пишет, что приставки никогда не бывают «семантически пустыми», что «поведение каждой приставки уникально», это объясняется их семантикой, что «различные приставки под-

черкивают различные аспекты значения бесприставочного глагола» [15, с. 3, 36].

Е. Р. Добрушина, опираясь на метод корпусного микродиахронического анализа, пишет, что «последовательной прозрачной связи между семантическим конструктом приставки и значением приставочных глаголов, в которые она входит, <...> нет ни для одной приставки». Исходя из этого тезиса, автор делит глагольные приставки на «семантически более и менее прозрачные»; приставку *на-* относит к «непрозрачным». Определяющим свойством данной приставки Е. Р. Добрушина называет возможность выражать «изменение» значения, которое «достигается за счет количественного накопления действия». Е. Р. Добрушина называет приставку *на-* «приставкой-событием» и обращает внимание на ее автономность в глагольном слове. Е. Р. Добрушина считает, что приставка «задает событие, описанное приставочным глаголом» [7, с. 13, 16, 57, 255].

Л. В. Табаченко отмечает, что глаголы с приставкой *на-* еще в древнерусском языке утратили пространственные значения и развили такие значения как ‘быть в наличии’, ‘присутствовать’, ‘надлежать’, ‘относиться’ и т. д. [11]

Ю. В. Королева, анализируя полипрефиксальные глаголы в русском языке, подчеркивает характерное для вторичного префикса *на-* кумулятивное значение [4].

Ю. В. Серышева на основе проведенного эксперимента отмечает, что префикс *на-*, выступающий в качестве вторичного, обладает «высокой степенью осознаваемости и соотносится с суммарно-накопительным значением» [8, с. 20].

Материалы и методы исследования

Вопрос об особенностях употребления префикса *на-* в диалектных глагольных лексемах решается в данной работе при помощи описательно-аналитического, структурно-семантического и сопоставительного методов в синхронном аспекте. Используется также методика количественных наблюдений и сопоставлений, способствующая выявлению наиболее частотных и продуктивных словообразовательных моделей анализируемых единиц.

Результаты исследования и их обсуждение

Префиксальные глаголы с приставкой на- в русских говорах Приамурья

В «Словаре русских говоров Приамурья» (далее — СРГП) [9] выделено 197 глагольных лексем с приставкой *на-*.

Эмпирический материал позволил распределить все глаголы с префиксом *на-* на следующие типы.

1. Глаголы совершенного вида со значением 'довести действие, названное мотивирующим глаголом, до результата': *нагрудить* ('собрать, сгрести что-либо в большие кучи'), *надозолить* ('сделать неприятности, навредить кому-либо'), *натопорить* ('напрячь слух, внимательно прислушаться'), *нашнурить* ('нанизывая, собрать что-либо'), *нашо-рошить* ('испугать'), *надыбать* ('найти, отыскать'), *наморфинить* ('привести в наркотическое состояние введением морфия'), *намы-кать* ('обработать льняное молоко рубнем'), *напнуть* ('надеть'), *напрутать* ('настрогать'), *насандалиться* ('сделать макияж'), *настелиться* ('приготовить постель для сна'), *наушить* ('потерять'), *начарать* ('написать'), *нашурухать* ('нарвать'), *наверишить* ('закончить укладку стога'), *наячиться* ('похвастаться'), *накрынкать* ('собрать сливки с молока, разлитого по кринкам'), *накопнять* ('класть копны'), *надрючить* ('поручить насильно, вменить в обязанность, заставить'), *накоковать* ('предсказать'), *накрутить* ('замесить тесто'), *накрычить* ('нарубить'), *наладить* ('приготовить пищу; вылечить народными средствами'), *наладиться* ('собраться, приготовиться'), *намылиться* ('собраться, отправиться'), *нарушать* ('нарезать ломтями'), *насморгать* ('нарвать руками'), *наснувать* ('связать'), *набелиться* ('накраситься'), *напыжить* ('выгнать, изгнать'), *накачать* ('наполнить начинкой') (32 лексемы).
2. Глаголы совершенного вида со значением 'накопить(ся) в определенном количестве с помощью действия, названного мотивирующим глаголом': *набухтать* ('налить чего-либо сверх меры'), *напаюсить* ('насолить паюсной икры'), *напиковать* ('отделить швом'), *наростить* ('вырастить'), *наскладить* ('сделать складки на одежде'), *натерять* ('роняя неоднократно, растерять'), *напилять* ('напилить'), *настебать* ('отстрелять дичь на охоте'), *нафышкать* ('набрызгать через пульверизатор'), *наликвасить* ('накрасить'), *наробить* ('приготовить в большом количестве'), *насосить* ('накормить ребёнка вдоволь грудным молоком'), *настружить* ('настрогать'), *набаскать* ('наговорить много'), *набурдыгать* ('налить, добавить избыточно что-либо'), *наболтахать* ('наговорить много'), *набуро-*

вить ('налить, наложить чего-либо сверх меры; наговорить с избытком нелепостей, вздора'), *наиматься* ('нацепляться, навешаться'), *набучить* ('набуровить, налить, наложить чего-либо сверх меры'), *набухтнуть* ('налить, наложить чего-либо сверх меры'), *навеситься* ('сесть в большом количестве, повиснуть на чём-либо'), *наворотить* ('положить обильно, в большом количестве'), *накарамчить* ['накопить, сберечь (о деньгах)'], *наобдирать* ('снять оболочку с зерна в большом количестве'), *напучкать* ('наместить чего-либо в большом количестве'), *насадить* ('поставить, наставить в большом количестве'), *насаранать* ('сгребая что-либо, собрать в значительном количестве'), *наславить* ('во время святочных гуляний с песнями и посещением сельчан насобирать в значительном количестве подарков, угощений'), *насымать* ('снять верхний слой молока в каком-либо количестве'), *наловить* ('собрать, услышать'), *насдобить* ('приготовить съестного впрок'), *насукуать* ('насушить'), *нафу-рить* ('набросать, насорить'), *насобираться* ('собраться в большом количестве'), *насобировать* ('набрать, накопить что-либо в значительном количестве за определенное время'), *наспуцать* ('опуская, положить в каком-либо количестве'), *наштырять* ('сделать что-либо в значительном количестве'), *навымнуть* ('то же, что набрякть'), *наздевать* ('много, чрезмерно надеть') (39 единиц).

К данной группе, состоящей из глаголов совершенного вида, можно отнести две лексемы несовершенного вида: *наваживать* ('привозить большое количество чего-либо') и *набурывать* ('рубить в значительном количестве').

Отдельно следует рассмотреть глагол *насдобить*: «Чайник опрокинула, обварила себе руку. Быстро сбегали к соседям, пришли, насдобили руку маслом (Алб. Скв.). Амур. (Скв.)» [9, с. 263]. Приставка *на-* в данном случае имеет значение направленности на поверхность, а именно 'наложение, помещение на поверхность предмета'.

В «Словаре русского языка» данное значение приставки характеризуется как продуктивное [10, с. 324].

3. В материалах СРГП зафиксированы лексемы *натрапнуть* ('набрести случайно') с общим значением движения и дополнительным значением 'натолкнуть(ся) на что-нибудь во время движения', а также глагол *набугать* ('стремительно настигать, набегать'),

который имеет значение ‘соприкосновение с предметом в результате приближения к нему’.

«Русская грамматика» отмечает продуктивность значения ‘натолкнуть(ся) на что-н.’ [6, с. 361].

4. Глаголы, обозначающие ‘интенсивность действия’: *наварначить* (‘напроказничать’), *нагабардеть* (‘чрезмерно наплакаться’), *намасовать* (‘натереть до мозолей’), *нашибать* (‘накосить сена вручную в несколько приемов’), *навозить* (‘избить’), *нажучить* (‘избить’), *наклюшить* (‘нашлепать, наказать’), *нагореть* (‘прогреться’), *назливать* (‘насочинять, напридумывать чрезмерно’), *напереть* (‘переместить под большим напором’), *насугнать* (‘прогнать, устрашая, ударяя’), *науязить* (изломать, испортить что-либо), *набубнить* (сильно побить, нахлестать), *набуцкать* (‘наносить неоднократно удары’), *натусовать* (‘наносить удары неоднократно’), *навтыкать* (‘множественно нанося удары, избить’).

В «Русской грамматике» это тип охарактеризован как продуктивный [6, с. 362]. В изучаемой группе говоров лексем с данным значением приставки немного — 16.

5. В материалах словаря также зафиксирован глагол *натакать* со значением ‘научить’.

В «Русской грамматике» глаголы с общим значением ‘приучить(ся) к чему-нибудь, обучить(ся) чему-нибудь с помощью действия, названного мотивирующим глаголом’ выделяются в отдельный тип (5). В то же время отмечено, что «в ряде глаголов значение обучения выражается мотивирующей основой» [6, с. 362].

Представляется, что и глагол *научить* в русском литературном языке, и диалектный глагол *натакать* выражают указанное значение именно основой, а префикс имеет значение результативности.

В материалах СРГП зафиксирован также синонимичный глаголу *натакать* дериват *надрюкать*, имеющий не только общее значение ‘научить’, но и дополнительное — ‘подтолкнуть к чему-либо’.

6. В сочетании с постфиксом *-ся* префикс *на-* придает глагольной основе значение ‘полного удовлетворения или пресыщенности действием’: *наголотиться* (‘наплакаться’), *надудониться* (‘напиться вволю, чрезмерно’), *нажогаться* (‘чрезмерно напиться, стать пьяным’), *накурнаться* (‘понирыть много, вдоволь’), *налачиться* (‘вдоволь полакомиться’), *начаяваться* (‘напиться вдоволь чаю’),

набучкаться (‘проработать много, чрезмерно’), *нагоремычиться* (‘испытать горе’), *назобаться* (‘чрезмерно напиться, стать пьяным’), *наклявываться* (‘наедаться чрезмерно (о птицах)’), *накулемиться* (‘чрезмерно одеться’), *намантулиться* (‘проработать много, чрезмерно’), *намолотиться* (‘чрезмерно, с большим аппетитом наесться’), *насодиться* (‘съесть слишком много, объестся’), *насосаться* (‘накуриться’), *нацедиться* (‘чрезмерно напиться, стать пьяным’), *настрахаться* (‘испытать длительный, сильный испуг’) (17 единиц).

Выделенные в СРГП глагольные дериваты с префиксом *на-* в целом подтверждают тезис В. А. Закревской о преобладающем количестве приставочных глагольных форм совершенного вида в русских говорах в целом [3, с. 149].

Глагольные лексемы несовершенного вида с приставкой *на-* в количественном отношении в русских говорах Приамурья значительно уступают глаголам совершенного вида. Всего в материалах СРГП зафиксировано 20 таких лексем (что составляет 10 % от общего количества глаголов с префиксом *на-*): *наглядать* (‘выбирать понравившийся предмет, человека’), *наглядывать* (‘проследить’), *намарицивать* (‘собирать в сборку, стягивать’), *натрамбавывать* (‘уплотняя, заполняя’), *набрякать* (‘наполняться молоком’), *накладать* (‘класть в значительном количестве’), *набивать* (‘наносить ссадины плечу при стрельбе из винтовки или ружья’), *набугать* (‘стремительно настигать, набегать’), *наващивать* (‘прикреплять к рамке воск’), *наживать* (‘пронизывать крупными стежками, намечая линию шва; намечивать’), *начинявывать* (‘пропитывать’), *начитывать* (‘давать наставления кому-либо’), *накучивать* (‘собирать, сворачивать что-либо в узел’), *намыкивать* (‘обрабатывать льняное волокно гребнем, приготовить его для прядения’), *наплывать* (‘нападать’), *наприкалывать* (‘привязывать к приколу’), *насбирывать* (‘накапливать, собирая что-либо’), *наснастывать* (‘прикреплять крючки к снасти’), *наменять* (‘предназначать, предопределять кому-либо что-либо’), *напрядать* (‘набухать’).

Видовые корреляции глаголов

Ряд глаголов образует соотносительные видовые корреляции

а) путем вторичной имперфективации от глаголов совершенного вида с префиксом *на-*: *наглядеть* → *наглядывать* в значении ‘проследить’ (зафиксированный в СРГП глагол

наглядать семантически не тождествен, имеет другое значение — ‘выбирать’, следовательно, не образует корреляции с глаголом *наглядеть*), *намыкать* → *намыкивать*, *наплыть* → *наплывать*, *наприколоть* → *наприкаливать*, *насбирать* → *насбирывать*, *наснастать* → *наснастывать*, *наменить* (предназначить, предопределить кому-либо что-либо) → *наменять*, *напрясть* → *напрядать*, а также

б) путем перфективации от бесприставочных глаголов несовершенного вида:

кормоваться → *накормоваться*;

малярить → *намалярить*;

тропить → *натропить*;

шиньгать → *нашиньгать*.

В материалах СРГП обнаружены некоторые неточности в комментариях к глагольным лексемам применительно к их видовой отнесенности, в частности, в словарной статье, посвященной глаголу «**НАЛИВАТЬ**, *ю, е ш ь*, сов., что. *Заполнять пирог начинкой*. Пироги делали большие, наливали черёмухой (*Деж. Лен.*). *Хаб. (Лен.)*» [9, с. 258], указан совершенный вид, а литературный аналог в комментариях к лексическому значению глагола и иллюстративный пример соответствуют несовершенному виду. Кроме того, на значение незавершенной длительности действия указывает и формант — суффикс **-ва-** в основе глагольной лексемы.

Явления субституции и агглютинации

Субституция приставки

Номенклатура замещаемых приставкой **на-** морфем: **по-, за-, вы-, про-**.

Приставка **на-** может выступать в качестве замещающего компонента в глагольных дериватах:

по-/ на-: *подёрнуться* → *надёрнуться*;

за-/ на-: *заострить* → *наострить*;

вы-/ на-: *высохнуть* → *насохнуть*;

про-/ на-: *проведасть* → *наведасть*.

При этом общая семантика глагольного слова, как правило, не изменяется: *надёрнуться* (‘покрыться слегка чем-либо, подёрнуться’) — значение неполноты действия сохраняется.

Агглютинация

Приставка **на-** в русских говорах Приамурья может выступать в качестве вторичной в полипрефиксальных глаголах: *наповадиться* (‘приобрести привычку делать что-либо нежелательное’), *напомотать* (‘намотать что-либо многократно’), *напопадать* (‘попадать куда-либо в большом количестве, пойматься’), *напосылать* (‘прислать

много, отправляя что-либо неоднократно’), *напочинать* (‘начинать’).

Присоединение дополнительной приставки может сопровождаться смещением ударения: *пахн’уть* → *нап’ахнуть*.

Интерес представляет совмещение двух процессов — **субституции и агглютинации**.

В частности, в глагольной лексеме *настребовать* {«**НАСТРЕБОВАТЬ**, *б у ю, б у е ш ь*, сов., что. *Потребовать в категорической форме многого*. Председатель у нас строгий, настребует чё, не отступится (*Алб.Скв.*). Настребует баран чёрти сколько (*Ленское Лен.*). *Амур. (Скв.) Хаб. (Лен.)*» [9, С. 264]} приставка **на-** является вторичной, замещающей приставку **по-**; в качестве первичной используется приставка **с-**. Оба префикса выражают значение совершенного вида (‘довести действие до результата’), кроме того, в глагольной лексеме появляется дополнительное эмоционально-экспрессивное значение ‘в категорической форме многого’.

Выводы

В русских говорах Приамурья в целом представлены практически все типы глагольных дериватов с префиксом **на-**, выделяемые и в русском литературном языке. Отличия наблюдаются в продуктивности типов, выражающейся в их количественной представленности в материалах говоров.

Преобладающим в количественном отношении является тип производных глаголов совершенного вида со значением ‘накопить(ся) в определенном количестве с помощью действия, названного мотивирующим глаголом’.

Отдельные типы, характеризующиеся в литературном языке как продуктивные, в говорах представлены единичными примерами (производные дериваты с общим значением движения и дополнительным значением ‘натолкнуть(ся) на что-нибудь во время движения’, а также глаголы с общим значением ‘приучить(ся) к чему-нибудь, обучить(ся) чему-нибудь с помощью действия, названного мотивирующим глаголом’).

Глаголы, совмещающие значения направленности на поверхность и накопления данной диалектной группе не свойственны: отмечен единичный пример (*насобить*).

Глаголы со значением ‘слабо, слегка, бегло совершить действие, названное мотивирующим глаголом’ (тип в литературном языке отмечен как непродуктивный, но представленный рядом единиц), в «Словаре русских говоров Приамурья» не зафиксированы.

Характерными особенностями реализуемой лексико-грамматической семантики префикса **на-** являются его способность замещать другие префиксы (явление субституции), а также участвовать в деривации полипрефиксальных глагольных единиц в качестве аддитивного (прибавляемого) префикса.

Субституция префиксов в целом не приводит к изменению лексического значения глагольного деривата, что свидетельствует о появлении у пре-

фикса **на-** значений, дублирующих значения других приставок, то есть о семантическом обогащении данного префикса в группе русских говоров Приамурья.

В качестве вторичной в полипрефиксальных глаголах данная приставка отличается синкретизмом значений: совершенный вид + модификационное лексическое значение. Таким образом, агглютинация с префиксом **на-** приводит к образованию более сложного, отличного от исходного значения.

Список источников

1. Богуславский А. Глагольная префиксация в современном русском языке // Московский лингвистический журнал. 2001. Т. 5, № 1. С. 7–36.
2. Добрушина Е. Р. Корпусные исследования по морфемной, грамматической и лексической семантике русского языка. М. : Изд-во ПСТГУ, 2014. 272 с.
3. Закревская В. А. Употребление приставочных глаголов совершенного и несовершенного видов в диалектной речи: На материале архангельских народных говоров : дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 234 с.
4. Королева Ю. В. Полипрефиксальные глаголы в русском языке : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2003. 262 с.
5. Кронгауз М. А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. 286 с.
6. Русская грамматика: в 2-х т. / под ред. Н. Ю. Шведова. М. : Наука, 1980. Т. 1. 784 с.
7. Русские приставки: многозначность и семантическое единство / Е. Р. Добрушина, Е. А. Меллина, Д. Пайар; отв. ред. Е. Р. Добрушина. Д. Пайар. М. : Русские словари, 2001. 270 с.
8. Серышева Ю. В. Полипрефиксальные глаголы в языковом сознании носителей русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2013. 24 с.
9. Словарь русских говоров Приамурья / авт.-сост. О. Ю. Галуза, Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова, Л. Ф. Пулягина, Н. П. Шенкевец. 2-е изд., испр. и доп. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2007. 544 с.
10. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; ред. А. П. Евгеньева. 2-е изд., испр. и доп. М. : Рус. яз., 1981–1984.
11. Табаченко Л. В. Приставочные позиционные глаголы в истории русского языка: полиаспектный анализ: дис. ... д-ра филол. наук. Ростов-н/Д., 2011. 471 с.
12. Татевосов С. Г. Множественная префиксация и анатомия русского глагола // Корпусные исследования по русской грамматике / ред.-сост. К. Л. Киселева, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина, С. Г. Татевосов. М. : Пробел, 2009. С. 92–156.
13. Тихонов А. Н. Чистовидовая приставка НА- в современном русском языке // Труды Самаркандского университета. Самарканд, 1962. Вып. 118. С. 141–154.
14. Тихонов А. Н. Префиксы и префиксальные глаголы в 17-томном словаре русского языка. Русское словообразование // Труды Самаркандского университета. Новая серия. 1976. Вып. 203. С. 3–52.
15. Янда Л. Русские приставки как система глагольных классификаторов // Вопросы языкознания. 2012. № 6. С. 3–47.

References

1. Boguslavskij A. Verb prefixation in modern Russian. *Moskovskij lingvisticheskij zhurnal = Moscow Linguistic Journal*. 2001;(5(1):7-36. (In Russ.).
2. Dobrushina ER. Korpusnye issledovaniya pomorfemnoy, grammaticheskoy i leksicheskoy semantike russkogo yazyka = Corpus studies on morphemic, grammatical and lexical semantics of the Russian language. Moscow; 2014. 272 p. (In Russ.).
3. Zakrevskaya VA. Upotreblenie pristavochnykh glagolov sovershennogo i nesovershennogo vidov v dialektnoy rechi: Na material arxangel'skikh narodnykh govorov = The use of prefixed verbs of perfect and imperfect types in dialect speech: Based on the material of Arkhangelsk folk dialects. Thesis. Moscow; 2002. 234 p. (In Russ.).

4. Koroleva YuV. Poliprefiksál'nye glagoly v russkom yazyke = Polyprefixal verbs in the Russian language. Thesis. Tomsk, 2003. 262 p. (In Russ.).
5. Krongauz MA. Pristavki i glagoly v russkom yazyke: semanticheskaya grammatika = Prefixes and verbs in Russian: semantic grammar. Moscow; 1997. Pp. 4-28. (In Russ.).
6. Russkaya grammatika = Russian grammar: in 2 volumes. Moscow; 1980. Vol. 1. 784 p. (In Russ.).
7. Dobrushina ER, Mellina EA, Pajar D. Russkie pristavki: mnogoznachnost' i semanticheskoe edinstvo = Russian prefixes: ambiguity and semantic unity. Moscow; 2001. 270 p. (In Russ.).
8. Serysheva YuV. Poliprefiksál'nye glagoly v yazykovom soznanii nositeley russkogo yazyka = Polyprefixal verbs in the linguistic consciousness of native speakers of the Russian language. Abstract of thesis. Tomsk, 2013. 24 p. (In Russ.).
9. Galuza OYu, Ivanova FP, Kirpikova LV, Putyatina LF, Shenkevets NP (eds.). Slovar' russkikh govorov Priamur'ya = Dictionary of Russian Dialects of the Amur Region. Blagoveshchensk: BSPU Publishing House; 2007. 544 p. (In Russ.).
10. Evgeniev AP (ed.). Slovar' russkogo yazyka = Dictionary of the Russian language. In 4 vol. Moscow: Russkiy yazyk; 1981–1984. (In Russ.).
11. Tabachenko LV. Pristavochnye pozicionnye glagoly` v istorii russkogo yazyka: poliaspektnyy analiz = Prefixed positional verbs in the history of the Russian language: a multidimensional analysis. Thesis. Rostov-on-Don; 2011. 471 p. (In Russ.).
12. Tatevosov SG. Multiple prefixation and anatomy of the Russian verb. In: Korpusnye issledovaniya po russkoy grammatike = Corpus studies in Russian grammar. Moscow; 2009. Pp. 92-156. (In Russ.).
13. Tixonov AN. The pure-type prefix IN- in modern Russian. In: Trudy Samarkandskogo universiteta = Works of Samarkand University. Samarkand; 1962. Iss. 118. Pp. 141-154. (In Russ.).
14. Tixonov AN. Prefixes and prefixal verbs in the 17-volume dictionary of the Russian language. Russian word formation. In: Trudy` Samarkandskogo universiteta. Novaya seriya = Works of Samarkand University. New series. Samarkand; 1976. Iss. 203. Pp. 3-52. (In Russ.).
15. Yanda L. Russian prefixes as a system of verbal classifiers. *Voprosy yazykoznaniiya = Topics in the study of language*. 2012;(6):3-47. (In Russ.).

Информация об авторе

В. Т. Садченко — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Высшей школы русской филологии.

Information about the author

Valentina T. Sadchenko — Doctor Sci. (Philology), Professor, Leading Researcher at the Higher School of Russian Philology.

Статья поступила в редакцию 10.01.2024; одобрена после рецензирования 22.01.2024; принята к публикации 22.03.2024.

The article was submitted 10.01.2024; approved after reviewing 22.01.2023; accepted for publication 22.03.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 811'11

doi: 10.47475/1994-2796-2024-485-3-22-32

КОМПРЕССИВНЫЕ СПОСОБЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛОКВИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ С ИМПЛИЦИТНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СЛОВАРЯХ

Анастасия Вадимовна Фалеева

Самаркандский государственный институт иностранных языков, Самарканд, Узбекистан. faleyevanastya97@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности формирования разговорного английского языка с учётом изучения коллоквиальных слов с символическим значением, образованных посредством телескопии и усечений. Разработана классификация телескопии на примере современных английских коллоквиализмов. Автор рассматривает компрессивные коллоквиализмы с имплицитной гендерной, лингвокультурологической и иной семантикой с учётом многозначности, омонимии, синонимии, антонимии.

Ключевые слова: имплицитное значение, разговорный пласт, гендер, коллоквиализм, телескопия

Для цитирования: Фалеева А. В. Компрессивные способы формирования коллоквиальной лексики с имплицитным значением в англоязычных словарях // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 3 (485). С. 22–32. doi: 10.47475/1994-2796-2024-485-3-22-32

Original article

COMPRESSIVE WAYS OF FORMING COLLOQUIAL LEXIS WITH IMPLICIT MEANING IN ENGLISH DICTIONARIES

Anastasiya V. Faleeva

Samarkand State Institute of Foreign Languages, Samarkand, Uzbekistan, faleyevanastya97@mail.ru

Abstract. The article discusses the features of the formation of the colloquial English language, taking into account the study of colloquial words with symbolic meaning, formed by means of telescoping and clipping. A classification of telescoping has been developed on the example of modern English colloquialisms. The author considers compressive colloquialisms with symbolic gender, linguoculturological and other semantics, taking into account polysemy, homonymy, synonymy, antonymy.

Keywords: implicit meaning, colloquial layer, gender, colloquialism, telescoping

For citation: Faleeva AV. Compressive ways of forming colloquial lexis with implicit meaning in English dictionaries. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(3(485):22-32. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2024-485-3-22-32

Введение

В мировой лингвистической науке на современном этапе в центре внимания находится проблема изучения английского языка, дальнейшая разработка и совершенствование теоретической и практической базы разговорного пласта лексики, её вариантов для своевременной фиксации и систематизации сведений с опорой на словари, тексты художественной литературы, средства массовой информации. Большое значение приобретают изучение «социальных предпосылок» [5, с. 35], анализ лингвокультурологи-

ческих особенностей «англоязычных субкультур» [9, с. 104], рассмотрение межуровневой специфики [10, с. 284], выявление «имплицитного значения» [8, с. 307]. Образование новых слов и переосмысление значений уже имеющих выражений в разговорной речи приводит к частичной, а иногда и полностью «ложной трактовке» [2, с. 48] коллоквиализмов и непониманию контекста.

Имплицитное значение в коллоквиализмах часто «маскируется» [7, с. 102] посредством сокращения ряда компонентов или целых слов. Структурный состав разговорных выражений

подвергается процессам «изменения» [11, с. 58] и «адаптации» [12, с. 120] к конкретным контекстам с учётом влияния сопутствующих лингвистических и экстралингвистических факторов.

Компрессивный способ словообразования остаётся на лидирующих позициях при формировании colloquial lexis по ряду причин, а именно: а) лаконичности образованных форм слов [14, с. 103], б) лёгкости воспроизведения конструкций при повседневном общении [6, с. 23], в) отсутствия «эффекта нагромождения» в составе словосочетаний и предложений [13, с. 401], г) широкого спектра употребления и т. д.

Нередко отмечают процессы «миграции» [15, с. 109] сокращённых вариантов отдельных морфем или слов из других языков, а также диалектов, что свидетельствует о процессах морфемной и лексической адаптации в английской colloquial lexis вследствие влияния лингвистических (фонетических особенностей, орфографических норм и т. д.) и экстралингвистических факторов (исторических, экономических, политических, социологических и культурологических предпосылок).

Актуальность исследования обуславливается реализацией наиболее полного представления истинной лексикографической картины анализа и систематизации компрессивных способов формирования разговорных слов и выражений в период нового вектора развития английского языка в качестве лингва франка.

Цель исследования заключается в изучении лексико-семантических и деривационных особенностей классификации colloquial lexis с имплицитным значением, сформированных посредством компрессивных способов образования на материале современных англоязычных лексикографических источников.

Научная новизна исследования заключается в анализе основных способов экономии лексических средств, наблюдаемых при образовании colloquial lexis в словарях английского языка, в выявлении инновационных процессов, происходящих в лексико-семантическом и деривационном плане при преобразовании семантической нагрузки colloquial lexis, в изучении новых тенденций в пополнении лексического пласта разговорной речи английского языка с учётом характера подачи colloquial lexis в словарных статьях, в раскрытии имплицитного значения сокращённых форм colloquial lexis слов и выражений в современных лексикографических источниках.

Практическая значимость исследования состоит в том, что в данной статье разработана классификация colloquial lexis, состоящая из 12 типов телескопии и 5 типов усечений с раскрытием особенностей символического значения разговорных слов, связанных с человеком, его жизнедеятельностью, взаимоотношениями, интересами и современными технологиями. Разрабатываемую автором классификацию деривационных моделей в данном научном исследовании, а также выделенные тематические группы разговорных слов и выражений в предыдущих сериях статей, планируется использовать при разработке современных тематических словарей разговорного английского языка с включением словообразовательных моделей. Исследование вариаций образования colloquial lexis отдельных слов посредством усечений и внутренней вставки лексем с разрывом состава разговорных слов и выражений позволит не только прогнозировать возможные изменения в орфографическом плане, но также выявить максимальное количество вариантов для дальнейшего исследования двойственности орфографического представления английской colloquial lexis.

Методы и материалы исследования

Данная статья базируется на системно-структуральном методе исследования при проведении анализа современного состояния словообразовательных процессов в разговорном английском языке, что позволяет отразить некоторые особенности формирования компрессивных colloquial lexis с опорой на печатные и электронные лексикографические источники. Посредством классификации телескопии выявляются деривационные модели, используемые при образовании лексем, отражающих имплицитное значение топонимических, гендерно-окрашенных, культурологических и иных разговорных единиц с включением синонимических и антонимических лексем. Применение описательного метода позволяет осуществить развёрнутый анализ отдельных colloquial lexis слов и продемонстрировать их активное применение в конкретных контекстах. Основываясь на номинативно-деривационном методе, мы рассматриваем отдельные группы colloquial lexis, образованные посредством инициального, срединного, финального, двустороннего усечения и слияния стяжений, включая в описание особенности орфографического оформления устной речи на письме, дифференциацию омонимичных форм разговорных

слов и наличие нескольких значений. Методом сплошной выборки были отобраны некоторые коллоквиальные единицы, пополнившие состав английской коллоквиалистики с учётом темпорального фактора на современном этапе. Преимущественно в анализируемую базу материалов данной статьи вошли разговорные слова из тематических групп лексем с имплицитным значением технологического прогресса, гендера, некоторые слова из субкультур. Отбор материалов исследования был выполнен на базе 250 разговорных слов, представленных в 11 современных англоязычных словарях.

Основная часть

Интенсивное научное осмысление словообразовательных процессов в разговорном языке выявляет необходимость языковой экономии лексических средств при эволюционном формировании нового лексического пласта коллоквиалистики английского языка [1, с. 93; 4, с. 72]. Телескопия (контаминация/слияние) как продуктивный способ словообразования современного английского языка строится по следующим моделям: 1) соединение полной формы одного слова с частью другого слова; 2) соединение усечённых форм обоих слов; 3) соединение полных форм обоих слов с эффектом наложения морфемы.

Радикальное изменение происходит при слиянии слов с противоположными значениями. Ср.: *friend + enemy = frenemy* со значением «друг и враг одновременно» по модели $N + N = N$. Ср.: «They were just frenemies — friends in real life and enemies in the press» (Они были и друзьями и врагами одновременно — друзьями в жизни, а врагами в прессе)¹. Толкования такого рода коллоквиализмов включают антонимические компоненты в составе словарной статьи (друг и враг). Образование разговорных слов посредством телескопии может осуществляться на базе компонентного состава с гендерными противопоставлениями. Ср.: *hesh = he* (он) + *she* (она) в значении «женоподобный мужчина», в винительном падеже *himmer = him + her* — «мужчина женоподобного вида» и т. д. Однако среди разговорных слов, образованных посредством телескопии, встречаются и коллоквиализмы, состоящие из слов близких по значению. Ср.: *acquaintroduce = acquaint* («знакомить») + *introduce* («представлять») в значении «познакомить кого-либо с кем-либо», *firststart =*

first («первый») + *start* («начало») — «начало, дебют; начинать, дебютировать» и т. д.

Антонимические и синонимические отношения, выявленные у коллоквиализмов с имплицитным значением в усечённых и стяжённых формах, проявляются не только на уровне самого толкования в словаре, но и между компонентами разговорного выражения. Антонимия и синонимия весьма распространены среди разговорного пласта английского языка, что связано с желанием человека в процессе общения разнообразно, быстро, эмоционально-экспрессивно выразить информацию с применением компрессивного подхода как средства экономии временного фактора и лингвистических средств [3, с. 25]. Существование достаточно солидной базы синонимических и антонимических отношений на уровне семантического толкования коллоквиализмов с имплицитным значением, связано с использованием на практике богатых, широко ассоциативных образов, применяемых при описании различных сфер жизнедеятельности человека и его собственной идентификации.

Образование коллоквиализмов посредством телескопии наблюдается часто при соединении географических названий, наций, имён и т. д. Ср.: *Nylon* используется при обозначении человека, чередующего проживание в Нью Йорке и в Лондоне, наслаждающегося трансатлантическим образом жизни. *Nylon* часто употребляется в отношении высокооплачиваемого начальника «нью-йоркский лондонец». Образовано по модели *New York + London = Nylon*. Ср.: «I'm a Nylon, I'm a New-York Londoner, I travel all the time over the Pond»² (Я нью-йоркский лондонец, всё время езжу туда-сюда через Атлантический океан).

В ходе анализа коллоквиализмов с имплицитным значением, образованных посредством телескопии, нами была составлена классификация, состоящая из следующих 12 групп:

- 1) телескопия, осуществляемая посредством слияния начала первого слова с конечной частью второго слова: *bleg = blog + beg* — «интернет-сайт, используемый для выпрашивания пожертвований», *blook = blog + book* — «книга, скачанная с блога в Интернете», *Vi-tel = vital + hotel* — «недорогой, пользующийся спросом у туристов отель», *acrobatorium = acrobatics + auditorium* —

¹ Семиволкова С. В. Современный англо-русский словарь живого английского языка. М.: Астрель, 2010. С. 414.

² Hawker S. Pocket Oxford English Dictionary. Oxford : Oxford Univ. Press, 2013. 1104 p. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения: 21.09.2023).

«зал для занятий акробатикой» и т. д. Ср.: «Although he's nearly thirty, he still lives with his parents, big guy, it's time for this adultescent to move on, don't you think?»¹ (Ему уже почти тридцать лет, здоровому лбу, а он всё продолжает жить с родителями, не пора ли этому дитяте начать жить самостоятельно?) Среди примеров были обнаружены коллоквиализмы омонимы, образованные посредством телескопии. Ср.: *stagflation* (*stagnation* + *inflation*) в значении «стагфляция (сочетание стагнации в экономике с инфляцией)» и *stagflation* (*stag* + *inflation*) — «удорожание холостяцких удовольствий»;

- 2) телескопия, осуществляемая посредством слияния полной формы первого слова с усечением формы второго слова: *adultescent* = *adult* + *adolescent* в значении «взрослый человек, ещё не осознавший, что он вырос», *wiki-torial* = *wiki* + *editorial* в значении «передовая статья на «вики» сайте, подлежащая редактированию пользователями», *babelicious* = *babe* + (*de*)*licious* в значении «сладкая, аппетитная (о женщине)», *Zootique* = *Zoo* + *boutique* — «дорогой магазин, торгующий одеждой для животных», *wannarexia* = *wanna* (*to want*) + *anorexia* — «желание страдать от анорексии, чтобы оставаться худым», *ass-o-lescent* = *ass* + *adolescent* — «непутевый, сложный подросток» и т. д. Ср.: «She's sooo ... babelicious, I can't take my eyes off her!»² (Она такая аппетитная, не могу глаз от неё оторвать!)

Несмотря на то, что пример *wannarexia* демонстрирует образование разговорного слова с участием коллоквиализмов *wanna* и медицинского термина *anorexia*, зачастую образование разговорного пласта английского языка посредством телескопии происходит при участии слов с нейтральной окраской.

В примере *Andymonium* = *Andy Murroy* + *randemonium* (в значении «столпотворение, неразбериха») используется имя собственное (с опущением фамилии) для образования коллоквиализма;

- 3) телескопия, осуществляемая посредством слияния усечённой формы первого сло-

ва с полным сохранением формы второго слова: *bluebugging* = *blue(tooth)* + *bugging*, *bluesnarfing* = *blue(tooth)* + *snarf* (с добавлением суффикса *-ing*) в значении «незаконное подключение к чужому мобильному телефону», *visualisee* = *visualise* + *see* — «визуализировать, представлять» и т. д. Ср.: «The bluebugging is a useful tool of a hacker which allows him not only to make calls from your mobile, but also to listen to all your conversations»³ (Блубагинг является полезным инструментом для хакера, который позволяет ему не только звонить за твой счёт, но и подслушивать все твои разговоры);

- 4) телескопия, осуществляемая посредством слияния начала первого слова с полной формой второго слова с конечной частью первого слова: *ambisextrous* = *ambidextrous* + *sex* в значении «привлекательный для обоих полов», *absonotly* = *absolutely* + *not* — «совсем нет, напротив, наоборот». Ср.: «Each Friday she has a lunch with her ambisextrous interior designer»⁴ (Она всегда обедает по пятницам со своим дизайнером неопределённой ориентации).

В подобных примерах коллоквиализмы образованы путем разрыва слова на две части со вставкой смыслового элемента в середине слова. Такой способ образования позволяет с сохранением основного значения принести в слово новый оттенок значения, усиливая отрицательную или положительную окраску. Рассмотрим варианты коллоквиализмов из словарной статьи с варьирующимися вставочными элементами в середине слова. Ср. варианты наречия *abso-bloody-lutely* в значении «абсолютно»: *abso-blessed-lutely*, *abso-bally-lutely*, *abso-blooming-lutely*, *abso-fucking-lutely*;

- 5) телескопия, осуществляемая посредством слияния полной формы первого слова с началом сложного второго слова: *bandslash* = *band* + *slash(fiction)* в значении «вид литературной эротической фантазии, в которой в качестве главных героев фигурируют известные музыканты». Ср.: «This publishing

¹ McIntosh C. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2009. 1852 p. URL: <http://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 15.09.2023).

² Stein J. Random House Webster's Unabridged Dictionary. NY: Random House, 1997. 2230 p. URL: <https://www.dictionary.com> (дата обращения: 21.09.2023).

³ Rundell M. Macmillan English Dictionary: For Advanced Learners of American English. London: Palgrave Macmillan, 2005. 1664 p. URL: <https://www.macmillandictionary.com> (дата обращения: 21.09.2023).

⁴ Merriam Ch. The Merriam-Webster Dictionary. Springfield: Merriam-Webster, 2004. 939 p. URL: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 07.09.2023).

- house lost its reputation by feeding the public the lowest bandslash one could imagine»¹ (Это издательство испортило себе репутацию, сбывая публике самый низкопробный бэндслэш);
- 6) телескопия, осуществляемая посредством слияния начала сложного первого слова с усечённой формой второго слова: *masstige* = *mass(market)* + *prestige* в значении «фирменные товары по доступным ценам». Ср.: «Zara is the brand for masstige clothes, Peugeot 307 convertible — for masstige cars»² (Зара — недорогая одежда по выкройкам ведущих модельеров, а Пежо 307 — доступный автомобиль с откидной крышей);
- 7) телескопия, осуществляемая посредством слияния конечной части первого слова с полной формой второго слова: *blog* = (*we*)*b* + *log* в значении «блог, индивидуальный рекламный сайт в Интернете». Ср.: «New blogs are appearing on the Internet every day»³ (Каждый день в Интернете появляются новые блоги);
- 8) телескопия, осуществляемая посредством слияния фразы (в нижеприведённом примере с полным опущением первого слова + сохранением начала второго слова + полная форма третьего слова с добавлением необходимой морфемы): *blimey* = (*god*) *bli(nd)me* в значении «чёрт побери!». Ср.: «Blimey! Whats that funny noise? Oh, no, the rear tyres have just fallen apart!»⁴ (Чёрт меня подери! Что за странный звук? Ах, не может быть, только что отвалились задние колёса!);
- 9) телескопия, осуществляемая посредством слияния двух слов с частично схожим морфемным составом (путем наложения), в результате образуется слово с новой формой: *vidiot* = *video* + *idiot* в значении «видиот» (отупевший от телевидения человек), *Britalian* = *British* + *Italian* в значении «бритальянский» (итальянский в Великобритании) и т. д. Ср.:

¹ Summers D. Longman Dictionary of Contemporary English. München: Longman, 2000 1668 p. URL: <http://www.ldoceonline.com> (дата обращения: 19.09.2023).

² Hornby A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford: Oxford Univ. Press, 2000. 1539 p. URL: <https://www.lexico.com/en> (дата обращения: 19.08.2023).

³ McIntosh C. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2009. 1852 p. URL: <http://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 15.08.2023).

⁴ Hornby A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford: Oxford Univ. Press, 2000. 1539 p. URL: <https://www.lexico.com/en> (дата обращения: 19.08.2023).

«Most of the protesters were just youthful idiots, some never knew what was it they were protesting against»⁵ (Большинство участников беспорядков были молодыми неучами, которые даже не знали, против чего же они собственно выступали). «According to our survey, the new Britalian food in London tastes nothing like the real thing»⁶ (По нашим сведениям, новая бритальянская кухня в Лондоне ничего общего не имеет с настоящей итальянской);

10) телескопия, осуществляемая посредством слияния двух или более слов с частично схожим морфемным составом. В результате образуется слово, совпадающее полностью по форме с одним из слов-компонентов: *yen* = *yen* + *yearn* — «страстное желание перевести деньги в йены», *write* = *write* + *right* + *rite* — «правильный» (об искусстве письма или об обряде) и т. д.;

11) вариация компонентного состава коллоквиализма, образованного посредством телескопии: *Blighty* = *big* + *mighty/blessed* + *mighty* в значении «Англия или Великобритания» (в значении «родина» для англичан). Ср.: «The marines were arrested by Iranians and will be judged as criminals, but they were serving the Blighty and the matter should be resolved by the officials»⁷ (Моряки были арестованы иранской стороной и предстанут перед судом просто как преступники, но ведь они находились на службе во флоте Великобритании, и поэтому этот инцидент следует урегулировать в установленном порядке);

12) использование символов в составе формы образования коллоквиализмов: *@buse* = *@* + *abuse* в значении «злоупотреблять использованием Интернета», *euphor!a* = *!* + *euphoria* — «повышенное радостное настроение, эйфория» и т. д.

Усечение (*clipping*) как один из продуктивных способов образования слов, часто используется

⁵ Rundell M. Macmillan English Dictionary: For Advanced Learners of American English. London: Palgrave Macmillan, 2005. 1664 p. URL: <https://www.macmillandictionary.com> (дата обращения: 21.08.2023).

⁶ Семиволкова С. В. Современный англо-русский словарь живого английского языка. М.: Астрель, 2010. 112 с.

⁷ Sinclair J. Collins COBUILD Advanced Learner's English Dictionary. London: HarperCollins Publishers, 2018. 1904 p. URL: <http://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 21.08.2023).

в формировании разговорных слов по причине экономии лексических средств. Усечения в зависимости от части или частей слов, которые усекаются, подразделяются на следующие разновидности: инициальное усечение, срединное усечение, финальное усечение, двустороннее усечение, слияние усечений:

А) инициальное усечение (*apheresis*, *fore-clipping*, *proscopre* или *initial clipping*) образует коллоквиализмы путем отсечения первой части слова. Примерами инициального усечения могут служить коллоквиализмы *coon* в значении «негр», сокращённое от *raccoon*, *headshrinker* → *shrink* (*shrinker*) — «психотерапевт», *moustache* → *tache* (*tash*) — «усики», *Pentoville* → *Ville* (*the*) (*the 'Ville*, *the 'ville*) — «тюрьма Пентонвилль в Лондоне» и т. д. Примеров, образованных посредством инициального усечения, значительно меньше в «Современном англо-русском словаре живого английского языка: 40000 слов, 60000 высказываний, 35000 ситуативных пояснений» по сравнению с финальным усечением. Ср.: «The street was deserted, I only saw a lonely coon sitting at the bus stop»¹ (На улице никого не было, я видела только одинокого негра, который сидел на автобусной остановке).

При образовании коллоквиализма посредством начального усечения, слово может оформляться с прописной буквы, если обозначает имя собственное или по желанию говорящего в связи с отсутствием чётких норм в разговорной речи. Ср.: *sauerkraut* → *Kraut* — «немец». «Not only he's gay, but he's also a Kraut, and still he's my best friend! Over the years I have said some unkind things about the Krauts, but from now on, and until I change my mind, the teasing will stop»² (Он не только имеет нетрадиционную сексуальную ориентацию, но ещё и немец, но всё равно — он мой лучший друг).

Среди коллоквиализмов, образованных посредством инициального усечения, встречаются многозначные слова. Ср.: *cockroach* → *roach* — «1) отвратительный тип; 2) распущенная некрасивая женщина». «See those blokes in the back? I hate them, they're car dealers, the roaches»³ (Видишь

этих типов в глубине зала? Я их ненавижу: это автомобильные дилеры, отвратительные личности). «We need to have a word with you, Barry. What do you let these roaches take over the place?»⁴ (Мы хотим поговорить с тобой, Барри. Почему ты позволяешь этим потаскухам заполнять нашу пивную?);

Б) срединное усечение состоит в усечении середины слова. Ср.: *Madam* → *Ma'am* — «мам», а также омонимичный коллоквиализм со значением «мадам» (обращение к женщине). «The Queen — iconic Ma'am?»⁵ (Королева — идеальная мэм?) «Diana was used being called «Ma'am» by the photographers and enjoyed the relationship»⁶ (Диана привыкла к тому, что фоторепортёры называли её «мэм», и была в целом не против);

В) финальное усечение (*aprosopre*, *back clipping* или *final clipping*) состоит в усечении конца слова. Ср.: *brig* («тюрьма») от *brigantine*, *cig* от *cigarette* («сигарета»). «With that kind of attitude you might as well end up in a brig!»⁷ (При таком поведении ты можешь и в кутузку угодить!) «This year a full ban on cig smoking in public places was introduced in France»⁸. (В этом году во Франции был введён запрет на курение сигарет в общественных местах).

Финальное усечение может производиться от части рифмованного сленга. Ср.: *berk* [также *birk*, *burk(e)*] от рифмованного сленга *Berkley Hunt* или *Berkshire Hunt* = *cunt* в значении «дурак, идиот». «When you drive a Nissan Cube, you look like a complete berk»⁹ (Когда едешь за рулём «Нисан Куб», то выглядишь как полный идиот).

Фиксация в составе словарей наличия нескольких вариантных форм коллоквиализмов, образованных посредством усечения, наблюдается часто среди разговорных слов, характеризующих поведение и национальную принадлежность человека.

⁴ Семиволкова С. В. Современный англо-русский словарь живого английского языка. С. 542.

⁵ Dalgish G. Random House Webster's Dictionary of American English. NY: Random House, 1997. 868 p. URL: <https://www.thefreedictionary.com> (дата обращения: 21.08.2023).

⁶ Dalgish G. Random House Webster's Dictionary of American English. NY: Random House, 1997. 868 p. URL: <https://www.thefreedictionary.com> (дата обращения: 21.08.2023).

⁷ Семиволкова С. В. Современный англо-русский словарь живого английского языка. С. 111.

⁸ Там же. С. 149.

⁹ Там же. С. 62.

¹ Семиволкова С. В. Современный англо-русский словарь живого английского языка. С. 159.

² Peckham A. Urban Dictionary. Kansas: Andrews McMeel Publishing, 2005. 343 p. URL: <https://www.urbandictionary.com> (дата обращения: 21.08.2023).

³ Семиволкова С. В. Современный англо-русский словарь живого английского языка. С. 542.

Финальное усечение коллоквиализмов может включать как сохранение одного согласного, так и одного слога или нескольких слогов. Ср.:

- 1) сохранение одного согласного. Ср.: *B* (от *bastard, bugger*) в значении «негодяй, тип». Ср.: «Well, excuse me for a sec, I have to say a few words to this B myself»¹ (Извините меня, я должен лично сказать кое-что этому типу). При образовании финального усечения от сочетания, усекается конец первого слова с сохранением полной формы второго компонента. Ср.: *B-girl* (от *bar girl*) в значении «подсадка (в баре, ресторане)». Ср.: «It is a common practice now in Japan to employ female British students as B-girls and it becomes more and more dangerous»² (В Японии широкое распространение получила практика найма на работу английских студенток в качестве подсадных клиенток в барах, и это становится всё более опасным). Аналогичными примерами могут служить следующие коллоквиализмы: *bin money* → *b-money* со значением «деньги, хранящиеся в банках стран с особым налоговым режимом», *g-roin string* → *g-string* — «стринги» и т. д.;
- 2) сохранение одного слога. Ср.: *bim* (от *bimbo*) — «женщина лёгкого поведения». Аналогичными примерами могут служить следующие коллоквиализмы: *codswallop* → *cod* (также *cod's, cods*) в значении «чушь», *dashboard* → *dash* — «приборная доска в автомашине», *expired* → *ex* — «бывший муж», *fabulous* → *fab* — «удивительный, сказочный» и т. д.;
- 3) сохранение двух слогов. Ср.: *artic* (от *articulated lorry*) — «грузовик, состоящий из двух частей — кабины и прицепа». «To get even the slightest idea what life is like for these sailors, imagine being locked into a steel container and driven around on the bank of an artic for six months»³ (Чтобы получить хоть малейшее представление о том, какова жизнь у этих моряков, представьте себе, что вас закрывают в стальном контейнере и возят в течение полугода на грузовике). Аналогичными примерами могут служить следующие кол-

локвиализмы: *celebrity* → *celeb* в значении «знаменитый человек, звезда», *decaffeinated* → *decaf* — «горячий напиток без кофеина», *delicatessen* → *deli* — «магазин деликатесов», *handkerchief* → *hanky* (*hankie*) — «носовой платок», *legitimate* → *legit* — «законный» и т. д.;

- 4) сохранение трёх слогов. Ср.: *illegit* от *illegitimate* в значении «незаконный» и т. д. «Everyone knows that carrying a knife is illegal, but nonetheless many still have one in their pocket»⁴ (Все знают, что ношение при себе холодного оружия является незаконным, однако у многих всё равно в кармане ножичек).

Возможно образование несколько вариантов посредством усечений с сохранением разного количества слогов. Ср.: *lesbian* → *les, lesbie, lesbo, les(s)ie, lessy, lez(z), lezzy, Pakistan* → *Pak (Paki)* — «азиат», *schizophrenic* → *schiz (schizo)* — «шизик». «You are not allowed in my shop if you call me Paki!»⁵ (Я не пущу вас больше к себе в магазин, если вы будете называть меня индюком!)

Встречаются случаи образования коллоквиализмов путём финального усечения с сохранением только отдельных морфемных компонентов слова (приставок). Ср.: *semi-detached house* → *semi* в значении «дом, имеющий одну общую стену с соседним», *superintendent* → *super* — «полицейский» (суперинтендант, участковый уполномоченный). «We do not do our research by climbing onto roofs and walls at the back of standard suburban semis and peering through binoculars at the rows and rows of normal, undistinguished English gardens»⁶ (Для проведения своих изысканий мы не карабкаемся на крыши и стены на задворках стандартных сдвоенных пригородных домов и не разглядываем в бинокль бесконечные ряды обычных, ничем не примечательных английских садиков). Рассмотрим некоторые примеры с прибавлением *-s* в форме множественного числа к неусечённой части. Ср.: *amps* (от мн. ч.

¹ Семиволкова С. В. Современный англо-русский словарь живого английского языка. С. 33.

² Merriam Ch. The Merriam-Webster Dictionary. Springfield: Merriam-Webster, 2004. 939 p. URL: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 07.09.2023).

³ Семиволкова С. В. Современный англо-русский словарь живого английского языка. С. 27

⁴ McIntosh C. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2009. 1852 p. URL: <http://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 15.09.2023).

⁵ Dalgish G. Random House Webster's Dictionary of American English. NY: Random House, 1997. 868 p. URL: <https://www.thefreedictionary.com> (дата обращения: 21.09.2023).

⁶ Sinclair J. Collins COBUILD Advanced Learner's English Dictionary. London: HarperCollins Publishers, 2018. 1904 p. URL: <http://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 21.09.2023).

amphetamines), *holidays* → *hols* — «отпуск». «Are you sure she is not doing amps?»¹ (Ты точно знаешь, что она не на каликах?)

Омонимия и многозначность среди усечений нередкое явление, что обуславливается большим притоком новых коллоквиализмов в английский разговорный язык и необходимостью экономии лексических средств для предотвращения нагромождения речи длинными словами и оборотами. Ср.: *con* (от *convict*) — «осуждённый преступник, заключённый» и *con* II (от *confidence*) «1) афера, жульничество, мошенничество, игра на доверии, 2) жулик, мошенник, 3) информатор, подсадная утка.» «For the first time in my life I was sitting face to face with a real con and actually speaking to him»² (Впервые в жизни я сидел напротив настоящего преступника и даже разговаривал с ним). «In the classic con there is a certain amount of build-up, because the swindler first wins the confidence of his victim and then defrauds him»³ (При классическом варианте жульничества события должны развиваться постепенно, потому что мошенник вначале завоёвывает доверие своей жертвы, а затем обманывает её). Другими примерами могут служить: *credibility* → *cred* в значении «доверие», *credit* → *cred* — «кредит, ссуда», *credentials* → *cred* — «документы, удостоверяющие личность», *recreation* → *rec* — «физкультурные упражнения» и *record* → *rec* — «учёт», *speculation* → *spec* — «спекуляция» и *specification* → *spec* — «спецификация», *submarine* → *sub* — «подводная лодка» и *subsistence* → *sub* — «1. взносы, 2. пособие», *tabby* → *tab* — «непривлекательная женщина», *tablet* → *tab* — «таблетка наркотического действия», *tabloid* → *tab* — «бульварная газета», *taboo* → *tab* — «запрет», *tomato* → *tom* — «помидор», *tomboy* → *tom* — «девушка лёгкого поведения», *tomfoolery* → *tom* — «драгоценные украшения».

В разговорном английском в деривационных процессах нет строгих правил в сохранении одной или двух согласных в усечённом коллоквиализме, образованном от полной формы с двумя одинаковыми согласными следующими друг за другом. Ср.:

¹ Семиволкова С. В. Современный англо-русский словарь живого английского языка. С. 19.

² Hornby A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford: Oxford Univ. Press, 2000. 1539 p. URL: <https://www.lexico.com/en> (дата обращения: 19.09.2023).

³ Семиволкова С. В. Современный англо-русский словарь живого английского языка. С. 157.

1) образования усечённых коллоквиализмов с альтернативными версиями написания (с одной или двумя одинаковыми согласными). Ср.: *trattoria* → *trat(t)* в значении «модный итальянский ресторан», *saccharine* → *sac (sacch)* — «сахарин», *lavatory* → *lav (lav-vu)* — «туалет», *difference* → *diff (dif)* — «разница» и т. д. «It's still mostly raining, no diff/dif summer or winter»⁴ (Не важно, лето или зима, всё равно постоянно идёт дождь);

2) образования усечённых коллоквиализмов с одной согласной от полной формы. Ср.: *reappear* → *reap* в значении «вновь появиться», *pepper* → *pep* — «энергия, сила», *dinner* → *din* — «ужин», *moggie (moggy)* → *mog* — «кошечка, меховое пальто». «Cats give me asthma and I find their bottoms offensive, so everyone would have to put their beloved moggy in a sack and bash its head with a cricket mallet. Look what a funny mog I got in Camden!»⁵ (У меня от кошек астма, и их задницы мне кажутся неприличными, поэтому каждый должен засунуть свою обожаемую мурку в мешок и разбить ей голову молотком для игры в крикет!);

3) образования усечённых коллоквиализмов с двумя согласными. Ср.: *shillaber* → *shill* в значении «подставной игрок или клиент», *mutton-head* → *mutt* — «дурак», *mitten* → *mitt* — «ладонь» и т. д. «The only time you must grin and bear grimy mitts pawing your new velvet trousers is when you are in the home of the children themselves»⁶ (Вот в гостях у самих детей тебе придётся потерпеть и надо будет улыбаться, пока они будут прикасаться невымытыми руками к твоим новым бархатным брюкам). В разговорной речи также встречаются примеры с сохранением в усечённой форме двух повторяющихся гласных. Ср.: *moola (moolah)* → *mo* в значении «деньги». «In this family it was the wife who brought in the mo»⁷ (В этой семье деньги в дом приносила жена);

⁴ Rundell M. Macmillan English Dictionary: For Advanced Learners of American English. London: Palgrave Macmillan, 2005. 1664 p. URL: <https://www.macmillan-dictionary.com> (дата обращения: 21.09.2023).

⁵ Hawker S. Pocket Oxford English Dictionary. Oxford: Oxford Univ. Press, 2013. 1104 p. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения: 21.09.2023).

⁶ Stein J. Random House Webster's Unabridged Dictionary. NY: Random House, 1997. 2230 p. URL: <https://www.dictionary.com> (дата обращения: 21.09.2023).

⁷ Семиволкова С. В. Современный англо-русский словарь живого английского языка. С. 429.

Г) двустороннее усечение образует коллоквиализмы посредством отсечения начала и конца слов. Ср.: *flu* (от *influenza*) в значении «инъекция», *dro* (от *hydroponics*);

Д) слияние усечений (*clipped compound/complex clipping*) образует коллоквиализмы путем отсечения частей двух слов. Ср.: *video jockey* → *veejay* (*V.J.*) в значении «видеожокей» (телеведущий музыкальных передач, в которых используются видеоклипы), *satellite navigation* → *sat-nav* — «навигатор, система спутниковой навигации для автомашин». «Without so much as an apologetic cough, the sat-nav then drives me home by precisely contradicting its earlier instructions, showing that it would have a great career at the top of British politics!»¹ (Даже не удосужившись кашлянуть в качестве извинения, «навигатор» потом везёт меня домой, в полном противоречии со своими предыдущими инструкциями, тем самым демонстрируя, что он мог бы пригодиться британским элитам для определения направления британской политики!)

Оформление коллоквиализмов, образованных посредством слияний усечений, не подлжит строгим критериям на письме. Так, *situation comedy* → *sitcom* (*sit-com*) может писаться слитно или через дефис. «Almost all English sit-coms are about losers — unsuccessful people, doing unglamorous jobs, having unsatisfactory relationships, living in, at best, dreary suburban houses»² (Почти все английские телесериалы посвящены «неудачникам» — людям, не добившимся успеха, с непрестижной работой, у которых не сложилась личная жизнь и которые, в лучшем случае, живут в унылых домах на окраинах). «So, the most secure prison in England was shared by an outraged French King and an embittered Scottish monarch, and still no one has written a sitcom about it!»³ (Итак, в самой строгой тюрьме Англии бок о бок оказались двое — взбешённый французский король и оскорблённый шотландский монарх, — и до сих пор никто ещё не написал сценария для телесериала на этот сюжет!)

¹ Семиволкова С. В. Современный англо-русский словарь живого английского языка. С. 560.

² Dalgish G. Random House Webster's Dictionary of American English. NY: Random House, 1997. 868 p. URL: <https://www.thefreedictionary.com> (дата обращения: 21.09.2023).

³ Merriam Ch. The Merriam-Webster Dictionary. Springfield: Merriam-Webster, 2004 939 p. URL: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 07.09.2023).

Морфолого-синтаксический способ словообразования наблюдается среди коллоквиализмов, образованных посредством усечений. Ср.: существительное *black* (от *blackmail*) в значении «шантаж, вымогательство» и образованный на основе существительного глагол *black* (от *blackmail*) в значении «шантажировать». Ср.: «Listen, Ricky, let's hide their clothes and than black them!»⁴ (Рики, давай спрячем их одежду, а потом станем их шантажировать!); «Most of the celebrities now forbid photographs of their children to be taken, so no one could put the black on them»⁵ (Почти все знаменитости сейчас запрещают фотографировать своих детей, чтобы никто не смог их шантажировать).

Заключение

Таким образом, в разговорной речи в силу не принужденной обстановки общения, потребности в быстрой реакции между собеседниками, часто возникает необходимость своевременно метко и образно выразиться.

Неоднозначная подача данных по словообразованию в электронных версиях лексикографических источников обусловлена наличием развёрнутой или сжатой словарной статьи, включением или отсутствием способа словообразования, подачей дополнительной информации по смысловой нагрузке аффиксов (суффиксов, приставок, инфиксов), фиксацией одной или нескольких версий по этимологии коллоквиализмов, ссылками на словарные статьи разговорных слов, образованных от искомого коллоквиализма.

Наличие в английском языке солидной базы коллоквиализмов, образованных путём усечений, телескопии, свидетельствует об устойчивой тенденции образования сокращённых форм слов и слияния двух и более слов в один коллоквиализм для экономии лексических средств в разговорном языке.

Фиксация в составе словарей наличия нескольких вариантных форм коллоквиализмов, образованных посредством усечения, наблюдается среди разговорных слов, сформированных на базе рифмованного сленга.

Коллоквиализмы, образованные путём разрыва слова на две части со вставкой смыслового элемента в середине слова, всё чаще допускают вариации в своём составе. Такой способ

⁴ Peckham A. Urban Dictionary. Kansas: Andrews McMeel Publishing, 2005. 343 p. URL: <https://www.urbandictionary.com> (дата обращения: 21.09.2023).

⁵ Семиволкова С. В. Современный англо-русский словарь живого английского языка. С. 77.

образования позволяет с сохранением основного значения привнести в слово новый оттенок значения, усиливая отрицательную или положительную окраску.

Антонимические и синонимические отношения, проявляемые между коллоквиализмами определённой тематической группы с конкретными образцами, а также на уровне самого толкования коллоквиализма в словаре весьма распространены среди разговорного пласта английского языка, что связано с желанием человека в процессе обще-

ния быстро, эмоционально-экспрессивно выразить информацию с применением компрессивного подхода как средства экономии временного фактора и лингвистических средств. Существование достаточно солидной базы коллоквиализмов с имплицитным значением, образованных на базе синонимических и антонимических компонентов, связано с использованием на практике богатых, широко ассоциативных образов, применяемых при характеристике различных сфер жизнедеятельности человека и его собственной идентификации.

Список источников

1. Бушуй Т. А. Фразеосистемность в контрастивном лексическом словаре // Вестник Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан. 2001. № 5. С. 92–93.
2. Бушуй Т. А. Основы современной теории контрастивной фразеологии // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 29. С. 47–52.
3. Бушуй Т. А. Язык в истории развития человеческой мысли. Ташкент: Фан, 2011. 384 с.
4. Фалеева Е. В. Неологический бум в английском языке: проблемы и перспективы // International scientific review. 2022. № LXXXVI. С. 70–74.
5. Agha A. Language and social relations. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 429 p.
6. Bushuy T. A., Khayrullaev Kh. Z. Life of word during coronavirus // Eurasian Journal of Social Sciences, Philosophy and Culture, 2022. № 2 (8). P. 19–28.
7. Chambers J. K. Sociolinguistic Theory: Linguistic Variation and Its Social Significance: Language in Society. Oxford: Blackwell, 2003. 332 p.
8. Coleman J. The Life of Slang. Oxford: Oxford University Press, 2012. 354 p.
9. Dicker S. J. Languages in America. Clevedon: Multilingual Matters, 2003. 352 p.
10. Dressler W. U. Word-Formation in Natural Morphology. Dordrecht: Springer, 2005. P. 267–284.
11. Eckert P. Language Variation as Social Practice. Oxford: Basil Blackwell, 2000. 260 p.
12. Johnson F. L. Speaking Culturally: Language Diversity in the United States. Thousand Oaks, CA: Sage, 2000. 365 p.
13. Labov W. Principles of Linguistic Change. Maiden, Oxford: Blackwell, 2001. 592 p.
14. Lipka L. English Lexicology: Lexical Structure, Word Semantics and Word Formation. Tübingen: Narr, 2002. 244 p.
15. Mattiello E. An Introduction to English Slang. A Description of Its Morphology, Semantics and Sociology. Milano: Polimetrica Publisher, 2008. 320 p.

References

1. Bushuy TA. Phraseological system in the contrastive lexical dictionary. *Vestnik Karakalpakskogo otdeleniya Akademii nauk Respubliki Uzbekistan = Bulletin of the Karakalpak branch of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan*. 2001;(5):92-93. (In Russ.).
1. Bushuy TA. Fundamentals of the modern theory of contrastive phraseology. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2010;(29):47-52. (In Russ.).
2. Bushuy TA. Yazyk v istorii razvitiya chelovecheskoj mysli = Language in the history of the development of human thought. Tashkent: Fan; 2011. 384 p. (In Russ.).
3. Faleeva YeV. Neological boom in the English language: problems and prospects. *International scientific review*. 2022;(LXXXVI):70-74. (In Russ.).
4. Agha A. Language and social relations. Cambridge: Cambridge University Press; 2007. 429 p.
5. Bushuy TA, Khayrullaev KhZ. Life of word during coronavirus. *Eurasian Journal of Social Sciences. Philosophy and Culture*. 2022;(2(8):19-28.
6. Chambers JK. Sociolinguistic Theory: Linguistic Variation and Its Social Significance: Language in Society. Oxford: Blackwell; 2003. 332 p.

7. Coleman J. The Life of Slang. Oxford: Oxford University Press; 2012. 354 p.
8. Dicker SJ. Languages in America. Clevedon: Multilingual Matters; 2003. 352 p.
9. Dressler WU. Word-Formation in Natural Morphology. Dordrecht: Springer; 2005. pp. 267–284.
10. Eckert P. Language Variation as Social Practice. Oxford: Basil Blackwell; 2000. 260 p.
11. Johnson FL. Speaking Culturally: Language Diversity in the United States. Thousand Oaks, CA: Sage; 2000. 365 p.
12. Labov W. Principles of Linguistic Change. Maiden, Oxford: Blackwell; 2001. 592 p.
13. Lipka L. English Lexicology: Lexical Structure, Word Semantics and WordFormation. Tübingen: Narr; 2002. 244 p.
14. Mattiello E. An Introduction to English Slang. A Description of Its Morphology, Semantics and Sociology. Milano: Polimetrica Publisher; 2008. 320 p.

Информация об авторе

А. В. Фалеева — доктор философии по филологическим наукам (PhD), старший преподаватель кафедры вторых иностранных языков.

Information about the author

Anastasiya V. Faleeva — Doctor of Philosophy (PhD) in Philological Sciences, Senior teacher of the Department of Second Foreign Languages.

Статья поступила в редакцию 26.09.2023; одобрена после рецензирования 27.11.2023; принята к публикации 22.03.2024.

The article was submitted 26.09.2023; approved after reviewing 27.11.2023; accepted for publication 22.03.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ И ЛИНГВОКОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ
АНАЛИЗ ЯЗЫКА И ТЕКСТА
LINGUOCULTURAL AND LINGUOCONCEPTUAL
ANALYSIS OF LANGUAGE AND TEXT**

Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 3 (485). С. 33–40.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2024;(3(485):33-40. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 81

doi: 10.47475/1994-2796-2024-485-3-33-40

**СРЕДСТВА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ,
РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИЕ КОНЦЕПТ «ПАТРИОТИЗМ»**

Елена Васильевна Супрунова¹, Светлана Анатольевна Питина²

¹ Чжэцзянский океанический университет, Чжоушань, Китай, ramblernet@bk.ru

² Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, sap.pitina@rambler.ru

Аннотация. Данное исследование посвящено репрезентации концепта «патриотизм» художественными средствами выразительности в романе Л. Н. Толстого «Война и мир». Для достижения этой цели были проанализированы наиболее частотные средства выразительности в романе, такие как: эпитет, метафора, фразеологизм, сравнение и другие. В результате анализа было установлено, что для репрезентации патриотизма посредством эпитетов необходим контекст. Употребление метафор дает возможность автору вербально выразить содержание концепта «патриотизм» в романе. Одним из основных средств реализации концепта «патриотизм» в романе «Война и мир» являются фразеологизмы. Сравнения открыто не выражают чувство патриотизма, однако они выявляют новые свойства в объекте сравнения для их образного представления, для чего также необходим контекст. Эмпирический материал показал, что средства выразительности в романе «Война и мир» репрезентируют концепт «патриотизм», раскрывая при этом национальную специфику концепта, показывая героизм и мужество русского народа.

Ключевые слова: концепт «патриотизм», средства выразительности, эпитет, метафора, сравнение, метонимия, олицетворение, антитеза, анафора

Для цитирования: Супрунова Е. В., Питина С. А. Средства художественной выразительности, репрезентирующие концепт «патриотизм» // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 3 (485). С. 33–40. doi: 10.47475/1994-2796-2024-485-3-33-40

Original article

MEANS OF EXPRESSION REPRESENTING THE CONCEPT “PATRIOTISM”

Elena V. Suprunova¹, Svetlana A. Pitina²

¹ Zhejiang Ocean University, Zhoushan, China, ramblernet@bk.ru

² Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, sap.pitina@rambler.ru

Abstract. This article is devoted to the representation of the concept “patriotism” by artistic expressive means the novel “War and Peace” by L.N. Tolstoy. To achieve this goal, the most frequent means of expression in the novel were analyzed, such as epithet, metaphor, phraseology, comparison, etc. It was found that context is required to represent patriotism through epithets. The use of metaphors allows the author to verbally express the content of the concept “patriotism” in the novel. One of the main means of representing the concept “patriotism” in the novel “War and Peace” is phraseological units. Comparisons do not openly express the feeling of patriotism, however, they reveal new properties in the object of comparison for their figurative representation, for which context is also necessary. As a result, we can say that the means of expression in the novel “War and

Peace” represent the concept “patriotism”, reveal its national peculiarities, show the heroism and courage of the Russian people.

Keywords: concept “patriotism”, means of expression, epithet, metaphor, comparison, metonymy, personification, antithesis, anaphora

For citation: Suprunova EV, Pitina SA. Means of expression representing the concept “patriotism”. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(3(485)):33-40. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2024-485-3-33-40

Введение

Актуальность статьи обусловлена необходимостью лингвистического исследования языковых средств, репрезентирующих концепт «патриотизм», а также недостаточной изученностью языковых средств, способствующих выражению концепта «патриотизм» в художественной литературе, хотя данный концепт рассматривается в трудах по культурологии [9; 10; 16]; педагогике [1; 3]; этике [6]; философии [4; 7]; социологии [2; 11].

Целью исследования является концепт «патриотизм» как фрагмент языковой картины мира русского автора, выраженный языковыми единицами.

Для достижения этой цели были проанализированы наиболее частотные средства выразительности путем их сплошной выборки.

Выразительные средства в художественном произведении занимают особое место, так как они помогают сделать высказывания более образными, эмоциональными, легко запоминающимися. То есть это языковые и речевые средства, обеспечивающие полноценное восприятие речи адресатом.

Средство художественной выразительности — речевой оборот, инструмент, который придает предложению, тексту образный и красочный характер. Тропы и фигуры речи, на которые делятся все средства выразительности, являются основой литературного стиля автора [12, с. 46].

Одна из основных функций средств выразительности в художественных текстах заключается в раскрытии авторского отношения к высказыванию и авторского замысла в целом, тем самым они способствуют созданию желаемого образа героя или ситуации. Также они помогают наиболее точно и четко передать конкретную мысль¹.

Путем использования определенных средств выразительности можно передать смысл любого концепта или явления. Когда концепт получает языковое выражение, то те языковые средства, которые для этого использованы, выступают как

средства вербализации, объективации в языке, языковой репрезентации, языкового представления концепта [13, с. 164].

Следовательно, средства выразительности необходимы для репрезентации концепта. Вербализация концепта «патриотизм» в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» различными языковыми средствами раскрывает специфику концепта в произведении, а также отражает мировоззрение автора, показывает его отношение к своим героям.

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужил роман Л. Н. Толстого «Война и мир», посвященный эпохе наполеоновских войн, воссоздающий облик эпохи, диалоги и исторические реалии начала XIX века, не утративший своей актуальности и в наше время. Патриотизм в романе — это выражение «мысли народной», так как именно народ олицетворяет дух и силу, играет решающую роль в историческом процессе.

Основными методами исследования в данной работе послужили наблюдение, систематизация, обобщение и интерпретация, а также метод построения номинативного поля концепта и приемы семантико-стилистического анализа.

Результаты

В романе «Война и мир» вербализации концепта «патриотизм» способствуют такие выразительные языковые средства, как эпитеты, метафоры, метонимия, антитеза, фразеологизмы, сравнения, повторы и многие другие.

Особое внимание автор произведения уделяет эпитетам. Он использует слово, словосочетание или выражение, которое приобретает новый смысловой оттенок или значение, благодаря особой функции и своей структуре, выделяя в объекте изображения уникальные, индивидуальные признаки и тем самым давая возможность оценить этот объект с необычной точки зрения. Об объекте изображения создается образное или конкретное представление, что производит на читателя определенное эмоциональное впечатление.

¹ Белокурова С. П. Словарь литературоведческих терминов. 2005. URL: http://literary_criticism.academic.ru/251 (дата обращения: 05.01.2024).

Проиллюстрируем это примерами.

Эпитеты в романе «Война и мир» составляют 30,1 % от общего числа всех средств выразительности.

Прилагательные-эпитеты делают предмет более конкретным, создают образ, который становится близким и понятным читателю, что помогает художественному восприятию произведения в целом. Эпитеты, как правило, используются для обозначения высшей степени проявления признака, что характеризует их как средства, выражающие образ наиболее убедительно.

Особо следует отметить своеобразие использования в романе «Война и мир» эпитетов, подчеркивающих национальную принадлежность, а тем самым и проявление патриотического чувства, любви к Родине:

«Где, как, когда всосала в себя из того *русского воздуха*, которым она дышала, — эта графинечка, воспитанная эмигранткой-французенкой, — этот дух, откуда она взяла эти приемы...? Но *дух* и *приемы* эти были те самые, неподражаемые, неизучаемые, *русские*, которых и ждал от нее дядюшка» [14, т. 2, с. 271].

Воздух можно рассматривать в нескольких значениях, одно из которых «окружающие условия, обстановка». *Русский воздух* — это указание на национальное представление человека о мире, окружающих условиях. Единица *дух* означает «внутреннее состояние, моральная сила» и имеет один из синонимов слово «душа» как внутренний мир человека, мир его чувств, представлений. *Русский дух* — это понимание окружающей действительности, т. е. отражение картины мира русского человека.

«Денис Давыдов своим *русским чутьем* первый понял значение той страшной дубины, которая, не спрашивая правил военного искусства, уничтожала французов» [15, т. 4, с. 130].

В этих примерах используется эпитет «*русский*», что подчеркивает национальную принадлежность предметов и чувств. Акцент ставится на принадлежности к русской нации. Прилагательное «русский» в данных примерах синонимично в романе прилагательному «патриотический». Таким образом, автор показывает читателю любовь к стране, почтительное отношение к героям, выражает трепетные чувства к предметам описания.

«— *Искусный полководец*, — сказал Пьер, — ну, тот, который предвидел все случайности... угадал мысли противника» [14, т. 1, с. 182].

«*Военное сословие самое почетное*» [15, т. 3, с. 185].

Данные примеры имеют положительную коннотацию. Автор проявляет уважение к военным людям. Военное сословие всегда занимало особое место в обществе, так как именно солдаты и офицеры зачастую жертвуют своей жизнью, чтобы защитить государство от врагов, проявляя самоотверженность и любовь к своей Родине. Автор называет полководца *искусным*, объясняя свою точку зрения словами одного из героев, давая ему исключительно положительную оценку.

Метафоры в романе «Война и мир» составляют 26,6 %, от общего числа всех средств выразительности.

Роль метафоры в романе «Война и мир» неоспоримо велика. Она способствует созданию ярких образов, усиливает наглядность изображаемого действия, ситуации, персонажа, передает уникальность и индивидуальность предметов или явлений [5, с. 115]. Кроме того, метафора помогает передать отношение автора к изображаемому, его неповторимое видение мира, отражает представленное и внутренние переживания автора. Также метафора служит важным средством выражения авторских оценок и эмоций, авторских характеристик предметов и явлений [8, с. 43].

«Князь Андрей, думавший, что ему было все равно, возьмут или не возьмут Москву так, как взяли Смоленск, внезапно *остановился в своей речи* от неожиданной *судороги, схватившей его за горло*» [15, т. 3, с. 183].

Данная метафора выражает высокую степень переживаний главного героя за судьбу государства. Мысль о том, что Москва будет завоевана врагом, приводит героя в состояние волнения. Из-за внутренних переживаний он не может продолжить свою речь, так как чувствует ответственность за солдат, которые погибают на поле боя, за Отечество, которое горит в огне.

«Тушин не испытывал ни малейшего неприятного чувства страха, и мысль, что его могут убить или больно ранить, *не приходила ему в голову*» [14, т. 1, с. 217].

Данный пример показывает самоотверженность героя, его бесстрашие перед опасностью смерти. Герой не боится ринуться в бой, при этом он не задумывается о том, что может погибнуть. Тем самым поведение и чувства героя выражают безмерную любовь к Отечеству, стремление защитить его даже ценою жизни.

Фразеологизмы в романе «Война и мир» составляют 20,4 % от общего числа всех средств выразительности.

В романе Л. Н. Толстого «Война и мир» фразеологизмы выражают дух и своеобразие нации, раскрывают особенности русского народа, готового защищать родную землю от врагов, фиксируют культурные установки и эталоны. Фразеологизмы придают речи персонажей разговорный, выразительный характер, служат средством характеристики героя.

«...И ему понятно стало то, что хотел выразить солдат, говоривший о том, что *всем народом навалиться хотят*» [15, т. 3, с. 169].

В состав данного примера входит глагол «навалиться», имеющий значение «внезапно и яростно напасть, налететь, сминая кого-либо, что-либо»¹. «Всем народом навалиться хотят» — проявление намерения всем вместе, коллективно одержать победу над противником, при этом выражая пламенный дух русского народа и его патриотические чувства.

«...Я принесу пользу отечеству, для которого я готов умереть» [15, т. 3, с. 175].

В данном примере содержится фразеологизм «приносить пользу», который означает быть полезным Отечеству, ради которого герои готовы отдать жизнь. Совершить подвиг, несмотря ни на что, добиться цели, выполнить свой долг перед Отечеством, не жалея жизни являются главными составляющими элементами патриотизма и самоотверженности офицеров и солдат.

Сравнения в романе «Война и мир» составляют 9,7 % от общего числа всех средств выразительности.

При употреблении в тексте данного художественного приема образ создается посредством сопоставления одного объекта с другим, характеризуется тем, что имеет сравнительную конструкцию или оборот со сравнительными союзами *как, будто, словно, точно, как будто* и подобными им. В романе «Война и мир» сравнение помогает раскрыть отношение автора или героя к описываемому событию.

«Войска наши так дрались и так дерутся, как никогда» [15, т. 3, с. 111].

Данный пример показывает самоотверженность, бесстрашие перед лицом смерти русских солдат, а следовательно, демонстрируют патриотизм. Они не боятся постоять за честь мундира, защищая свою землю от врагов, вторгшихся на их Родину. Солдаты показывают небывалую самоотдачу, смелость и силу в борьбе с врагом. Они дерутся, «как никогда», предвкушая побе-

ду, приближая этот радостный момент новыми атаками.

Олицетворение в романе «Война и мир» составляет 4,1 %, от общего числа всех средств выразительности.

Л. Н. Толстой при помощи олицетворения воплощает в образе военных орудий человеческие чувства, эмоции, действия. Также олицетворение позволяет автору создать яркий образ у читателя, подчеркнуть определенное действие, передать настроение героя.

«...ближе, ближе, быстрее и слышнее, слышнее и быстрее, и ядро, как будто не договорив всего, что нужно было, с нечеловеческой силой взрывая брызги, шлепнулось в землю недалеко от балагана» [14, т. 1, с. 202].

«Он давал заметить пули, которые беспрестанно визжали, пели и свистали около них» [14, т. 1, с. 208].

«Раздалась команда построения, потом визгнули сабли, вынутые из ножен» [14, т. 1, с. 212].

В данных примерах персонифицированы все военные орудия. Они наделены человеческими действиями и эмоциями. У каждого солдата и офицера на этой войне была единственная задача — победить любой ценой, не боясь вести сражение визжащими саблями под свистящими пулями и разговаривающими ядрами. В ожесточенном бою орудия описаны автором как люди, наделенные смелостью, силой, патриотизмом.

Повтор в романе «Война и мир» составляет 3,2 % от общего числа всех средств выразительности.

В романе «Война и мир» повтор имеет несколько значений: смысловое, создавая единство темы на протяжении изложения речевого высказывания; стилистическое, придавая тексту эмоциональность; структурное, формируя структурные связи между повторяющимися компонентами текста².

«Он действительно был влюблен и в царя, и в славу русского оружия, и в надежду будущего торжества. И не он один испытывал это чувство в те памятные дни, предшествовавшие Аустерлицкому сражению: девять десятых людей русской армии в то время были влюблены, хотя и менее восторженно, в своего царя и в славу русского оружия» [14, т. 1, с. 318].

В данном примере подчеркнуто общее восхищение царем, связанное с гордостью за мощь военного оружия. Единица «царя» синонимична единице «государство», а следовательно, восхваление царя

¹ Толковый словарь русского языка в 3 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М. : Вече : Мир книги, 2001. Т. 2. 688 с.

² Белокурова С. П. Словарь литературоведческих терминов.

и государства рассматривается как проявление чувства патриотизма. Также в данном примере присутствует мысль о единстве всего общества. Все сословия объединились, чтобы общими силами сразиться с врагом и победить в нелегкой схватке за освобождение Отечества.

Антитеза в романе «Война и мир» занимает 2,1 % от общего числа всех средств выразительности.

В данном художественном тексте основными функциями антитезы являются: функция психологического восприятия объективной, субъективной действительности (философское восприятие, эмоционально-оценочное восприятие, функция воссоздания психологического состояния); поведенческая функция (характеристика ситуации, описания поведения персонажей)¹.

«При самом малом напряжении... и при самой ничтожной потере были приобретены самые большие результаты во всю кампанию, был сделан переход от отступления к наступлению, была обличена слабость французов и был дан тот толчок, которое только и ожидало Наполеоновское войско для начатия бегства» [15, т. 4, с. 88].

В состав данного примера входят прилагательные *малый* — незначительный по размеру, по степени проявления, *ничтожный* — крайне незначительный, несущественный, *большой* — значительный по величине, размеру. Лексические значения данных единиц указывает на противопоставление. При незначительных потерях можно добиться ощутимых результатов. В данном случае большая роль отводится контексту для понимания истинно патриотических чувств героев.

Анафора в романе «Война и мир» занимает 2,5 % от общего числа всех средств выразительности.

Анафора — это повторение слов или словосочетаний в начале предложения для создания в романе смыслового акцента, чтобы выделить наиболее важные мысли, а также усилить эмоциональность произведения и объединить в целое различные компоненты высказывания.

«*Были* партии, перенимавшие все приемы армии, с пехотой, артиллерией, штабами, с удобствами жизни; *были* одни казахи, кавалерийские; *были* мелкие, сборные, пешие и конные, *были* мужицкие и помещичьи, никому не известные. *Был* начальником партии дьячок, взявший в месяц несколько сот пленных. *Была* старостиха Василиса, побившая сотни французов» [15, т. 4, с. 130].

¹ Белокурова С. П. Словарь литературоведческих терминов.

В данном контексте каждая параллельная конструкция начинается с экзистенциального глагола «были», занимающего абсолютную препозицию, которая свидетельствует об актуализации значения данного глагола-сказуемого и создает определенный ритм. Все вместе взятые стороны существования этих явлений создают общее представление о патриотизме, скрытом и неявном, о котором читателю подсказывает контекст. Автор рисует силу подвига народа, показывая муки и испытания, которые приносит война. Он с любовью говорит о тех, кто вынес тяжкие испытания для того, чтобы освободить родную землю. Люди из народа, не обученные военному делу, защищали Родину своими силами. Из-за нехватки солдат полки создавались из всех желающих. Например, дьякон был назначен начальником партии, за месяц службы он взял в плен несколько сотен пленных французов. Жена старосты, ведя партизанскую войну, с отрядом убила несколько сотен врагов.

Синекдоха в романе «Война и мир» составляет 0,8 % от общего числа всех средств выразительности.

В художественном произведении слово не только несет определенную информацию, но и служит для эстетического воздействия на читателя при помощи художественных образов. Этот стилистический прием делает исследуемый художественный текст более эмоциональным, что помогает читателю легче воспринимать определенные ситуации и действия героев романа.

«И ежели вашей светлости понадобится человек, который бы не жалел своей шкуры, то извольте вспомнить обо мне... может быть, я пригожусь вашей светлости» [15, т. 3, с. 175].

В данном примере герой показывает преданность государю как главе государства, а значит, и государству в целом. Под словом «*шкура*» герой подразумевает свою жизнь, тем самым он демонстрирует готовность отдать свою жизнь, защищая интересы страны. Несмотря на то, что лексема «*шкура*» имеет отрицательную коннотацию в описании персонажей, герой соглашается на самые опасные задания, показывая стремление заслужить военную славу и принести пользу своему Отечеству.

Восклицание в романе «Война и мир» составляет 0,7 % от общего числа всех средств выразительности.

Восклицание в художественном тексте усиливает выражение тех или иных чувств, отличается особой эмоциональностью, приподнятостью,

торжественностью и выразительностью. В романе «Война и мир» восклицания имеют особый смысл. Они открыто выражают чувство патриотизма русского народа.

«Ура! Ура! Ура! — кричали сзади его» [15, т. 3, с. 148].

«...с криком „ура“ бежали солдаты» [15, т. 3, с. 207].

В данных примерах использовано восклицательное междометие «ура», которое употребляется в качестве торжествующего восклицания, выражающего общее воодушевление, восторг, радость. Боевой клич русских, с которым ходили в атаку, бросались в рукопашную на врага, славили победы и силу русского оружия. Краткое емкое междометие таит в себе несколько функций. «Ура» как символ ознаменования приближающейся победы, радости и гордости за свое Отечество. «Ура» служит для поднятия русского духа, воодушевления на защиту Родины, используется русскими солдатами, бегущими в атаку, в качестве устрашающего врагов клича.

Обобщение результатов исследования

Представим таблицу языковых средств выразительности по полученным данным в ходе исследования.

Таблица 1

Table 1

Средства выразительности в количественном и процентном соотношении Means of expression in quantity and percentage

Виды средств выразительности	Роман «Война и мир»	
	Количество	%
Эпитет	452	30,1
Метафора	346	26,6
Фразеологизм	271	20,4
Сравнение	158	9,7
Олицетворение	63	4,1
Повтор	48	3,2
Антитеза	34	2,1
Анафора	39	2,5
Синекдоха	11	0,8
Восклицание	9	0,7

Список источников

1. Багрецов Д. Н., Швецов В. Д. Патриотизм: современные вызовы и перспективы // Педагогическое образование в России. 2016. № 5. С. 63–70.
2. Гаврилюк В. В. Гражданственность, патриотизм и воспитание // Социологические исследования. 2007. № 4. С. 44–50.
3. Кашапова А. И. Патриотизм как социальная ценность: актуализация в современных условиях // Грамота. 2014. № 10 (48). С. 93–96.

Заключение

Роман Л. Н. Толстого «Война и мир» изобилует различными языковыми средствами, среди которых эпитет, метафора, фразеологизм, сравнение, метонимия, олицетворение, анафора, антитеза, повтор. Проанализировав языковые средства в романе, можно сделать вывод о том, что самыми распространенными средствами выразительности являются эпитет, метафора, фразеологизм и сравнение. Однако, как правило, эпитеты не выражают чувство патриотизма напрямую, они иллюстрируют характер героев, черты лица, эмоции, которые они испытывают при выполнении военного долга, а также дают оценку происходящему. Для репрезентации патриотизма посредством эпитетов необходим контекст, который помогает читателю увидеть, ощутить любовь героев к Отечеству.

Выявлено, что употребление метафор дает возможность автору вербально выразить содержание концепта «патриотизм» в романе: изобразить масштаб исторических событий, мужество и силу, проявленные героями во времена наполеоновского нашествия, создать многомерные образы, передать дух войны и временную протяженность романа.

Фразеологические единицы — одно из основных средств создания концепта «патриотизм» в романе Л. Н. Толстого «Война и мир». Именно они выражают дух и своеобразие нации, раскрывают особенности русского народа, готового защищать родную землю от врагов до последней капли крови, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и эталоны.

Сравнения также открыто не выражают чувство патриотизма, они помогают читателю выявить важные, новые, преимущественные свойства в объекте сравнения для их образного представления.

Таким образом, средства выразительности помогают раскрыть концепт «патриотизм» в романе, показать героизм и мужество народа. Важную роль в реализации концепта «патриотизм» в романе «Война и мир» играет описание русского духа, соборности русского народа, которые дают представление о картине мира русского человека.

4. Криворученко В. К. Патриотизм // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 3. С. 249–251.
5. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем. Теория метафоры. М., 1990. 148 с.
6. Луков В. А., Курганская М. Я. Патриотические ценностные ориентации // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 316–317.
7. Макаров В. В. Отечество и патриотизм: логико-методологический анализ. Саратов : Изд-во Саратовского государственного университета, 1988. 159 с.
8. Москвин В. П. Русская метафора: семантическая, структурная, функциональная классификация. Волгоград : Перемена, 1997. 91 с.
9. Мурзина И. Я. Концепт «отечество» в патриотическом дискурсе // Вестник славянских культур. 2017. Т. 46. С. 39–50.
10. Пономарев Е. В. Концепт «отечество» в культурном сознании русской эмиграции 1920-х годов // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 1 (26). С. 40–47.
11. Селиверстова Н. А. Патриотизм // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 1. С. 232–239.
12. Солодуб Ю. П. Сопоставительный анализ структуры лексического и фразеологического значений // Филологические науки. 1997. № 5. С. 43–54.
13. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. М. : Просвещение, 1997. 427 с.
14. Толстой Л. Н. Война и мир : роман в четырех томах в 2 кн. М. : Художественная литература, 1983. Т. 1–2. 830 с.
15. Толстой Л. Н. Война и мир : роман в четырех томах в 2 кн. М. : Художественная литература, 1983. Т. 3–4. 702 с.
16. Фан И. Б. Дискурс патриотизма: от многообразия к монополии // Дискурс-Пи. 2013. Т. 10, вып. 1-2. С. 147–154.

References

1. Bagretsov DN., Shvetsov VD. Patriotism: modern challenges and prospects. *Pedagogicheskoye obrazovaniye v Rossii = Pedagogical education in Russia*. 2016;(5):63-70. (In Russ.).
2. Gavriilyuk VV. Citizenship, patriotism and education. *Sotsiologicheskkiye issledovaniya = Sociological research*. 2007;(4):44-50. (In Russ.).
3. Kashapova AI. Patriotism as a social value: actualization in modern conditions. *Gramota = Certificate*. 2014;(10(48)):93-96. (In Russ.).
4. Krivoruchenko VK. Patriotism. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye = Knowledge. Understanding. Skill*. 2008;(3):249-251. (In Russ.).
5. Lakoff J. Metaforoy, kotorymi my zhivem. *Teoriya metaforoy = Metaphors by which we live. Metaphor theory*. Moscow; 1990. 148 p. (In Russ.).
6. Lukov VA, Kurganskaya MYa. Patriotic value orientations. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye = Knowledge. Understanding. Skill*. 2012;(2):316-317. (In Russ.).
7. Makarov VV. Otechestvo i patriotizm: logiko-metodologicheskyy analiz = Fatherland and patriotism: logical and methodological analysis. *Saratov: Saratov State University Publishing House*; 1988. 159 p. (In Russ.).
8. Moskvin VP. Russkaya metafora: semanticheskaya, strukturnaya, funktsional'naya klassifikatsiya = Russian metaphor: semantic, structure, functional classification. *Volgograd: Peremena*; 1997. 91 p. (In Russ.).
9. Murzina IYa. The concept of “fatherland” in patriotic discourse. *Vestnik slavyanskikh kul'tur = Bulletin of Slavic cultures*. 2017;46:39-50. (In Russ.).
10. Ponomarev EV. The concept of “fatherland” in the cultural consciousness of the Russian emigration of the 1920s. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Bulletin of the St. Petersburg State University of Culture and Arts*. 2016;1(26):40-47. (In Russ.).
11. Seliverstova NA. Patriotism. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye = Knowledge. Understanding. Skill*. 2017;(1):232-239. (In Russ.).
12. Solodub YuP. Comparative analysis of the structure of lexical and phraseological meanings. *Filologicheskkiye nauki = Philological Sciences*. 1997;(5):43-54. (In Russ.).
13. Stepanov YuS. Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury = Constants. *Dictionnaire of Russian culture*. Moscow: Education; 1997. 427 p. (In Russ.).

14. Tolstoy LN. Voyna i mir : roman v chetyrekh tomakh v 2 kn. = War and Peace: a novel in four volumes in 2 books. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1983. Vol. 1-2. 830 p. (In Russ.).
15. Tolstoy LN. Voyna i mir : roman v chetyrekh tomakh v 2 kn. = War and Peace: a novel in four volumes in 2 books. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1983. Vol. 3-4. 702 p. (In Russ.).
16. Fan IB. The discourse of patriotism: from diversity to monopoly. *Diskurs-Pi = Discourse-Pi*. 2013;10(1-2):147-154. (In Russ.).

Информация об авторах

Е. В. Супрунова — преподаватель, зарубежный эксперт в области культуры и образования.

С. А. Питина — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания историко-филологического факультета.

Information about the authors

Elena V. Suprunova — Senior Lecturer, Foreign Cultural and Educational Expert.

Svetlana A. Pitina — Doctor Sci. (Philology), Professor, Professor of Theoretical and Applied Linguistics Department.

*Статья поступила в редакцию 11.01.2024;
одобрена после рецензирования 18.01.2024; при-
нята к публикации 22.03.2024.*

*The article was submitted 11.01.2024; approved
after reviewing 18.01.2024; accepted for publication
22.03.2024.*

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалент-
ный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта ин-
тересов.

Contribution of the authors: the authors contributed
equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81

doi: 10.47475/1994-2796-2024-485-3-41-48

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТОСФЕРА СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО РЭПА

Галина Николаевна Гумовская¹, Дарья Владимировна Чихачева²

^{1,2} Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

¹ ggumovskaya@hse.ru, ORCID ID: 0000-0002-5823-792X, Scopus AuthorID: 57216874134

² dchikhacheva@hse.ru, ORCID ID: 0009-0007-4923-152X

Аннотация. Данное исследование посвящено проблеме изучения аксиологической составляющей немецкого рэпа, который отражает один из пластов новой культуры современной немецкой молодежи. В ходе исследования были проанализированы наиболее популярные треки немецких рэп-исполнителей: Gzuz, LX, Raf Camora, Capital Bra, 102 Boyz. Общий корпус примеров составил более 50 треков. В настоящее время рэп стал одной из важнейших форм самовыражения нового поколения, создав ценностные универсалии, которые были проанализированы в ходе исследования. В результате было выявлено, что в данную концептосферу входят такие аксиологические концепты как тяжелая судьба, высокое материальное положение, семья, противостояние с обществом, которые во многом отражают интересы наиболее социально уязвимых слоев населения.

Ключевые слова: аксиология, аксиологическая концептосфера, ценности, антиценности, немецкий рэп, хип-хоп культура

Для цитирования: Гумовская Г. Н., Чихачева Д. В. Аксиологическая концептосфера современного немецкого рэпа // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 3 (485). С. 41–48. doi: 10.47475/1994-2796-2024-485-3-41-48

Original article

THE AXIOLOGICAL CONCEPTOSPHERE OF MODERN GERMAN RAP

Galina N. Gumovskaya¹, Daria V. Chikhacheva²

^{1,2} National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

¹ ggumovskaya@hse.ru, ORCID ID: 0000-0002-5823-792X, Scopus Author ID: 57216874134

² dchikhacheva@hse.ru, ORCID ID: 0009-0007-4923-152X

Abstract. This study is devoted to the problem of studying the axiological component of German rap, which reflects one of the layers of the new culture of modern German youth. The study analyzed the most popular tracks of German rap artists: Gzuz, LX, Kontra K, Capital Bra, 102 Boyz. The total body of examples amounted to more than 50 tracks. Currently, rap has become one of the most important forms of self-expression of the new generation, creating value universals that were analyzed during the study. As a result, it was revealed that this conceptosphere includes such axiological concepts as plight, high financial status, family, confrontation with society, which largely reflect the interests of more socially vulnerable layers of the population.

Keywords: axiology, axiological conceptosphere, values, anti-values, German rap, hip-hop culture

For citation: Gumovskaya GN, Chikhacheva DV. The axiological conceptosphere of modern German rap. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(3(485):41-48. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2024-485-3-41-48

Введение

В настоящее время одним из быстроразвивающихся жанров музыки является рэп, важная часть современной хип-хоп культуры, которая зароди-

лась в середине прошлого века в американских гетто, однако вскоре завоевала популярность во всем мире. Данный жанр примечателен тем, что основное его направление заключается в протесте, несогласии с общественным порядком.

Создатели стиля происходили из бедных слоев общества и на себе испытывали тяготы уличной жизни, о которых официальные СМИ умалчивали, игнорируя данные слои населения и не оставляя им шанса быть услышанными. Таким образом, новый жанр позволил исполнителям из гетто исправить создавшуюся ситуацию, так как теперь они использовали рэп в качестве способа транслирования миру своих переживаний, которые были вызваны тяжелым образом жизни, ограниченными средствами к существованию и социальной несправедливостью [12, р. 2–3]. Рэп стал так называемым «голосом улиц», где не существовало цензуры, и каждый мог быть услышан, независимо от происхождения или достатка, обогатив тем самым культуру общества агрессии. Важно отметить, что изначально данный стиль привлекал, в основном, молодежные массы бедных районов, которые наиболее остро ощущали на себе общественное неравенство. Соответственно, культурный уровень данной группы был невысок, что подразумевало стирание любых ограничений и табу, давая полную свободу самовыражению. Однако вместе с этим создавалось новое культурное течение со своими ценностями, где ключевую роль играл «уличный стиль жизни», который диктовал новые порядки. Согласно некоторым исследователям, тексты, которые лежат в основе данного творчества формируют уличную культуру и представляют собой своего рода «грамотность, которая в настоящее время усвоена молодежью по всему миру» [15, р. 33–34].

В настоящее время рэп рассматривается как неоднородное явление, которое представляет собой синергию музыки и слова. Многие исследователи определяют рэп как речетативное исполнение текстов, где важна не только ритмическая составляющая, которая позволяет передать настроение, но также языковое оформление текста, а именно, использование различных стилистических средств [1, с. 93]. Острые, запоминающиеся фразы позволяют привлечь внимание общественности к существующим проблемам, а также побудить ее к определенным действиям. Иногда рэп определяется как «лозунговый речетатив» [5], сочетающий в себе как экспрессивную, так и манипулятивную функции. Таким образом, рэп можно считать сложным лингвокультурным понятием, которое представляет собой синергию ритма и текстового содержания, а также несет в себе социокультурный компонент, отражающий проблемы и ценности наиболее ущемленных слоев населения.

Особую роль в данном жанре играют аксиологические концепты. В рамках данного исследования они рассматриваются с точки зрения лингвокультурологического подхода, задачей которого является установление связи между ценностными ориентирами и культурными кодами как семиотическими системами [3; 10]. Согласно данному подходу, аксиологические концепты можно определить как ценностные доминанты, заключающие в себе преимущественно абстрактные понятия, которые при этом являются основой морально-этических убеждений человека [6, с. 11]. Среди них можно выделить такие понятия, как дружба, свобода и любовь. При этом важно отметить, что аксиологические концепты могут иметь как положительную, так и отрицательную оценку, а соответственно, подразделяться на ценности и антиценности. И те, и другие будут являться основой для человеческой морали, разделяя отрицательные и положительные явления [2, с. 126–127]. Выявление основных аксиологических концептов позволяет выстроить ценностную иерархию, произвести оценку важности тех или иных ценностей для человека, которые также несут в себе культурный компонент. В результате, на основе ценностной иерархии также становится возможным определить культурную принадлежность произведений или их создателей, поскольку аксиологические концепты составляют основу любой культуры [4, с. 92]. Кроме того, аксиологические концепты играют ключевую роль в смыслообразовании текстов, поскольку являются основой для транслируемых идей. То есть, создание текстов обусловлено набором ценностей, которые важны для его создателя и будут проявляться в ходе изложения. Соответственно, ценностные и культурные ориентиры присутствуют в любом типе текста, где рэп также не будет являться исключением.

Методы и материалы исследования

В ходе исследования было проанализировано более 50 треков наиболее популярных немецких рэперов — Gzuz, LX, Raf Camora, Capital Bra, 102 Boyz. Примеры были отобраны методом произвольной выборки. В качестве методов исследования использовались методы дискурсивного и концептологического анализа для выявления основной ценностной парадигмы исполнителей, а также транслируемых ими ценностей.

Результаты исследования и их обсуждение

Как уже отмечалось ранее, ценностные доминанты жанра рэп формировались под влиянием

уличной среды, вследствие чего они представляют собой совершенно новый культурный пласт, который иногда противоречит общепринятым ценностям. Немецкий рэп, который, как и другие разновидности данного жанра, происходит из США, является частью данной культуры. Однако многие исследователи склоняются к тому, что в настоящее время немецкий рэп приобрел собственные национальные черты и «ассимилировался» [8, p. 5].

Данное творческое направление пришло в Германию в 1990-х годах, первопроходцами стали такие исполнители, как Rödelheim Hartreim Projekt, Kool Savas или Azad [7]. Их тексты были связаны с тяжелым образом жизни и социальным неравенством. Современные немецкие рэп-исполнители, такие как Gzuz, LX, Raf Camora, Capital Bra, 102 Boyz, также являются выходцами из бедных слоев населения, соответственно, их основные ценностные ориентиры во многом пересекаются с североамериканскими из-за условий среды, в которых они находились.

Современный немецкий рэп во многом схож с американским. Один из главных посылов заключается в коллективном и объединяющем отношении к жизни и, в частности, в борьбе в основном молодого поколения за признание, самоутверждение и самоопределение [14, p. 8–9]. Среди основных аксиологических концептов, реализуемых в рэп-речетативе, можно выделить следующие: тяжелый жизненный путь, материальное положение, семья, противостояние с обществом, которые во многом отражают интересы более социально уязвимых слоев населения [12, p. 379]. Однако в немецком рэпе также присутствует национальная специфика, где, например, протест против общества связан не с этническим вопросом, как в США, а с вопросом материального благополучия и общественного статуса.

Говоря об аксиологическом концепте «тяжелая судьба», можно отметить, что данный концепт несет в себе ценность, поскольку делает автора «своим», принадлежащим гетто, не похожим на остальных счастливых людей. Так, в следующем примере автор разделяет людей на *sie* (они) и *ich, wir* (я, мы). Подразумевается, что аксиологический концепт “die Last” (бремя, тяжелая судьба) понятен и ценен только для тех, кто пережил подобный опыт, кому нечего терять и кто «готов умереть за мечту»; остальные (счастливые, удачливые) не могут знать, о чем говорит автор.

Sie kennen nicht die Last, die ich ertrage...
Und wir jagen die Katzen, wir jagen die Batzen
und sterben für Träume.¹

*Они не знают того бремени, которое я несу...
И мы гонимся за девушками, мы гонимся за монетами и умираем за мечты.*

(*Meine Sprache* — Raf Camora,
187 Strassenbande).

Похожее разделение можно наблюдать и в следующем примере, где разделение на своих и чужих также происходит через аксиологический концепт “тяжелой жизни”. В данном случае он проявляется через словосочетание *hart hier*, где подразумевается, что автор текста живет в тяжелых условиях, о которых не принято говорить в СМИ, поэтому собеседник “du” (“dir”) никогда не узнает о них.

So, wie es wirklich ist, zeigt dir keine Kamera,
Denn es ist hart hier, keiner gönnt den anderen was.²
То, что происходит на самом деле, тебе не покажет ни одна камера,

Потому что здесь тяжело, никто не покажет другим.

(*Was weißt du schon* — 187 Strassenbande)

Однако в обоих примерах, несмотря на негативный аспект, связанный с трудностями, данный аксиологический концепт является положительным, поскольку позволяет отличить «своих», то есть прошедших тяжелую школу жизни, от «чужих», которые далеки от подобных проблем. Более того, образ человека, пережившего подобные испытания, воспринимается с уважением, даже в некотором роде оказывается поводом для гордости. Данная идея связана с уличным образом жизни, где новые члены гетто-групп должны проходить испытания, прежде чем быть принятыми. Таким образом, идея о тяжелой судьбе становится своего рода инициацией, где разграничиваются «свои» и «чужие».

Следующий концепт непосредственно связан с предыдущим, это концепт улицы — *Straße*. В данном случае *Straße* носит аллегорический характер и выступает как обобщение качеств, которые присущи тем, кто проводит свою жизнь на улицах, то есть жителям гетто. Данное понятие является важной частью так называемой гетто-культуры — культуры бедных районов, где

¹ *Meine Sprache* — Raf Camora, 187 Strassenbande // Youtube. 2018. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=42MxutdAulg> (дата обращения: 21.12.2023).

² *Was weißt du schon?* — 187 Strassenbande // Youtube. 2016. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=TiHAnbS4yQA> (дата обращения: 21.12.2023).

преобладает население из числа мигрантов. Однако в Германии гетто выделяют не на основе этнического состава, а на основе уровня маргинализации тех или иных территорий (с учетом финансовых и социальных факторов) [11, р. 128–130]. Соответственно, к концептосфере аксиологического концепта *Straße* можно отнести силу, выносливость, хитрость — все то, что помогает человеку выжить в ситуации, когда законы и правила не работают. Данный аксиологический концепт можно оценить как положительный, так как он заключает в себе ценность в виде главных качеств, необходимых для выживания.

Ihr seid Straße, aber sag mir, wer ist Straße wie wir? (wer?).¹

Вы все с улицы, но скажите мне, кто принадлежит ей так, как мы? (кто?)

(Immer auf der Straße — 18 Karat, Gzuz)

В следующем примере концепт *Straße* олицетворяет собой отрицательную часть человеческой натуры, некое зло, которое владеет человеком и не отпускает. Фраза “Die Straße ein Teil von mir” показывает невозможность избавиться от этого явления, поскольку оно неразрывно связано с человеком.

Egal, wie du's drehst, Gazo bleibt stramm.
Die Straße ein Teil von mir —

Wohin ich auch geh', der Teufel im Nacken.
Die Straße ein Teil von mir.²

Как ни крути, Газо остается суровым.

Улица это часть меня —

Куда бы я ни пошел, дьявол у меня на шее.

Улица это часть меня.

(Die Straße ein Teil — Luciano, Gzuz)

В данном примере концепт *Straße* также имеет негативную коннотацию, обозначает гиблое место, из которого человек с плохим прошлым не может вырваться, как бы он ни старался. Из текста можно заключить, что *Straße* — это место, где можно найти деньги, успех, однако некая метка все равно сохраняется за человеком, лишая его возможности счастливой жизни. Соответственно, в последних двух случаях аксиологический концепт *Straße* представляет собой антиценность, некое зло, от которого человек не может избавиться, даже став успешным и покинув это место.

¹ Immer auf der Straße — 18 Karat, Gzuz // Youtube. 2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=G6ywdoA1luo> (дата обращения: 17.11.2023).

² Die Straße ein Teil — Luciano, Gzuz // Youtube. 2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=HOaLXbr5-DA> (дата обращения: 17.11.2023).

Wir waren immer auf der Straße und sind immer gleich geblieben.

Je m'appelle criminel, immer auf der Straße.

Wie kommt man an schnelles Geld?

Immer auf der Straße.

<...> Heute bin ich Millionär, aber noch immer auf der Straße.³

Мы всегда на улице, но мы всегда остаемся прежними.

Меня зовут преступник, всегда на улице.

Как получить быстрые деньги?

Всегда на улице.

<...> Сегодня я миллионер, но все еще на улице.

(Immer auf der Straße — 18 Karat, Gzuz)

Похожий концепт, тесно связанный с предыдущим, — *Block*. На немецком молодежном сленге это обозначает район гетто, где собираются молодые люди, проживающие неподалеку, и вместе проводят время. Одновременно он также является абстрактным понятием, которое близко по своему смыслу к концепту “дом”, только в данной культуре это не всегда теплое, приятное место, связанное с ностальгическим чувством, а суровая среда обитания уличной молодежи Германии. В данном примере аксиологический концепт *Block* является антиценностью, заключает в себе негативную коннотацию. Автор говорит о том, что, наконец, смог вырваться из данного места, противопоставляя данное место кафе, где он может отдыхать и считать деньги. Соответственно концепт *Block* содержит противоположные характеристики — бедность, невозможность жить спокойно, расслабленно. Однако по сравнению с предыдущим концептом *Straße*, *Block* не означает, что человек обречен носить в себе память о нем, в данном случае возможен выход.

Ey, wir chill'n nicht mehr am Block, wir hab'n Shisha-Cafés.

Haze pressen, Paste strecken, Bruder, Lilane zähl'n.⁴

Эй, мы больше не отдыхаем на блоке, у нас есть кальянная.

Пускать дым, разбавлять смеси, брат, пересчитывать купюры.

(Ballermann — 187 Strassenbande).

³ Immer auf der Straße — 18 Karat, Gzuz // Youtube. 2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=G6ywdoA1luo> (дата обращения: 17.11.2023).

⁴ Ballermann — 187 Strassenbande // Youtube. 2018. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=OObpqMZd-EU> (дата обращения: 17.11.2023).

Тем не менее аксиологический концепт *Block* не всегда содержит в себе антиценностный компонент. Так, например, в следующем примере рэпер говорит о том, что готов отдать жизнь за свой *Block*. В данном случае концепт предстает жизненно важным для человека и по данному семантическому значению может быть отнесен к концептосфере «дом», «родина», где патриотические чувства побеждают страх смерти. В результате, в данном случае аксиологический концепт *Block* включает в себе колоссальный ценностный компонент, который можно сопоставить с наиболее важными человеческими ценностями.

Hier knallt's auf der Straße,
Hier wehrt man sich noch,
Die Südkurve steht und ich sterb für den Block.¹
*Здесь грохочет улица,
Здесь все еще сопротивляются,
Южный фансектор стоит, и я готов умереть
за блок.*

(Pauli Anthem — Gzuz)

Следующий аксиологический концепт *Familie* («семья») представлен в немецких текстах нестандартно, поскольку в данную концептосферу помимо стандартного концепта “*Brüder*”, входят понятия “*Jungs*”, “*Gang*”, которые по семантическому значению не подразумевают какого-либо родственного отношения. Однако в немецкой гетто культуре члены групп понимаются именно как семья, а кровные узы не так важны. Так, например, в следующих строках рэпер отождествляет своих друзей с братьями (“*Brüder*”), также называя их своей семьей и ставя на первое место (“*Familie zuerst*”). Тем самым, автор показывает, что его друзья — самые близкие люди в его жизни, которые всегда будут приоритетом в его жизни.

Ich komm' aus der Zelle, weil mein Bruder bar bezahlt.

Familie zuerst, dann kommt Freiheit (Yes).²

Я выхожу из камеры, потому что мой брат платит наличными.

Сначала семья, потом свобода (Да).

(N.T.M. — LX).

В следующих строках рэпер также отмечает, что “*Brüder*” это те, кто всегда помогут и поддер-

¹ Pauli Anthem — Gzuz // Youtube. 2018. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=hVKNCbCd4xg> (дата обращения: 17.11.2023).

² N.T.M. — LX // Youtube. 2018. URL: https://www.youtube.com/watch?v=4O_MrJKR9FI (дата обращения: 17.11.2023).

жат, без чьей помощи не добиться таких высот, которых достиг он. Таким образом, аксиологический концепт семьи является однозначной ценностью, однако приобретает несколько другое значение в контексте немецкой рэп-культуры, где семья — это близкие друзья, люди, которые могут прийти на помощь и ради которых человек готов на многое, но при этом они необязательно связаны кровными узами.

Dicke Kette aufm Nacken, Mercedes vor dem Haus,

Ohne meine Brüder wär' ich nicht da, wo ich bin (Nein).³

*Толстая цепь на шее, Mercedes перед домом,
Без моих братьев я бы не был там, где я сейчас (Нет).*

(Mit den jungz -187 Strassenbande)

Следующий аксиологический концепт — *Kasse* (аналог материальному благополучию), которое также является одним из ключевых в рэп-культуре, поскольку является показателем достатка и статуса. В следующем примере можно увидеть, что *die Kasse* (наименование денежных средств в сленге) необходимы для того, чтобы вырваться из “улиц”, среды, где нет перспектив, возможностей для самореализации. Соответственно, данный аксиологический концепт является ценностью, поскольку олицетворяет собой ключ к переходу в более счастливую, обеспеченную жизнь.

Digga keine Perspektiven, doch meine Jungs und ich — wir fliehen,

Durch gutes Ott an dem wir hier ziehen,

Denn wir hustlen und hustlen, brauchen die Kasse um hier

Wegzukommen deshalb sind wir am abpacken.⁴

Чувак, никаких перспектив, но мы с моими парнями спасаемся бегством,

Благодаря хорошему отту, к которому мы здесь стремимся,

Потому что мы суедемся и суедемся, нам нужны деньги, чтобы убраться отсюда, вот почему мы собираем вещи.

(Intro (33) — 102 Boyz)

³ Mit den jungz — 187 Strassenbande // Youtube. 2018. URL: https://www.youtube.com/watch?v=W9XLW9pfTik&list=PLA2tYzXPgPrltLQlxZn8kBIml_n5jg7s8g (дата обращения: 17.11.2023).

⁴ Intro (33) — 102 Boyz, Youtube 2018. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7I0RSyXSR8g> (дата обращения: 17.11.2023).

Кроме того, материальное благополучие также выражается в характерных атрибутах богатства, свойственных преимущественно рэп-культуре, в том числе и немецкой. Сюда входят дорогие марки автомобилей (Mercedes, Rolls Royce), часов (Rolex), золотые цепи (один из главных атрибутов рэперов). В следующих строках рэпер упоминает данные символы роскоши, чтобы подчеркнуть, как изменилась его жизнь в лучшую сторону. Более того, по мнению автора, обладание данными атрибутами делает его «самым крутым» в городе, соответственно, возвышает его социальный статус в глазах других. Данная идея очень часто встречается в идеологии гетто, где единственный путь наверх — большое количество денег, которые позволят занять высокую социальную нишу в обществе, поскольку другие пути (учеба, работа) представляются невозможными или ненадежными из-за среды. Соответственно, завоевание уважения и более высокого статуса возможно только благодаря атрибутам, которые являются универсальным показателем успешности в любой среде, в то время как нравственные и духовные ценности, которые также способны повлиять на восприятие других, могут отличаться. Иными словами, завоевать внимание и расположение публики легче через демонстрацию достатка и статуса, чем проявлением внутренних качеств, которые могут не соответствовать системе ценностей публики. Согласно Гэмблу, такое поведение можно связать также с желанием демонстрации власти, поскольку широкий доступ к ресурсам (атрибутам) является одним из ее признаков. Автор также отмечает, что проявление индивидуальной силы является центральным аспектом для жанра рэп [13]. Таким образом, аксиологический концепт материального благополучия является ключевой ценностью для немецкой рэп-культуры и может проявляться в упоминании денежных средств или атрибутов роскоши.

Dicke Kette aufm Nacken, Mercedes vor dem Haus,

Ohne meine Brüder wär' ich nicht da, wo ich bin (Nein).

<...> Die große Raupe Nimmersatt, nix, was meinen Hunger stillt (Nix).

Geilstes Auto in der Stadt, Wichser, guck aufs Nummernschild!¹

¹ *Mit den jungz* — 187 Strassenbande // Youtube. 2018. URL: https://www.youtube.com/watch?v=W9XLW9pfTik&list=PLA2tYzXPgPrltLQlxZn8kBlmL_n5jg7s8g (дата обращения: 17.11.2023).

*Толстая цепь на шее, Mercedes перед домом,
Без моих братьев я бы не был там, где я сейчас (Нет).*

<...> Большая гусеница Обжора, ничего, что утолило бы мой голод (Ничего).

Самая крутая машина в городе, посмотри на номерной знак!

(*Mit den jungz* — 187 Strassenbande)

Не менее важную роль играет и другой аксиологический концепт — *Staat* («государство»). Данный аксиологический концепт часто противопоставляется концепту свободы, подразумевая определенные ограничения для индивида. В данном контексте концепт *Staat* отождествляется с *System*, то есть предстает как некая довлеющая сила, прикрывающаяся несуществующими идеалами, но на самом деле несущая обществу лишь страдание. Более того, в последующих строках *Staat gibt dir ein Uppercut, wenn seine Steuer nicht pünktlich kommt* (государство даст тебе апперкот, если не заплатишь вовремя налоги) концепт «государства» как общественной ценности разрушается, так как его единственная цель — собирать налоги, но не заботиться о людях. Рэпер противопоставляет себя данному государству, поскольку остается верен лишь себе и своим идеалам, что подразумевает также обладание теми положительными качествами и ценностными принципами, которые были забыты в аппарате власти. Таким образом, аксиологический концепт *System* включает в себе антиценность, поскольку воплощает в себе равнодушие власти к людям и лицемерие, являясь вместе с тем основой для противостояния с индивидом.

Was ist das für ein System, in dem wir leben?

Die Suche nach der Ethik vergebens.

Politiker reden von Bildungspaketen (bla bla),

Kann nichts sehen, außer Missgunst und Elend (ja).

Ihr habt eure Ideale verkauft (heh)!

Der lieber Vater Staat gibt dir ein Uppercut,

Wenn seine Steuer nicht pünktlich kommt.

<...> Ich glaube an mich selbst und das, was ich seh' (ja).²

Что это за система, в которой мы живем?

Поиски морали напрасны.

Политики говорят об образовательных пакетах (бла-бла),

Не вижу ничего, кроме обид и страданий (да).

Вы продали свои идеалы (хех)!

² *Guck mich um* — Gzuz, Youtube 2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=GB6eJt4r6LU> (дата обращения: 17.11.2023).

Любимое государство даст тебе анперкот,
Если не заплатишь вовремя налоги.
<...> Я верю в себя и в то, что вижу (да).
(*Guck mich um* — Gzuz)

Заключение

Таким образом, среди аксиологических концептов, которые имеют положительную коннотацию и, соответственно, представляют собой основные ценности в немецкой рэп культуре, можно выделить *Familie* (семья) и *Kasse* (материальное благополучие). Однако не все аксиологические концепты можно интерпретировать однозначно. Например, такие концепты как *Straße* или *Block* являются слишком абстрактными и собирательными, в результате чего их значение может меняться в зависимости от контекста и, следовательно, интерпретироваться по-разному. Соответственно, вместе

с изменением значения будет меняться и отношение к данному аксиологическому концепту, он может предстать и в роли ценности, и в роли антиценности. Говоря о последней группе аксиологических концептов, можно выделить аксиологический концепт, который включает в себе однозначную антиценность — *Staat* (государство). В немецкой рэп культуре государство представляет собой образ, противостоящий индивиду и ограничивающий его свободу, поэтому в контексте рэпа несет в себе лишь негативную коннотацию.

В целом, следует заключить, что аксиологическая концептуализация современной немецкой рэп-культуры и ее вербальная репрезентация в текстах и дискурсах представляют собой важный раздел аксиолингвистики, поскольку отображают ценности наиболее уязвимых слоев населения.

Список источников

1. Андреев В. К. Лингвистические параметры типологизации современных молодежных субкультур // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2011. № 1 (13). С. 92–98.
2. Георгиева О. Н. Ценности и «Антиценности» французской и русской лингвокультур как базовые единицы аксиологической картины мира // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2008. № 2 (8). С. 126–130.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 331 с.
4. Красных В. В. Словарь и грамматика лингвокультуры: Основы психолингвокультурологии. М. : Гнозис, 2016. 496 с.
5. Лапина Е. В. Лирический герой «Нового фольклора» // Язык и культура (Новосибирск). 2015. № 18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/liricheskiy-geroy-novogo-folklor> (дата обращения: 17.11.2023).
6. Марьянчик В. А. Аксиологическая структура медиа-политического текста (лингвостилистический аспект) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Архангельск, 2013. 382 с.
7. Ahlers M. 'Kollegah the Boss': a case study of persona, types of capital, and virtuosity in German gangsta rap // *Popular music*. 2019. Vol. 38. № 3. P. 457–480.
8. Bennett A. Hip hop am Main: the localization of rap music and hip hop culture // *Media, Culture & Society*. 1999. Vol. 21, № 1. P. 77–91.
9. Bower K. Minority identity as German identity in conscious rap and gangsta rap: Pushing the margins, redefining the center // *German Studies Review*. 2011. P. 377–398.
10. Gamble S. *How music empowers: listening to modern rap and metal*. Routledge, 2021.
11. Güler Saied A. *Rap in Deutschland: Musik als Interaktionsmedium zwischen Partykultur und urbanen Anerkennungskämpfen*. Transcript Verlag, 2013.
12. Keyes C. L. *Rap music and street consciousness*. University of Illinois Press, 2004. Т. 561.
13. Rockeach M. *The Nature of Human Values*. New York: The Free Press, 1973. 438 p.
14. Straub J. *South Bronx, Berlin und Adornos Wien: Gangsta-Rap als Popmusik. Eine Notiz aus sozial- und kulturwissenschaftlicher. Perspektive*, 2012.
15. White M. *From Jim Crow to Jay-Z: Race, rap, and the performance of masculinity*. University of Illinois Press, 2011.

References

1. Andreyev VK. Linguistic parameters of typologization of modern youth subcultures. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie = Bulletin of Volgograd State University. Series 2: Linguistics*. 2011;(1(13):92-98. (In Russ.).

2. Georgiyeva ON. Values and “Anti-Values” of French and Russian linguistic cultures as basic units of the axiological picture of the world. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie = Bulletin of Volgograd State University. Series 2: Linguistics*. 2008;(2):126-130. (In Russ.).
3. Karasik VI. *Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs = The language circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd: Peremena; 2002. 331 p. (In Russ.).
4. Krasnykh VV. *Slovar i grammatika lingvokultury: Osnovy psikholingvokulturologii = Dictionary and grammar of linguoculture: Fundamentals of psycho-linguistic cultural studies*. Moscow: Gnozis; 2016. 496 p. (In Russ.).
5. Lapina EV. The lyrical hero of the “New Folklore”. *Yazyk i kultura (Novosibirsk) = Language and culture (Novosibirsk)*. 2015;(18). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/liricheskiy-geroy-novogo-folklor> (accessed: 17.11.2023). (In Russ.).
6. Marianchik VA. *Aksiologicheskaya struktura media-politicheskogo teksta (lingvostilisticheskii aspekt) = The axiological structure of the media-political text (linguistic and stylistic aspect)*. Abstract of thesis. Arkhangel'sk, 2013. 382 p. (In Russ.).
7. Ahlers M. ‘Kollegah the Boss’: a case study of persona, types of capital, and virtuosity in German gangsta rap. *Popular music*. 2019;38(3):457-480.
8. Bennett A. Hip hop am Main: the localization of rap music and hip hop culture. *Media, Culture & Society*. 1999;21(1):77-91.
9. Bower K. Minority identity as German identity in conscious rap and gangsta rap: Pushing the margins, redefining the center. *German Studies Review*; 2011. Pp. 377-398.
10. Gamble S. *How music empowers: listening to modern rap and metal*. Routledge; 2021.
11. Güler Saied A. *Rap in Deutschland: Musik als Interaktionsmedium zwischen Partykultur und urbanen Anerkennungskämpfen = Music as a Means of Interaction between Party culture and the Urban Struggle for Recognition*. Transcript Verlag; 2013. (In Germ.).
12. Keyes CL. *Rap music and street consciousness*. University of Illinois Press; 2004.
13. Rocheach M. *The Nature of Human Values*. New York: The Free Press; 1973. 438 p.
14. Straub J. *South Bronx, Berlin und Adornos Wien: Gangsta-Rap als Popmusik. Eine Notiz aus sozial- und kulturwissenschaftlicher = Gangsta rap as Pop music. A Note from a Social and Cultural Studies. Perspective*; 2012. (In Germ.).
15. White M. *From Jim Crow to Jay-Z: Race, rap, and the performance of masculinity*. University of Illinois Press; 2011.

Информация об авторах

Г. Н. Гумовская — доктор философских наук, профессор, профессор-исследователь Школы иностранных языков.
Д. В. Чихачева — приглашенный преподаватель английского языка.

Information about the authors

Galina N. Gumovskaya — Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Research-Professor of the School of Foreign Languages.
Daria V. Chikhacheva — visiting lecturer of English.

Статья поступила в редакцию 15.01.2024; одобрена после рецензирования 28.01.2024; принята к публикации 22.03.2024.

The article was submitted 15.01.2024; approved after reviewing 28.01.2024; accepted for publication 22.03.2024.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81-11

doi: 10.47475/1994-2796-2024-485-3-49-54

ОБРАЗ ЧУЖОГО В СУБСТАНДАРТНЫХ ЗООНИМАХ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Галина Владимировна Файзиева

Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, Астрахань, Россия, fayzievagv@yandex.ru

Аннотация. В статье излагаются результаты исследования субстандартных лексических единиц-зоонимов, участвующих в формировании образа чужого в английской и русской лингвокультурах. Цель настоящей работы заключается в выборке и анализе субстандартных лексем, образующих образ чужого посредством сравнения с характеристиками (поведение, внешнее сходство и т. д.) представителей животного мира. Объектом исследования является одна из лексикографических работ автора — «Словарь субстандартной лексики (жаргон, арг, сленг) русского и английского языков. Зоонимы»¹. Автор сосредоточивает внимание на презентации модели исследуемого образа, классификации связанных с ним субстандартных лексических единиц-зоонимов, представляет релятивы и дифференциации в восприятии представленного образа носителями английского и русского языков. Доказано, что субстандартные лексические единицы-зоонимы являются одним из инструментов моделирования образа чужого в английской и русской лингвокультурах. Образ чужого, презентуемый субстандартными зоонимами английского и русского языков, позволяет четко и емко выразить оппозиционность пары «свой — чужой», добавив ей присущий субстандартной лексике колорит и социальную ориентированность.

Ключевые слова: английский язык, русский язык, образ, чужой, субстандарт, субстандартная лексическая единица, зооним

Для цитирования: Файзиева Г. В. Образ чужого в субстандартных зоонимах английского и русского языков // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 3 (485). С. 49–54. doi: 10.47475/1994-2796-2024-485-3-49-54

Original article

THE IMAGE OF AN ALIEN IN SUB-STANDARD ZOONYMS OF THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES

Galina V. Fayzieva

Astrakhan state University named after V.N. Tatichshev, Astrakhan, Russia, fayzievagv@yandex.ru

Abstract. The article presents the results of study of sub-standard lexical units-zoonyms involved in the formation of the image of an alien in English and Russian linguistic cultures. The purpose of this work is to select and analyze sub-standard tokens that form the image of an alien by comparing them with the characteristics (behavior, external similarity, etc.) of representatives of the animal world. The object of the study is one of the author's lexicographic works — A Dictionary of Sub-standard Vocabulary (Jargon, Argot, Slang) of the Russian and English languages. Zoonyms. The author presents the image model, as well as the classification of sub-standard lexical units-zoonyms associated with this model, presents relativities and differentiations in the perception of the presented image by native speakers of the English and Russian languages. It is proved that sub-standard lexical units-zoonyms are one of the tools for modeling the image of an alien in English and Russian linguistic cultures. The image of an alien, presented by the English and Russian substandard zoonyms, makes it possible to clearly and succinctly express the opposition of the “own — alien” pair, adding to it the inherent sub-standard vocabulary flavor and social orientation.

Keywords: English language, Russian language, image, alien, substandard, substandard lexical unit, zoonym

© Файзиева Г. В., 2024

¹ Метельская Е. В., Рябичкина Г. В. Словарь субстандартной лексики (жаргон, арг, сленг) русского и английского языков. Зоонимы. Астрахань, 2011. 156 с.

For citation: Fayzieva GV. The image of an alien in sub-standard zoonyms of the English and Russian languages. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(3(485):49-54. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2024-485-3-49-54

Введение

Субстандартная лексика, долгое время находящаяся вне научного исследования (как на англоязычной, так и на русскоязычной почве), но постоянно пополняющаяся за счет заимствований и нового словообразования, внезапно стала объектом пристального внимания лингвистов, отмечавших яркий колорит и эмоциональную окрашенность субстандартных лексем, их социальную маркированность, смысловую емкость, подвижность, образность. Начиная с середины XX века изучение субстандартной лексики стало достаточно всесторонним, появилось множество профессиональных словарей и словников, представляющих этимологию, семантику и социальную стратификацию субстандартных лексических единиц (СЛЕ). Более того, субстандартная лексика стала признанным инструментом моделирования языковой картины мира, благодаря которому четко и ясно представляется менталитет носителей языка, демонстрируется опыт народа по освоению и отражению реальности.

Особенно ярко в связи с этим представляется образность субстандартных лексических единиц, формирующих определенные языковые паттерны — как относительно личности (например: образ человека в целом, образ чужого, образ врага, образ своего, образ матери и т. д.), так и относительно отдельных ее характеристик (например, соматизмы, зоонимы, профессионализмы и т. д.) в субстандартной лексике.

Объектом нашего исследования является образ чужого, вызвавший наш научный интерес в связи со своей неустойчивостью во времени и зависимостью от внешних обстоятельств. Особенный интерес к данному языковому образу отмечается сегодня (Е. А. Адрющенко, О. В. Балясникова, Ю. Е. Ареева, И. З. Борисова, М. Л. Лаптева, М. Ю. Свинкина, А. Н. Трофимова, С. Е. Чернобай и др.).

Само понятие «чужой» как основа одноименного образа достаточно хорошо изучено в науке, при этом лингвистов интересует формальная сторона образности, вот почему в лингвистике образ изучается с позиции семантики и стилистики. Лингвистический подход к изучению образа «чужой» (как самостоятельно, так и в оппозиции к образу «свой») позволяет определить сущностные признаки, семантические и формальные основания, способы экспликации и особенности

функционирования данного ментального конструкта (определение Е. Г. Беляевской) [5].

Наиболее емко, на наш взгляд, смысл образа чужого характеризуется В. Э. Манаповой, отмечаящей, что чужой это тот, кто нарушает привычный образ жизни, ломает привычную систему ценностей, а потому вызывает негативные настроения и даже ксенофобию [9, с. 388]. В настоящее время конструирование образа чужого становится своеобразным ежедневно необходимым soft-skills личности, ведь современному человеку приходится быстро оценивать ситуацию и реагировать на разнообразие проявлений и мобильность социальных общностей, многие из которых чужды ему самому в силу разных причин. В подобных обстоятельствах сам образ является мощным инструментом воздействия на общество, средством влияния на восприятие, оценку и отношение ко всем, кто отличается от «своего», а следовательно, представляет «чужого».

Отдельно отметим тот бесспорный факт, что при изучении образа «чужой» основным понятием в исследовании является понятие «другой/иной» в неразрывной оппозиции с понятием «свой» («свой — другой/иной/чужой»), что связано с категорией «идентичность» во всех ее проявлениях (национальная, культурная, этническая, религиозная, профессиональная и т. д.).

Четко и емко исследуемый образ представлен в субстандартном лексическом слое и это не случайно. Можно уверенно утверждать, что позиционирование образа «чужой» в субстандартной лексике заложено генетически — ввиду целевой установки субстандартного конспирировать одну часть социума и соответственно сделать речь этой части непонятной для других. Возникший как тайный язык, субстандарт изначально был противопоставлен стандартной лексике, употребляемой «другими». Вот почему среди субстандартных лексических единиц так четко и явно выделяются лексемы, презентующие тех, кто не соответствует идеальному образу своего — говорящего на определенном, понятном только части социума, языке, ведущего определенный образ жизни, обладающего определенным мировоззрением, разделяющего определенные понятия.

Изучая однажды значительный сегмент субстандартной лексики, а именно — зоонимы, формирующие образ человека в английской и русской субстандартных лингвокультурах [11; 12 и др.],

мы задались вопросом: возможно ли разграничить в данном образе своего и чужого? Ответ на этот вопрос представлен результатами настоящего исследования.

Материалы и методы исследования

С целью выявления корпуса субстандартной лексики, формирующего образ чужого посредством зоонимов, нами был проведен анализ субстандартных лексических единиц в нашем «Словаре субстандартной лексики (жаргон, арг, сленг) русского и английского языков. Зоонимы». Выбор методов анализа, примененных в исследовании, обусловлен его целью, задачами и спецификой анализируемого языкового материала. В работе применяется ряд общенаучных методов (метод сплошной выборки, анализ, синтез, сравнение, обобщение).

Результаты исследования и их обсуждение

Отметим, что через зоонимы человек осмысливает самого себя в контексте окружающего его мира, природы, социума. Зоонимы в целом презентуют образ человека как непосредственно (представляя внешность, черты характера, манеры поведения), так и косвенно — путем сравнения с животными, отражая при этом сущность человеческой природы, его менталитет, образ жизни.

По мнению И. В. Куражовой, в зоонимах отражены разные качества и характеристики животных, что свидетельствует об индивидуальности образного мышления конкретного народа, о различиях в ценностной картине мира различных этносов [7, с. 15].

Вот почему, определяя образ чужого посредством зоонимов, мы выбирали лексемы по трем основным параметрам, соотношенным с понятием чуждости: (1) «чужой — думающий не как все», (2) «чужой — внешне отличный от всех, непохожий» и (3) «чужой — ведущий себя не как все». Эти параметры отражают наше представление о модели образа «чужой»: ядро образа составляют лексемы, передающие внутреннее понимание чуждости, медианное — лексические единицы, характеризующие внешние атрибуты чужого, периферийное — лексемы, соответствующие образу поведенческого проявления чужого [15]. Данная позиция подтверждается также исследованием А. С. Маслова, который отмечает три основания для сравнения человека с животным: внешний вид животного, повадки животного, особенности взаимодействия животного с другими представителями животного мира [10].

Отдельно отметим, что образ чужого, как правило, передается лексемами, значение которых свидетельствует о ярко выраженном негативном отношении говорящего, отражая, тем самым, внутреннее содержание образа «чужой» — не такой, как все. При этом формирование в социуме негативного восприятия «чужого» достигается представлением негативных обобщений (например, в нашем исследовании: *волчья стая*, *овечьё стадо* и др.), указанием на национальность (например: *зверек*, *утконос*, *щурята* и др.), цвет кожи (например: *peckerwood*, *porch monkey* и др.), определением места жительства (например: *бурундуки*, *monkeyhanger* и др.), использованием ряда стилистических приемов и средств.

Ведет себя «чужой» также отлично от «своего»: он нарушает установленные обществом правила, вызывая тем самым в свой адрес агрессивные действия, эмоциональное отторжение и неприятие. Вот почему языковая манифестация данного образа, представленная реакцией на «чужого» так привлекательна для исследователей.

Методом сплошной выборки всего было отобрано 343 лексических единицы (ЛЕ) — 127 в английском языке и 216 в русском, что составляет 29 % и 35 % от общего количества английских (433 ЛЕ) и русских (617 ЛЕ) субстандартных лексем, которые явно или опосредовано презентуют образ чужого в субстандартных зоонимах английского и русского языков. Отобранные субстандартные лексемы мы распределили в соответствии с представленной моделью образа «чужой»:

- 1) «чужой — думающий не как все» — 26 СЛЕ в английском и 51 СЛЕ в русском языках (20,5 % и 24 % соответственно), например:
 - **английский язык:** *ass* — *глупец*; *nit* — *мелочный человек*; *parrot* — *человек, бессмысленно повторяющий чужие слова*;
 - **русский язык:** *выхухоль* — *человек, не понимающий, что делает или где находится*; *гнилая рыба* — *изворотливый, хитрый человек*; *ёжик пьяный* — *несообразительный человек*;
- 2) «чужой — внешне отличный от всех, непохожий» — 24 СЛЕ в английском и 46 СЛЕ в русском языках (19 % и 21 % соответственно), например:
 - **английский язык:** *animal* — *неприятный внешне человек*; *dog biscuit* — *непривлекательная девушка*; *moose* — *физически непривлекательный человек*; *ugly duckling* — *гадкий утенок*;

– **русский язык:** *кляча* — не фигуристая, некрасивая девушка; *петух гамбургский* — безвкусно одетый человек; *пингвин* — человек, нарушающий принятые правила одежды; *селедка* — худой, неприглядный человек (обычно женщина);

3) «чужой — ведущий себя не как все» — 77 СЛЕ в английском и 119 СЛЕ в русском языках (60,5 % и 55 % соответственно), например:

– **английский язык:** *bitchy* — стервозная женщина; *dirty bird* — негодяй, подлец; *scaredycat* — суевликий человек; *dog in the manger* — «собака на сене»; *mouse* — воруемый у своих;

– **русский язык:** *вишварь* — человек, вышедший из доверия; *гад ползучий* — человек, нарушивший воровской закон и тюремные традиции; *овод* — человек, живущий за чужой счет; *петух объявленный* — осужденный, с позором изгнанный из воровской группировки.

Анализируя лексемы, формирующие образ чужого посредством зоонимов в субстандартном лексическом фонде английского и русского языков, мы пришли к выводу, что в них присутствует как описание существенных признаков самого животного (прямое значение зоонима), так и описание признаков животного, приписываемых человеку (переносное значение зоонима).

Так, в английском языке из 26 субстандартных лексем, характеризующих образ «чужой — думающий не как все» 8 лексических единиц (30,8 %) отражают признаки животного и соответствуют прямому значению зоонима, например: *old goat* — старая гусыня (безотносительно к роду, о человеке старых взглядов, не разделяющем взгляды большинства); *old dog* — старый пёс (человек, не принимающий нового); *high horse* — надменный человек; *yellow dog* — подлец.

В русском языке среди 51 субстандартной лексической единицы 11 лексем (21,6 %) сохранили свое прямое значение, например: *волк* — человек не своего круга, чужак; *волчара* — предатель; *лошадилла* — человек, пошедший наперекор мнению других; *мартовский заяц* — человек не в себе.

Характеризуя «чужого — внешне отличного от всех, непохожего», только 3 из 24 СЛЕ в английском (12,5 %) и 6 из 46 СЛЕ в русском (13 %) языках передают прямое значение зоонима, например: *giraffe* — заметный человек, не такой как все; *moose* — физически непривлекательный человек; *петух гамбургский* — безвкусно одетый человек; *псица* — внешне неприятный человек.

Анализируя выборку лексем, презентующих образ «чужой — ведущий себя не как все», мы обнаружили, что значения 8 из 77 СЛЕ в английском и 45 из 119 СЛЕ в русском языках (10,4 % и 37,8 % соответственно) близки по смыслу с описанием существенных признаков животного, например: *poor lion* — предатель; *curst cow* — человек, задирющий других; *barking dogs* — ругающий своих; *ice hog* — человек не на своем месте; *sheep* — человек, подчиняющийся чужому влиянию; *паршивая овца* — предатель; *свинья* — чавкающий в приличной кампании; *слон* — не признающий старшинства.

Анализ словарных статей также показал, что 78 (61,4 %) из 127 субстандартных лексем — зоонимов в английском языке и 114 (52,8 %) из 216 лексических единиц — зоонимов в русском маркируются пометами с отрицательным значением: *бран.* — *бранный*, *неодобр.* — *неодобрительный*, *презр.* — *презрительный*, *руг.* — *ругательство*, *пренебр.* — *пренебрежительный*, *презр. бран.* — *презрительно бранный*, причем эти пометы больше относятся к зоонимам с коннотативным компонентом переносного значения, которые несут оценочные и эмотивные характеристики.

Заключение

В целом, результаты исследования свидетельствуют о сходстве в восприятии образа «чужой», передаваемого посредством субстандартных лексических единиц — зоонимов в английской и русской лингвокультуре. Так, например, человека, воруемого у своих, в русском нелитературном языке называют *крыса*, в английском — *mouse*; человека, повторяющего за другими, не имеющего своего мнения, в русской просторечной лингвокультуре называют *попугай*, в английской — *parrot*. Объяснением этого может служить тот факт, что восприятие человеком животного — его повадок, образа жизни, стиля поведения, проявления мозговой деятельности — в целом одинаково как для носителя английского, так и русского языков.

Однако, существуют и явные отличия. Так, например, в английской лингвокультуре внешне непривлекательную девушку называют *dog biscuit* (дословно — *собачий бисквит*), а в русской — *крокодил*, в то время как под английским субстандартным зоонимом *crocodile* понимают безобразного человека, безотносительно к полу.

Как в английской, так и в русской лингвокультурах образ чужого в основном формируется посредством субстандартных зоонимов, отражающих отличие от общепринятых норм поведения,

что может быть объяснено преобладающим значением внешних признаков проявления чуждости, которые легче обнаружить в процессе взаимодействия и коммуникации.

Список источников

1. Андрющенко Е. А. Средства репрезентации образа «чужого» в экономическом дискурсе (на материалах британских СМИ) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2011. № 1 (13). С. 166–171.
2. Арекеева Ю. Е. Концептуальная оппозиция «свой — чужой» в китайской языковой картине мира // Вестник Удмуртского университета. Сер. «История и филология». 2022. Т. 32, № 4. С. 793–801.
3. Арекеева Ю. Е., Шустова С. В. Моделирование ассоциативно-вербального поля категории «свой» // Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 1. С. 33–42.
4. Баясникова О. В. «Свой — чужой» в языковом сознании носителей русской и английской культур : дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 224 с.
5. Беляевская Е. Г. К проблеме конструирования языковых образов. Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2011. Вып. 21 (627). С. 29.
6. Борисова И. З. Концепт «Чужой» в языковой картине мира. iPolytech Journal. 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-chuzhoy-v-yazykovoy-kartine-mira> (дата обращения: 15.11.2023).
7. Куражова И. В. Имена животных как отражение ценностной картины мира в английской лингвокультурологии : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2007. 22 с.
8. Лаптева М. Л. «Свое» и «Чужое» в когнитивно-дискурсивном пространстве русской фраземики. М. : КНОРУС ; Астрахань : Астраханский ун-т, 2016. 212 с.
9. Манапова В. Э. Образ «чужого» в межкультурном диалоге // Диалог культур в условиях глобализации : XII Международные Лихачевские научные чтения, 17–18 мая 2012 г. Т. 1: Доклады. СПб. : СПбГУП, 2012. С. 387–389.
10. Маслов А. С. Зоометафоры-инвективы в современном русском языке (экспериментальное исследование) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2014. 23 с.
11. Метельская Е. В., Рябичкина Г. В. Основные направления в исследовании уголовного жаргона (на материале зоонимов английского и русского языков) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2014. № 2. С. 45–49.
12. Метельская Е. В., Рябичкина Г. В. Исторический обзор презентации субстандартных лексем-зоонимов в зарубежной и отечественной социальной лексикографии // Гуманитарные исследования. 2014. № 1 (49). С. 45–51.
13. Свинкина М. Ю. Градуальная оппозиция «свой — иной, другой, чужой» в русском и немецком языках // Научный диалог. 2016. № 6 (54). С. 94–105.
14. Трофимова А. Н. Дефиниционный анализ лексической единицы «alien» по данным словарей английского языка // Основные проблемы современного языкознания : сб. ст. XIV Междунар. науч.-практ. конф. Астрахань, 2022. С. 188–193.
15. Файзиева Г. В. Образ чужого как основа тайноречия в русской просторечной и английской субстандартной лексикографии // Вестник Пятигорского государственного университета. 2022. № 3. С. 34–37.
16. Чернобай С. Е. Вербализация концептов «свой — чужой» во фразеологической системе английского и русского языков // Культура народов Причерноморья. 2012. № 226. С. 92–96.

References

1. Balyasnikova OV. «Svoy — Chuzhoy» v yazykovom soznanii nositeley russkoy i angliyskoy kul'tur: disertaciya = «Own — Aliens» in the linguistic consciousness of the members of Russian and English cultures. Thesis. Moscow; 2003. 224 p. (In Russ.).
2. Arekeeva YuE. Konceptual'naya oppoziciya «svoy — chuzhoy» v kitayskoy yazykovoy kartine mira = The conceptual opposition of «own — alien» in the Chinese language picture of the world. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. «Istoriya i filologiya» = Bulletin of the Udmurt University. Ser. "History and philology"* 2022;32(4):793-801. (In Russ.).
3. Arekeeva YuE, Shustova SV. Modelirovanie associativno-verbal'nogo polya kategorii «svoy» = Modeling of the associative-verbal field of the category “own”. *Evraziyskiy gumanitarnyy zhurnal = Eurasian Humanitarian Journal*. 2023;(1):33-42. (In Russ.).

4. Balyasnikova OV. «Svoy — chuzhoy» v yazykovom soznanii nositelej russkoj i angliyskoj kul'tur = “Own — alien” in the linguistic consciousness of native speakers of Russian and English cultures. Thesis. Moscow; 2003. 224 p. (In Russ.).
5. Belyaevskaya EG. K probleme konstruirovaniya yazykovykh obrazov = The problem of linguistic images constructing. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta = Bulletin of the Moscow State Linguistic University*. 2011;(21(627):29. (In Russ.).
6. Borisova IZ. Koncept «Chuzhoy» v yazykovoy kartine mira = The concept of «Alien» in the linguistic picture of the world. *iPolytech Journal*. 2014. available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-chuzhoy-v-yazykovoy-kartine-mira> (accessed: 15.11.2023). (In Russ.).
7. Kurazhova IV. Imena zhivotnykh kak otrazhenie cennostnoy kartiny mira v angliyskoj lingvokul'turologii = Animal names as a reflection of the value picture of the world in English Linguoculturology. Abstract of thesis. Ivanovo. 2007. 22 p. (In Russ.).
8. Lapteva ML. «Svoe» i «Chuzhoe» v kognitivno-diskursivnom prostranstve russkoj frazemiki = «Own» and «alien» in the cognitive-discursive space of Russian phrasemics. Moscow: KNORUS; Astrakhan: Astrakhan University; 2016. 212 p. (In Russ.).
9. Manapova VE. The image of an alien in an intercultural dialogue. In: Dialog kul'tur v usloviyakh globalizatsii = Dialogue of cultures in the context of globalization. Vol. 1: Reports. St. Petersburg: SPbSUP; 2012. Pp. 387-389. (In Russ.).
10. Maslov AS. Zoometafory-invektivy v sovremenном russkom yazyke (eksperimental'noe issledovanie) = Zoometaphores-invectives in modern Russian (experimental study). Abstract of thesis. Belgorod. 2014. 23 p. (In Russ.).
11. Metel'skaya EV, Ryabichkina GV. The main directions in the study of criminal jargon (based on the material of zoonyms of English and Russian languages). *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta = Bulletin of the Pyatigorsk State Linguistic University*. 2014;(2):45-49. (In Russ.).
12. Metel'skaya EV, Ryabichkina GV. Historical review of the presentation of sub-standard lexemes-zoonyms in foreign and domestic social lexicography. *Gumanitarny'e issledovaniya = Humanitarian Studies*. 2014;(1(49):45-51. (In Russ.).
13. Svinkina MYu. The graded opposition «one's own, another, alien» in Russian and German. *Nauchny`j dialog = Scientific Dialogue*. 2016;6 (54):94-105. (In Russ.).
14. Trofimova AN. Definitional analysis of the lexical unit «alien» according to English dictionaries. In: Osnovnye problemy sovremenного yazykoznanija = The main problems of modern linguistics. Astrakhan; 2022. Pp. 188-193. (In Russ.).
15. Fayzieva GV. The image of an alien as the basis of secret speech in Russian vernacular and English sub-standard lexicography. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Pyatigorsk State University*. 2022;(3):34-37. (In Russ.).
16. Chernobaj SE. Verbalization of the concepts of «own — alien» in the phraseological system of the English and Russian languages. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya = Culture of the peoples of the Black Sea region*. 2012;(226):92-96. (In Russ.).

Информация об авторе

Г. В. Файзиева — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка и профессиональных коммуникаций.

Information about the author

Galina V. Fayzieva — Doctor Sci. (Philology), Professor, Professor of the Department of the English Language and Professional Communications.

Статья поступила в редакцию 05.01.2024;
одобрена после рецензирования 29.01.2024; при-
нята к публикации 22.03.2024.

The article was submitted 05.01.2024; approved
after reviewing 29.01.2023; accepted for publication
22.03.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта инте-
ресов.

The author declares no conflicts of interests.

АВТОМАТИЗИРОВАННАЯ ОБРАБОТКА ТЕКСТА И ЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ

AUTOMATED TEXT PROCESSING AND ITS APPLICATIONS

Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 3 (485). С. 55–65.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2024;(3(485):55-65. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 81'322.4

doi: 10.47475/1994-2796-2024-485-3-55-65

ПРОГРАММНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИДЕНТИФИКАЦИИ ТЕКСТОВ: СОПОСТАВЛЕНИЕ НА СХОЖЕСТЬ, УСТАНОВЛЕНИЕ ТОЖДЕСТВА, ПРОВЕРКА НА УНИКАЛЬНОСТЬ

Галина Викторовна Напреенко

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия, galina_napreenko@mail.ru,
ORCID ID: 0000-0002-4404-0560

Аннотация. Исследование выполнено в рамках идентификационной лингвистики и лингвистической вариатологии. В статье описаны некоторые способы установления степени схожести текстов: алгоритм шинглов, расстояние Левенштейна, системы по выявлению плагиата. Цель работы — описание и апробация программных возможностей сопоставления текстов на схожесть, установления их тождества, проверки на уникальность. В широком смысле данные задачи входят в область идентификации текста. При качественной (ручной) оценке схожести текстов происходит выбор и отбор идентифицирующих параметров специально для исследуемого текста. Использование электронных ресурсов обусловлено стремлением к объективности применяемых методов установления тождества текстов и объективности получаемых результатов. Программные продукты также позволяют установить иную, квантитативную, характеристику — степень схожести текстов друг с другом или степень оригинальности текста. В работе использованы сервисы, в задачи которых входит: 1) сравнение текстов на схожесть; 2) обнаружение заимствования (плагиата). Материалом исследования явился отрывок интервью главы МИД Сергея Лаврова. Вариантами для сравнения с исходным текстом послужили тексты обратного машинного перевода. Обратный машинный перевод как транслятивный продукт — часть искусственного интеллекта и модель процесса понимания и интерпретации естественного языка. Результаты использования предложенных сервисов позволили расположить пять вариантов текстов обратного машинного перевода от наиболее уникального к наиболее тождественному исходному. Исследование показало, что программы в целом дают схожие результаты, которые могут быть применимы для решения исследовательских и прикладных задач, связанных с установлением тождества и различия текстов. Перспектива исследования — выявление лексических параметров, позволяющих классифицировать вторичные тексты обратного машинного перевода как наиболее или наименее тождественные по отношению к первичному варианту.

Ключевые слова: тождество текстов, уникальность текста, идентификация текста, антиплагиат, обратный машинный перевод, транслятивная лингвистика

Для цитирования: Напреенко Г. В. Программные возможности идентификации текстов: сопоставление на схожесть, установление тождества, проверка на уникальность // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 3 (485). С. 55–65. doi: 10.47475/1994-2796-2024-485-3-55-65

Original article

SOFTWARE CAPABILITIES FOR TEXT IDENTIFICATION: COMPARISON FOR SIMILARITY, IDENTITY ESTABLISHMENT, UNIQUENESS CHECK

Galina V. Napreenko

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia, galina_napreenko@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-4404-0560

© Напреенко Г. В., 2024

Abstract. The study was carried out within the framework of identification linguistics and translational linguistics. The article describes some methods for determining the degree of similarity of texts: shingle algorithm, Levenshtein distance, systems for detecting plagiarism. The purpose of the work is to test the software capabilities of comparing texts for similarity, establishing their identity, and checking uniqueness. In a broad sense, these tasks fall within the area of text identification. In a qualitative (manual) assessment of the similarity of texts, identifying parameters are selected and selected specifically for the text under study. The use of electronic resources is determined by the desire for objectivity of the methods used to establish the identity of texts and the objectivity of the results obtained. Software products also make it possible to establish another, quantitative, characteristic — the degree of similarity of texts to each other or the degree of originality of the text. The work used services whose tasks include 1) comparing the similarity of two texts; 2) calculation of the Levenshtein distance; 3) detection of borrowing. The research material was an excerpt from an interview with Foreign Minister Sergei Lavrov. Reverse machine translation texts served as options for comparison with the source text. Reverse machine translation as a translation product is part of artificial intelligence and a model of the process of understanding and interpreting natural language. The results of using the proposed services made it possible to arrange five reverse machine translation options from the most unique text to the text that is most identical to the invariant. The study showed that the programs generally produce similar results, which can be applicable to solving research and applied problems related to establishing the identity and difference of texts. The prospect of the study is to identify lexical parameters that make it possible to classify reverse machine translation texts as the most or least identical with respect to the invariant.

Keywords: text identity, text uniqueness, identity and difference, text identification, anti-plagiarism, reverse machine translation, translational linguistics

For citation: Napreenko GV. Software capabilities for text identification: comparison for similarity, identity establishment, uniqueness check. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(3(485):55-65. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2024-485-3-55-65

Введение

Развитие информационных технологий, доступ к большим объемам информации, требования к оригинальности научных работ определяют расширение задач автороведческой идентификации и поиск наиболее результативных методов идентификации текстов. Возможности установления тождества текстов в современное время обширны.

Методы, направленные на идентификацию, в широком смысле — установление тождества и различия между объектами, определяются подходом к обнаружению параметров-идентификаторов и делятся на формальные и содержательные (экспертные); в диссертации [12] эти методы получили названия «этюдные» (индивидуализированные) и универсальные, формально-количественные методы. К «этюдным» методам можно отнести многие идентификационные исследования экспертов в юрислингвистической практике, которые содержат описательный план, основываются на интуитивном выявлении специфических параметров текста. Такие параметры выделяются для каждого исследуемого текста индивидуально.

Использование объективных методов (обращение к электронным ресурсам, осуществляющим техническое обнаружение заимствований, механическую проверку текста на уникальность), интерсемиотический перевод (перевод из одной зна-

ковой системы в другую) объективирует результаты анализа текстов. Кроме качественной оценки тождества и различия текстов, соответствующие программные продукты фиксируют *степень* тождества вариантов. Такой «компьютерный» подход к идентификации текста «заключается в построении классификатора, на входе которого — численные значения различных параметров текста, извлеченных <...> автоматически — слов, частей речи; реже — синтаксических и семантических параметров» [14].

Целью статьи является описание и апробация возможностей некоторых программных продуктов по сопоставлению текстов на схожесть, установлению степени оригинальности текстов и, как следствие, установлению степени тождества между текстами, т. е. их идентификации. В статье описаны методы, лежащие в основе работы ряда компьютерных программ, направленных на решение описанных задач.

Сервисы, используемые в исследовании, — фрагменты искусственного интеллекта, рассматриваемые нами как своего рода моделирование процесса понимания и интерпретации естественного языка, а также поиск инструментария для моделирования. Н. Д. Голев отмечает «наиндивидуальность», «надсубъективность» показаний подобных программ как их преимущество для анализа лингвистических источников и возможности «получения объективных

сведений о естественном языке и речевой деятельности» [8, с. 37].

Исследование включено в парадигму транслятивной лингвистики [9]. В качестве вариантов для сопоставления с первичным текстом в аспекте тождества и различия использованы тексты обратного машинного перевода (далее — ОМП), что является одним из инструментов моделирования естественной речевой переводческой деятельности. А. В. Морозов отмечает, что «межъязыковое пространство становится источником сведений о внутренних семантических процессах, происходящих в изучаемом языке, тем своеобразным зеркалом, в котором преломляется семантико-деривационное развитие лексики родного языка» [11, с. 72]. В процессе двойного машинного перевода посредством различных трансформаций формируется вторичный текст. И. А. Барина и соавторы отмечают, что программы перевода — своеобразный аналог модели языкового сознания человека [3].

Материалы и методы исследования

Материалом исследования для апробации работы программных продуктов явился отрывок интервью главы МИД Сергея Лаврова¹. Исходный текст — 136 слов. В качестве объектов для сопоставления с первичным текстом на предмет тождественности были выбраны варианты ОМП. Под ОМП Н. Д. Голев понимает «“трансляционный продукт”, полученный в результате машинного (компьютерного) перевода текста или других единиц (слов, словосочетаний, предложений и т. д.) с языка R на язык N и обратного перевода полученного “продукта” с языка N на язык R» [8, с. 36]. Описанным способом было получено пять вариантов ОМП через следующие языки: арабский, хинди, английский, китайский, испанский. Деривационная цепочка ОМП в данной статье записывается следующим образом (на примере машинного перевода с русского языка на китайский язык и затем обратно с китайского языка на русский язык): ОМП рус.-кит.-рус. Задача исследования — сопоставить исходный текст и его варианты на русском языке в аспекте их схожести (в широком смысле — тождественности) с помощью различных сервисов.

¹ Интервью главы МИД Сергея Лаврова 10 марта 2023 г. URL: https://www.itv.ru/news/2023-03-10/448829-eksklyuzivnoe_intervyu_glavy_mid_sergeya_lavrova_smotrite_etim_vecherom_na_pervom_kanale (дата обращения: 15.08.2023).

В качестве методов исследования были использованы сервисы, в задачи которых входит: 1) сравнение схожести двух текстов (Cioх; iRewriter 1.0); 2) вычисление расстояния Левенштейна; 3) обнаружение заимствования (TEXT.RU; AdvegoPlagiat; Антиплагиат.ру).

Методы установления тождества текстов

Алгоритм шинглов. Шингл — это часть текста, состоящая из нескольких слов. Программы сопоставляют шинглы определенного размера в двух текстах и устанавливают, являются ли они тождественными. Размер шингла 3 равен трем словам в шингле, то есть это последовательности из трех соседних слов; шингл 4 — последовательность из четырех соседних слов. Снижение размера шингла приводит к более точной проверке текста. В русском языке много «устойчивых словосочетаний, состоящих из трёх и более слов: терминов, названий документов, различных оборотов речи»², в связи с чем минимальный размер шингла, который необходимо устанавливать для проверки текста, равен трем.

Специалисты Advego для работы в своей программе советуют устанавливать следующие настройки для более качественной проверки текста: «для маленьких текстов (до 1000 символов): размер шингла 3–4;

для средних текстов (1000-2500 символов): размер шингла 5–8;

для больших текстов (свыше 2500 символов): размер шингла 10»³.

Алгоритм шинглов применяется, например, в исследовании А. А. Платонова, Р. Е. Потапова [16]. В указанной работе ставится задача сопоставления текстовых данных (новостей) на предмет частичного и полного сходства (дублирования). Авторы используют метод шинглов, реализация которого происходит «ручным» способом в следующей последовательности: «канонизация текстов, разбиение текстов на шинглы, нахождение контрольных сумм шинглов, поиск одинаковых последовательностей путем сравнения контрольных сумм» [16, с. 79].

Другим методом, который используется для установления тождества, является измерение **расстояния Левенштейна**. Это минимальное число преобразований (удаления, вставки или замены), необходимых, чтобы превратить одну

² Сидоров С. В. Сайт педагога-исследователя. URL: <http://si-sv.com/load/10-1-0-62> (дата обращения: 20.08.2023).

³ Там же.

последовательность в другую. Расстояние Левенштейна применяется в исследованиях с различной целью. Например, для устранения опечаток в записях баз данных [10]; для исправления ошибок при вводе текста; в приложениях по автоматической обработке текстов и пр.

Примером работы, применяющей данный метод, является статья С. Б. Потемкина [17]. Автор на материале ОМП рассчитал расстояние Левенштейна «между исходным русским текстом и текстом, полученным в результате прямого и обратного переводов» [17. С. 80]. В случае если расстояние между двумя фразами (словами) равно нулю, русский термин признавался эквивалентом иноязычному термину и, как следствие, соответствующим международным терминологическим стандартам; если расстояние не равно нулю, то автор приходит к выводу, что система машинного перевода «не знает» русского термина, а значит, неправильно выбирает его иноязычный эквивалент [17, с. 80–81]. Например:

«Initial (Russian) = вера в справедливый мир
-> Russian to English = just-world hypothesis
-> Back English to Russian = вера в справедливый мир

мир

// Levenshtein distance = 0» [17, с. 81].

С. Б. Потемкин осуществил машинный перевод термина с русского языка на английский язык, а затем обратно с английского на русский. В приведенном примере преобразований между исходной и полученной последовательностями не требуется, расстояние Левенштейна равно нулю, а значит, варианты эквивалентны, то есть тождественны. Применение данного метода позволило автору прийти к выводу о перспективности «использования системы машинного перевода для стандартизации научно-технической терминологии» [17. С. 82]. Описанная работа является примером расчета расстояния Левенштейна исследователем вручную, однако существуют программные продукты, позволяющие измерять расстояние Левенштейна автоматически.

Расстояние Левенштейна наряду с коэффициентом сходства Жаккара используется как способ сравнения текстов из открытой печати на схожесть [1]; как метод сравнения оцифрованных копий деловых документов [2; 18]. В статье «Многоэтапный метод автоматической коррекции искаженных текстов» [5] расстояние Левенштейна выступает в качестве метода выявления искажений в виде ошибочных символов, слов и словосочетаний при автоматическом распознавании речи или оптическом распознавании изображе-

ний текстов. Авторы предлагают метод коррекции искаженных текстов: последовательное определение ошибок и исправление искаженных текстов. После установленного признака искаженности отдельных слов «строится список возможных вариантов слов, в который попадают только те словоформы из словаря, которые находятся от исследуемого слова на определенном расстоянии Левенштейна» [5, с. 35].

Использование систем Антиплагиата с целью выявления степени уникальности/оригинальности текстов. В данном случае речь идет об идентификации плагиата и неправомерных заимствований в тексте. Уникальность текста — параметр, отражающий оригинальность текста в процентах. Проблема плагиата актуальна и поднимается во многих современных работах. Программы по обнаружению плагиата широко используются в научно-образовательной среде, в связи с чем существующие исследования систем идентификации плагиата и непосредственно «Антиплагиата» разноаспектно подходят к проблеме оценки их использования: описывают особенности применения программы в науке и образовании [22; 23], осуществляют оценку качества работы программы [7], анализируют применение авторами приемов, влияющих на итоговый процент уникальности [15], формулируют предложения по решению проблем использования программ с целью оптимизации процесса проверки и повышения эффективности ее результатов [19], рассматривают методики борьбы с плагиатом и пр. Важным, на наш взгляд, является следующее положение: «Программные продукты не констатируют факт плагиата, а указывают на наличие в научной или учебной работе текстовых заимствований, не оформленных соответствующим образом. Вывод о наличии в этих заимствованиях плагиата принимается компетентным специалистом — экспертом в предметной области» [19, с. 137].

В статье [21] исследуется методология оценки научных публикаций с помощью системы «Антиплагиат». Авторы, проведя исследование более 200 магистерских диссертаций, 14 кандидатских и трёх докторских диссертаций с помощью программы «Антиплагиат», пришли к выводу об особенностях использования: например, система не приспособлена для автоматической работы, без последующей проверки результатов специалистом.

Однако перспектива использования программ по обнаружению плагиата может заключаться и в их применении в рамках «идентификационной

лингвистики» [13]. Выделенные программой фрагменты текста (плагиата по оценке системы) могут быть подвергнуты оценке в идентификационном аспекте. При этом важным является тот факт, что «результат автоматической проверки текста в системе «Антиплагиат» содержит информацию лишь о наличии совпадений фрагментов проверяемого текста и иных текстов, но при отсутствии экспертной оценки не является показателем оригинальности текста и не позволяет судить об отсутствии или наличии в нем заимствований» [20].

На границе компьютерных, формальных и экспертных методов находятся методы, содержащие интерсемиотический перевод как формально-количественный подход, позволяющий переводить текстовые данные в статистические благодаря частотному анализу (пр., диаграмма сравнения частотных портретов по однограммам трех выбранных писателей в статье [6]). Близостью к методам формального характера является еще и возможность установить степень тождества и различия текстов по заданным исследователем параметрам. Подобный подход представлен в статье Ю. А. Башкатовой [4]. Автор, используя ОМП с целью анализа деривационных деформаций между исходным текстом на русском языке и полученным текстом на русском языке, предлагает уровневый механизм измерения (от лексического уровня к тексту), чем осуществляет перевод содержательных трансформа-

ций в объективные категории. С этой целью автор предлагает применять пятибалльную шкалу: 1 балл — лексико-синонимическая замена слов (пр., невероятно — удивительно) или грамматическая (морфологическая) транспозиция (пр., удивлял — удивил); 2 балла — деривационная трансформация по двум направлениям; 3 балла — к лексическому и грамматическому фактору добавляется синтаксическая трансформация предложения (пр., замена сложного предложения простым); 4 балла — смысловое расхождение между исходным текстом и его вариантом; 5 баллов — деривационная мутация, приводящая к значительному искажению смысла текста. Апробация методов данного типа не входит в задачи настоящей статьи.

Результаты исследования и их обсуждение

Апробация программ по установлению степени тождества между текстами

Результаты сравнения текстов на схожесть с помощью программы, работающей на **алгоритме шинглов**¹. Информация в процентах отражает степень схожести исходного текста и его варианта. Данные в таблице расположены от наименее тождественного текста исходному (низкий процент схожести) к наиболее тождественному (высокий процент схожести). Так, вариант ОМП рус. — кит. — рус. оказался наименее схожим с исходным текстом, а вариант ОМП рус. — англ. — рус. — более схожим.

Таблица 1
Table 1

Сравнение текстов ОМП на схожесть Ciox.ru (алгоритм шинглов) Comparison of reverse machine translation texts for similarity Ciox.ru (shingle algorithm)

	Китайский	Хинди	Арабский	Испанский	Английский
Исходный	35,96 %	41,44 %	43,4 %	46,73 %	54,46 %

Программа iRewriter 1.0² также использует алгоритм шинглов, но предоставляет возможность дополнительно выбрать размер шингла от 1 до 10, а также выделяет цветом заимствованные фрагменты текста. Ориентируясь на рекомендации

¹ Вычислительные веб-сервисы. CIOX. URL: https://ciox.ru/comparing_the_similarity_of_texts (дата обращения: 20.08.2023).

² iRewriter 1.0. URL: <http://si-sv.com/load/10-1-0-62> (дата обращения: 20.08.2023).

создателей программы о необходимости выбора размера шингла 3–4 для маленьких текстов (до 1000 символов), остановимся на размере шингла 3 (более строгая проверка) с функцией «удалять стоп слова». В таком случае в процессе проверки текстов удаляются некоторые слова и символы, к которым обычно относят числа, указательные слова, междометия, частицы, союзы, предлоги, знаки препинания.

Таблица 2

Table 2

**Сравнение текстов ОМП на схожесть iRewriter 1.0
(алгоритм шинглов, функция «удалять стоп-слова»)
Comparison of reverse machine translation texts for similarity iRewriter 1.0
(shingle algorithm, “remove stop words” function)**

	Китайский	Арабский	Хинди	Испанский	Английский
Исходный	3,9 %	11,8 %	14,3 %	15,7 %	23,1 %

Таблица 3

Table 3

**Сравнение текстов ОМП на схожесть iRewriter 1.0 (алгоритм шинглов)
Comparison of reverse machine translation texts for similarity iRewriter 1.0
(shingle algorithm)**

	Китайский	Арабский	Испанский	Хинди	Английский
Исходный	3,9 %	16,4 %	22,7 %	22,9 %	31,7 %

В таблице 3 представлены данные по сопоставлению текстов без учета функции «удалять стоп-слова». В таком случае программа не изменяет исходный текст, то есть не исключает слова и символы из текста перед проверкой.

Использование двух программ, основанных на работе алгоритмов шингла, показало, что вариант ОМП рус. — кит. — рус. является менее тождественным исходному, а вариант ОМП рус. — англ. — рус. — более тождественным исходному тексту. Расхождения в результатах (порядок

расположения ОМП в таблице), представленных в таблицах 2 и 3, незначительны и относятся к вариантам ОМП рус. — хинди. — рус. и ОМП рус. — исп. — рус.

В таблице 4 представлены результаты проверки программы, работающей по другому принципу — *измерению расстояния Левенштейна*¹. ОМП в таблице расположены от наименее тождественного первичному тексту к наиболее тождественному, то есть от текста с наибольшим числом расстояния Левенштейна к наименьшему.

Таблица 4

Table 4

**Сравнение текстов ОМП на схожесть с помощью измерения расстояния Левенштейна
Comparing of reverse machine translation texts for similarity
using Levenshtein distance measurements**

	Китайский	Хинди	Арабский	Испанский	Английский
Исходный	545	359	358	314	253

Данные, отраженные в таблицах 1 и 4, а также с небольшим расхождением в таблицах 2 и 3, показывают одинаковые результаты: наиболее схожим вариантом с исходным текстом, а значит, вариантом, содержащим наибольшее количество тождественных параметров, является ОМП, полученный посредством обратного перевода рус. — англ. — рус.; вариантом, имеющим меньшее количество тождественных параметров с исходным текстом, является ОМП, полученный посредством обратного перевода рус. — кит. — рус.

Работа программ по *проверке текстов на уникальность* (обнаружению плагиата) отличается от проверки, основанной на методе шинглов и измерении расстояния Левенштейна. В описанных выше программах тексты были сопоставлены

друг с другом, варианты — с исходным текстом. В программах по выявлению плагиата текст сопоставляется с источниками из открытого доступа в Интернете, а значит, параметры тождества и различия выявляются не между заданными текстами, а между одним заданным текстом и множеством, представленным в Интернете.

Проверка исходного текста и его вариантов в программе TEXT.RU² позволила получить результаты, отраженные в таблице 5. Расположение

¹ Онлайн-калькулятор для расчета расстояния Левенштейна. URL: <https://hostciti.net/calc/it/distance-lowenstein.html> (дата обращения: 05.09.2023).

² Сервис проверки текста на уникальность и биржа контента. URL: <https://text.ru/antiplagiat/unauthorized> (дата обращения: 08.09.2023).

вариантов ОМП в таблице следующее: от более уникального (имеющего больше различий с исходным текстом, чем тождества) к менее уни-

кальному (имеющему большее количество тождественных параметров с исходным текстом, чем различий).

Таблица 5
Table 5

Проверка текстов ОМП на уникальность в программе TEXT.RU
Checking of reverse machine translation texts for uniqueness
in the TEXT.RU program

Китайский	Испанский	Арабский	Хинди	Английский
67,57 %	44,16 %	29,83 %	27,82 %	13,72 %

Программа для проверки уникальности текста AdvegoPlagiatus¹ анализирует текст по нескольким алгоритмам: алгоритм шинглов, алгоритм лексических совпадений, алгоритм псевдоуникализации (наличие символов, повышающих уни-

кальность текста). Сервис выдает два результата: первый — процент уникальности текста, второй — процент рерайта (таблица 6). ОМП рус. — кит. — рус. является наиболее уникальным, ОМП рус. — англ. — рус. — наименее уникальным.

Таблица 6
Table 6

Проверка текстов ОМП на уникальность в программе AdvegoPlagiatus
Checking of reverse machine translation texts for uniqueness
in the AdvegoPlagiatus program

Китайский	Арабский	Испанский	Хинди	Английский
97 % / 94 %	76 % / 50 %	70 % / 33 %	66 % / 33 %	58 % / 14 %

В таблице 7 представлены результаты проверки текстов ОМП в системе «Антиплагиат»². Данные выражены в виде процента оригинальности текста. Система «Антиплагиат» выдает также следующие результаты: процент совпадения, самцитирования и цитирования. ОМП располо-

жены в таблице от более оригинального (текст имеет меньшее количество параметров, тождественных параметрам в других текстах) к наименее оригинальному (текст имеет большее количество параметров, тождественных параметрам в других текстах).

Таблица 7
Table 7

Проверка текстов ОМП на уникальность в программе «Антиплагиат.ру»
Checking of reverse machine translation texts for uniqueness
in “The Antiplagiат.ru” program

Арабский	Китайский	Хинди	Английский	Испанский
66,74 %	66,52 %	44,99 %	44,99 %	24,6 %

Результаты апробации программных продуктов по сопоставлению текстов ОМП различаются в зависимости от целей использования этих сервисов: проверка текстов на схожесть или проверка текстов на уникальность.

Согласно данным по результатам проверки в программах, сравнивающих тексты по степени схожести (таблицы 1–4), наиболее схожим

с первичным текстом является ОМП рус. — англ. — рус., так как имеет большее количество параметров, которые оцениваются программами как тождественные, наименее схожим — ОМП рус. — кит. — рус., так как процент уникального текста в нем превалирует над тождественными отрезками.

Результаты проверки текстов на уникальность (таблицы 5–7) совпадают только в части ОМП рус. — кит. — рус. и ОМП рус. — англ. — рус. с данными в таблицах 1–4. Отдельно необходимо выделить значительные отличия в результатах анализа ОМП системой «Антиплагиат»

¹Advego Антиплагиат — проверка уникальности текста. URL: <https://advego.com/antiplagiат/> (дата обращения: 08.09.2023).

²Антиплагиат. Система обнаружения текстовых заимствований. URL: <https://antiplagiат.ru/> (15.09.2023).

по сравнению с результатами других систем, что обусловлено назначением сервиса, базой проверки (открытые, закрытые источники) и пр. и требует отдельного обзора и апробации.

Заключение

Преимущество использования программы сравнения текстов на схожесть (установления степени схожести / тождества текстов) как один из способов моделирования естественного языка обнаруживается в том, что они сопоставляют два конкретных текста: первичный текст и его вариант. Результатом такого сопоставления является процент схожести текстов, то есть наличие тождественных признаков в обоих текстах, выраженных в процентах.

Выявление уникальности текста (как параметра, отражающего его оригинальность) работает иначе: это сопоставление исследуемого варианта с множеством текстов, представленных в свободном доступе в интернете. Результатом является процент оригинальности текста, то есть процент

наличия в нем параметров, тождественных с отрезками в других текстах.

Проверка одного и того же текста разными сервисами может давать различные результаты, однако, как показало исследование, разница не всегда значительна. Данные, отраженные в таблицах, показали, что наиболее схожим вариантом с исходным текстом является ОМП рус. —англ. — рус.; наиболее оригинальным, уникальным — ОМП рус. — кит. — рус.

Описанные программные возможности позволяют устанавливать объективные параметры: *степень* тождества текстов и *степень* их уникальности. В рамках идентификационной лингвистики такие программы могут быть использованы в качестве первого этапа оценки текстов на предмет их тождества или различия с последующим качественным (экспертным) анализом. Выявлению параметров, позволяющих определить степень тождества текстов ОМП как транслятивного варианта и исходного текста в лексическом аспекте, будут посвящены последующие исследования.

Список источников

1. Аёшин И. Т., Федоров В. А., Городов А. А., Абдулаев Н. А. Методики сравнительного анализа текстовых документов на близость // Научно-технический вестник Поволжья. 2022. № 6. С. 46–50.
2. Андреева Е. И., Манжиков Т. В., Славин О. А. Сравнение оцифрованных страниц деловых документов на основе распознавания // Сенсорные системы. 2018. Т. 32. № 1. С. 35–41.
3. Баринова И. А., Нестерова Н. М., Овчинникова И. Г. «Языковое сознание»: к вопросу об определении и интерпретации термина // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2010. № 4. С. 10–21.
4. Башкатова Ю. А. Обратный машинный перевод как способ измерения смыслового тождества / различия вариантов текста // Современная парадигма анализа языка и межкультурной коммуникации и ее прикладной потенциал в обучении родному и иностранному языкам : материалы нац. научн. конф. (Барнаул, 18–19 сентября 2019 г.). Барнаул : Алтайск. гос. пед. ун-т, 2020. С. 18–23.
5. Вахлаков Д. В., Мельников С. Ю., Пересыпкин В. А. Многоэтапный метод автоматической коррекции искаженных текстов // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2020. № 7 (217). С. 35–45.
6. Волынкин П. А., Гянджиев Э. Э. Идентификация авторства текста при помощи частотных портретов // European Scientific Conference : сб. статей X Междунар. науч.-практ. конф. Пенза, 2018. Ч. 1. С. 150–155.
7. Гельман В. Я. Проблемы формально-механистического подхода к выявлению плагиата в научных работах // Экономика науки. 2020. Т. 6, № 3. С. 180–185.
8. Голев Н. Д. Источниковый потенциал обратного машинного перевода // КРСУ жарчысы. 2018. Т. 18. № 1. С. 36–45.
9. Голев Н. Д. Транслятивная лингвистика (аспектуализированный обзор исходных положений). Часть 1. Гносеология перевода // Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. Т. 24. № 6 (94). С. 717–734.
10. Карахтанов Д. С. Программная реализация алгоритма Левенштейна для устранения опечаток в записях баз данных // Молодой ученый. 2010. Т. 1, № 8 (19). С. 158–162.
11. Морозов А. В. Обратный лексикографический перевод как метод исследования деривационного потенциала русского слова в межъязыковом пространстве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2004. № 1. С. 71–74.

12. Напреенко Г. В. Лексико-квантитативное моделирование языковой личности в идентификационном аспекте (на материале русскоязычных интернет-дневников) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2015. 26 с.
13. Напреенко Г. В. Феномен идентификации и идентификационная лингвистика // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 5 (96). С. 365–368.
14. Огорелков И. В. Автороведческая идентификация текстов политического дискурса: эволюция методов // Лингвополитическая персонология: дискурсивный поворот : материалы Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 2019. С. 159–161.
15. Павлов А. А. О применении авторами научных текстов технических приемов, искажающих результаты проверки уникальности текстов. Обзор проблемы, опыт выявления и анализ подобных текстов // Научная периодика: проблемы и решения. 2020. Т. 9. № 3–4. URL: <https://nppir.ru/01NP320.html> (дата обращения: 08.05.2023).
16. Платонов А. А., Потапов Р. Е. Обнаружение дубликатов статей в системе автоматического сбора информации из открытых источников об экологической обстановке // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2015. № 6 (163). С. 79–82.
17. Потемкин С. Б. Машинный перевод как средство стандартизации терминологии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2017. № 5. С. 77–84.
18. Славин О. А., Андреева Е. И., Арлазаров В. В. Поиск фальсификаций в копиях деловых документов // Математические методы в технике и технологиях — ММТТ. 2020. Т. 6. С. 96–100.
19. Тимофеев В. В. Анализ современных тенденций использования системы «Антиплагиат» при проверке учебных и научных работ // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 2 (72). С. 136–140.
20. Усачева Е. А. К вопросу о допустимости использования системы «Антиплагиат» для определения авторства и оценки оригинальности произведения // Образование и право. 2019. № 4. С. 204–210.
21. Харченко С. Г., Докукин П. А., Кучер Д. Е. К вопросу о методологии оценки научных публикаций // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. 2022. Т. 31. № 4. С. 61–68.
22. Хованская Т. В., Сандирова М. Н. Использование системы «Антиплагиат» в высшей школе // Проблемы современного образования. 2019. № 3. С. 51–58.
23. Чиркин Е. С. Использование систем антиплагиата в образовании // Вестник российских университетов. Математика. 2013. № 6 (2). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-sistem-antiplagiata-v-obrazovanii> (дата обращения: 08.09.2023)

References

1. Aeshin IT, Fedorov VA, Gorodov AA, Abdulaev NA. Methods for comparative analysis of text documents for proximity. *Nauchno-tekhnicheskiiy vestnik Povolzh'ya = Scientific and technical bulletin of the Volga region*. 2022;(6):46–50. (In Russ.).
2. Andreeva E, Manzhikov T, Slavin O. Comparing digitized pages of business documents using an indicator. *Sensornyye sistemy = Sensory systems*. 2018; 32, (1): 35–41. (In Russ.).
3. Barinova I. A., Nesterova N. M., Ovchinnikova I. G. “Linguistic consciousness”: on the issue of definition and interpretation of the term. *Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki = Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Problems of linguistics and pedagogy*. 2010;(4):10-21. (In Russ.).
4. Bashkatova YuA. Reverse machine translation as a way of measuring semantic identity / differences of text variants. In: *Sovremennaya paradigma analiza yazyka i mezhkul'turnoy kommunikatsii i ee aplikativnyy potentsial v obuchenii rodnomu i inostrannomu yazykam = Modern paradigm of language analysis and intercultural communication and its applicative potential in teaching native and foreign languages*. Barnaul; 2020. Pp. 18-23. (In Russ.).
5. Vakhlov DV, Mel'nikov SYu, Peresytkin VA. Multi-stage method for automatically correcting distorted texts. *Izvestiya Southern Federal University. Tekhnicheskie nauki = News of the Southern Federal University. Technical science*. 2020;(7(217):35-45. (In Russ.).
6. Volynkin PA, Gyandzhiev EE. Identification of the author of a text using frequency portraits. In: *European Scientific Conference*. Penza; 2018. Part 1. Pp. 150-155. (In Russ.).

7. Gel'man VYa. Problems of a formal-mechanistic approach to identifying plagiarism in scientific works. *Ekonomika nauki = Economics of Science*. 2020;6(3):180-185. (In Russ.).
8. Golev ND. Source potential of reverse machine translation. *KRSU жарчысы = Herald of KRSU*. 2018;18(1):36-45. (In Russ.).
9. Golev ND. Translational linguistics (an aspectualized review of the starting points). Part 1. Epistemology of translation. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kemerovo State University*. 2022;24(6(94):717-734. (In Russ.).
10. Karakhtanov DS. Software implementation of the Levenshtein algorithm for eliminating typos in database records. *Molodoy uchenyy = Young scientist*. 2010;1(8(19):158-162. (In Russ.).
11. Morozov AV. Reverse lexicographic translation as a method for studying the derivational potential of the Russian word in the interlingual space. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya = Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*. 2004;(1):71-74. (In Russ.).
12. Napreenko GV. Leksiko-kvantitativnoe modelirovanie yazykovoy lichnosti v identifikatsionnom aspekte (na materiale russkoyazychnykh internet-dnevnikov) = Lexico-quantitative modeling of linguistic personality in the identification aspect (based on Russian-language Internet diaries). Abstract of thesis. Kemerovo; 2015. 26 p. (In Russ.).
13. Napreenko GV. The phenomenon of identification and identification linguistics. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = World of science, culture, education*. 2022;(5(96):365-368. (In Russ.).
14. Ogorelkov IV. Author's identification of political discourse texts: evolution of methods. In: *Lingvo-politicheskaya personologiya: diskursivnyy povorot = Linguistic and political personology: a discursive turn*. Ekaterinburg; 2019. Pp. 159-161. (In Russ.).
15. Pavlov AA. On the use by authors of scientific texts of technical techniques that distort the results of checking the uniqueness of texts. Review of the problem, experience in identifying and analyzing similar texts. *Nauchnaya periodika: problemy i resheniya = Scientific periodicals: problems and solutions*. 2020;9(3-4). Available from: <https://nppir.ru/01NP320.html> (accessed: 08.05.2023) (In Russ.).
16. Platonov AA, Potapov RE. Detection of duplicate articles in a system for automatically collecting information from open sources about the environmental situation. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = News of Volgograd State Technical Universit*. 2015;(6(163):79-82. (In Russ.).
17. Potemkin SB. Machine translation as a means of terminology standardization. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika = Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Linguistics*. 2017;(5):77-84. (In Russ.).
18. Slavin OA, Andreeva EI, Arlazarov VV. Finding falsifications in copies of business documents. *Matematicheskie metody v tekhnike i tekhnologiyakh — MMTT = Mathematical methods in engineering and technology — MMET*. 2020;6:96-100. (In Russ.).
19. Timofeev VV. Analysis of modern trends in the use of the Anti-Plagiarism system when checking educational and scientific works. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023;(2(72):136-140. (In Russ.).
20. Usacheva EA. On the issue of the admissibility of using the Anti-Plagiarism system to determine authorship and assess the originality of a work. *Obrazovanie i parvo = Education and law*. 2019;(4):204-210. (In Russ.).
21. Kharchenko SG, Dokukin PA, Kucher DE. On the issue of methodology for assessing scientific publications. *Samarskaya Luka: problemy regional'noy i global'noy ekologii = Samarskaya Luka: problems of regional and global ecology*. 2022;31(4):61-68. (In Russ.).
22. Khovanskaya TV, Sandirova MN. Using the Anti-Plagiarism System in Higher Education. *Problemy sovremennogo obrazovaniya = Problems of modern education*. 2019;(3):51-58. (In Russ.).
23. Chirkin ES. Using anti-plagiarism systems in education. *Vestnik Rossiyskikh universitetov. Matematika = Bulletin of Russian Universities. Mathematics*. 2013;(6(2)). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-sistem-antiplagiata-v-obrazovanii> (accessed: 08.09.2023). (In Russ.).

Информация об авторе

Г. В. Напреенко — кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и риторики.

Information about the author

Galina V. Napreenko — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Department of Stylistics and Rhetoric.

*Статья поступила в редакцию 20.11.2023;
одобрена после рецензирования 27.11.2023; при-
нята к публикации 22.03.2024.*

*The article was submitted 20.11.2023; approved
after reviewing 27.11.2023; accepted for publication
22.03.2024.*

Автор заявляет об отсутствии конфликта инте-
ресов.

The author declares no conflicts of interests.

ЛЕКСИКОГРАФИЯ, ПРОБЛЕМЫ СОСТАВЛЕНИЯ СЛОВАРЕЙ И КОРПУСОВ LEXICOGRAPHY, PROBLEMS OF COMPILING DICTIONARIES AND CORPORA

Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 3 (485). С. 66–74.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2024;(3(485):66-74. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 81'26

doi: 10.47475/1994-2796-2024-485-3-66-74

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Инна Алексеевна Воронцова¹✉, Павел Аркадьевич Воронцов²

¹ Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, Ярославль, Россия, arinnal@yandex.ru, ORCID ID: 0000-0001-5897-9299

² МИРЭА — Российский технологический университет, Москва, Россия, vorontsov.pavel2002@gmail.com, ORCID ID: 0009-0003-1602-4760

Аннотация. В статье представлен анализ современных тенденций развития лексикографической практики в России и за рубежом. Авторы исходят из того, что эволюция лексикографии как социоориентированной науки определяется комплексом внешних и внутренних факторов, доминирующее положение среди которых занимают изменения в общественной жизни и деятельности, трансформация сознания и «читательских привычек» пользователей, усовершенствование технологий и др. Сдвиги в лексикографической парадигме, с одной стороны, ведут к унификации подходов к созданию словарей, их содержанию и композиции, что свидетельствует об интеграции мирового научного и методологического пространства лексикографии. Лексикографические ресурсы обнаруживают стремление к гибридизации, обеспечивающей решение широкого спектра задач, активному использованию корпусных данных, «клиентоориентированности», меняющей пользовательскую концепцию словарей в сторону персонализации режимов запроса и просмотра словарного материала. Словари создаются в электронной среде с использованием возможностей новых цифровых инструментов и искусственного интеллекта. Приоритетным направлением остается лексикография для специальных целей, представленная, в первую очередь, терминологическими словарями, базами данных, онтологиями и тезаурусами. Активно развивается дву- и многоязычная лексикография, наращивающая объем обслуживаемых языков и репертуар сервисов, облегчающих процесс перевода и межъязыковой коммуникации. С другой стороны, развитие лексикографических процессов определяется национальными интересами, что проявляется в создании словарей, формирующих и сохраняющих национальную идентичность носителей лингвокультуры, описываемой в словаре. Складывается лексикографическая концепция культурного наследия, репрезентантами которой являются лингвострановедческие и культуроведческие справочники, словари национально-маркированных единиц, фразеологические и паремиологические словари, ономастиконы, словари идиолектов, мифологии, фольклора и др. Лексикографическая практика адекватно реагирует на вызовы времени, совершенствуя имеющиеся и разрабатывая новые методы и приемы создания словарей, и вносит вклад в общенаучную методологическую парадигму.

Ключевые слова: лексикография, словарь, корпус, дву- и многоязычная лексикография, лексикография культурного наследия, лингвокультурологический словарь, лексикография для специальных целей, терминологический словарь, терминологическая база данных, тезаурус, онтология, цифровой инструментарий, искусственный интеллект

Для цитирования: Воронцова И. А., Воронцов П. А. Современное состояние и векторы развития лексикографической практики в России и за рубежом // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 3 (485). С. 66–74. doi: 10.47475/1994-2796-2024-485-3-66-74

Original article

CURRENT STATE AND DEVELOPMENT VECTORS OF LEXICOGRAPHIC PRACTICE IN RUSSIA AND ABROAD

Inna A. Vorontsova¹✉, Pavel A. Vorontsov²

¹ Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl, Russia, arinnal@yandex.ru, ORCID ID: 0000-0001-5897-9299

² MIREA — Russian Technological University, Moscow, Russia, vorontsov.pavel2002@gmail.com, ORCID ID: 0009-0003-1602-4760

Abstract. The article analyzes the current trends in the development of lexicographic practice in Russia and abroad. The authors proceed from the fact that the evolution of lexicography as a socially oriented science is determined by a multitude of external and internal factors, dominated by changes in the social life, transformation of users' data acquisition and reading habits, improvement of technologies, etc. Shifts in the lexicographic paradigm result in the unification of approaches to the creation of dictionaries as well as their content and structure, which indicates the integration of the global scientific and methodological space of lexicography. Lexicographic resources aspire for hybridization, which provides for the solution of a wide range of tasks, use of corpus data, "client-orientation", which changes the user concept of dictionaries towards personalization of query and dictionary browsing modes. Dictionaries are created in an electronic environment using the capacities of new digital tools and artificial intelligence. Lexicography for specific purposes, represented primarily by terminological dictionaries, databases, ontologies and thesauri, remains a priority. Bilingual and multilingual lexicography is actively developing too, witnessing a significant growth in the number of language parallels and the expansion of the repertoire of services facilitating translation and communication processes. On the other hand, the development of lexicography is determined by national interests, which manifests itself in the creation of dictionaries that form and preserve the national identity of the members of the linguoculture described in the dictionary. The lexicographic concept of cultural heritage is being formed. It is framed by dictionaries of language and culture, phraseological and paremiological dictionaries, onomasticons, dictionaries of idiolects, mythology, folklore, etc. The lexicographic practice adequately responds to the challenges of the time, improving the existing and developing some new methods and techniques of creating dictionaries, thus formatting the general scientific methodological paradigm.

Keywords: lexicography, dictionary, corpus, bi- and multilingual lexicography, cultural heritage lexicography, dictionary of language and culture, lexicography for specific purposes, terminological dictionary, terminological database, thesaurus, ontology, digital tools, artificial intelligence

For citation: Vorontsova IA, Vorontsov PA. Current state and development vectors of lexicographic practice in Russia and abroad. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(3(485):66-74. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2024-485-3-66-74

Введение

В последние десятилетия наблюдается небывалый расцвет мировой теории и практики создания словарей и словарно-справочных ресурсов различных типов, «поступательное развитие лексикографии как самостоятельной дисциплины» [1, с. 39]. Интенсивное и многоплановое развитие лексикографии обусловлено рядом факторов социального, научного, технологического и собственно лингвистического плана. Меняются общественные практики и формы коммуникации, и эти изменения получают стремительное отражение в языке. Появляются новые лексические и фразеологические единицы, возникают новые значения у известных слов. Развитие науки способствует формированию нового знания, требующего закрепления, систематизации и передачи последующим поколениям. Трансформируется научно-методологический и технический инструментарий, все больше полагающийся на

возможности цифровых технологий и искусственного интеллекта. Мощная динамика изменений, происходящих в различных сферах интеллектуальной деятельности общества, требует их постоянного мониторинга, анализа и систематизации. Исключением не является и словарная практика. В связи с этим исследование актуального состояния и векторов развития практической лексикографии представляется чрезвычайно своевременным.

Материалы и методы исследования

Настоящее исследование выполнено на материале новейших англо- и русскоязычных онлайн-словарей и справочных ресурсов (более 30), находящихся в открытом доступе. В работе также учитывались данные, представленные в научных статьях, обзорах и рецензиях на словари, словарные приложения, опытные модели и прототипы. Методологическую базу исследования

составляют метод теоретико-лингвистического анализа литературы, метод лексикографического анализа и метод сравнительно-сопоставительного анализа словарей.

Результаты исследования

Глобализация политических, экономических, культурно-образовательных, научных и т. д. процессов, международное сотрудничество и увеличение миграционных потоков поставило перед лексикографами задачу создания дву- и многоязычных словарей [1, с. 39], целью которых является, главным образом, обеспечение пользователей инструментарием для осуществления межъязыковой и межкультурной коммуникации и перевода. Би- и мультилингвальные словари способствуют решению сложных задач в области сравнительно-сопоставительной характеристики единиц языка и речи и их трансляции на другие языки. Словари располагают собственными средствами семантизации заглавных единиц, обеспечивают доступ к внутренним или внешним лингвистическим корпусам, часто снабжены дополнительными опциями, нацеленными на ускорение переводческого процесса и когнитивную «разгрузку» переводчика (автоматическими переводчиками, текстовыми ассистентами, тренажерами, например, системами флеш-карт для запоминания лексических параллелей и др.). Для удобства двуязычные ресурсы (*Мультитран*, *ABBYY Lingvo Live*, *Glosbe*, *Linguee*, *PONS*, *ReversoDictionary*, *WoordHunt*, *WordReference.com* и др.) предлагают автономно работать с конкретной парой языков, однако количество языковых пар (учитываются варианты) достаточно велико — в среднем, не менее пятидесяти [2, с. 190].

Отдельным направлением становится создание многоязычных словарей для пользователей-полилингвов, проживающих в странах с большим количеством государственных (официальных) языков (например, словарное веб-приложение для мобильных телефонов *MobiLex*). Целью таких ресурсов, аудиторию которых часто составляют школьники, служит создание комфортных условий для поиска информации в словаре (например, базовых терминов, знание которых необходимо для успешного освоения школьной программы), а также унификация подходов к описанию лексического материала на языках, имеющих хождение в стране [3, с. 38–44]. Следует отметить и развитие такого направления, как создание многоязычных машиночитаемых словарей для систем машинного перевода и NLP-приложений [4; 5].

С другой стороны, на фоне интенсификации межнациональных отношений растет языковое и культурное самосознание, что обосновывает необходимость сохранения собственного языкового и культурного наследия. Это, в свою очередь, способствует развитию и совершенствованию национальных лексикографий, появлению словарно-справочных ресурсов, призванных сохранять этнолингвистическое достояние нации [1, с. 39]. Результатами лексикографической деятельности становятся продукты, сочетающие в себе черты лингвистического (толкового) и энциклопедического словаря, предоставляющие пользователю обширные культурные и энциклопедические комментарии в рамках словарной статьи и содержащие разнообразные категориальные индексы и приложения к основному словнику (списки топонимов, личных имен и т. п.). Типологическое и жанровое разнообразие таких словарей велико. Это лингвострановедческие и культуроведческие справочники, словари национально-маркированных единиц, фразеологические и паремиологические словари, ономастиконы, словари идиолектов, мифологии, фольклора, словари концептов, фреймов и др. Фактически, складывается лексикографическая концепция культурного наследия (*heritage lexicography*), репрезентантами которой также являются словари литературных памятников и языка писателей, тематические указатели, рубрикаторы, атласы и др. [6, с. 24].

Усилиями региональных и международных рабочих групп создаются уникальные словари, объектом описания которых становится городское пространство, интерпретируемое как текст [7], имеющий внутреннюю структуру, логику, динамику, прагматический потенциал, культурную идентичность. В этом смысле можно говорить о появлении феномена словаря, исповедующего принцип *Гений места* (*Genius loci*). Такой словарь выступает проводником «бренда локации» и имеет в качестве приоритетных целей сохранение национального и регионального культурного наследия и стимулирование интеллектуального туризма, выполняющего образовательную и воспитательную миссии. Здесь выделяются такие словарные проекты, как *Florence in the Works of World Famous People* [8; 9; 10], *Энциклопедический мультимедийный словарь ассоциативного типа «Санкт-Петербург в творчестве знаменитых людей»* [11], *Челябинск в жизни и творчестве замечательных людей (мультимедийный энциклопедический словарь культурного*

наследия)¹, *Справочник городов Ивановской области* (модель) [12] и др., повышающие значимость описываемых мест в сознании носителей данной региональной и национальной культуры и открывающие доступ к ним представителям других культур.

Свои векторы развития лексикографии задает научно-технический прогресс. Революция научного и технического знания требует фиксации достижений в различных областях науки и практики, где отдельную нишу занимают словари терминологий и номенклатур различных подязыков, специальные словарные порталы и коллекции (каталоги) специализированных словарей [*Lexicool.com*, агрегатор терминов по программным продуктам Майкрософт (<http://www.microsoft.com/Language/ru-ru/Default.aspx> — на сайте также содержатся рекомендации по переводу пользовательского интерфейса, руководство по локализации продуктов Майкрософт), коллекция словарей на сайте «Академик» (dic.academic.ru), коллекция словарей на сайте компании Littera (<http://www.littera.ru/resursi.htm>) и др.], терминологические базы данных (ТБД) — *IATE*, *UN Term Database*, *WIPO Pearl*, *TERMIUM Plus*, [https://www.btb.termiumplus.gc.ca/tpv2alpha/alpha-eng.html?lang=engChinese-English Database of Technical Terms \(CETERM\)](https://www.btb.termiumplus.gc.ca/tpv2alpha/alpha-eng.html?lang=engChinese-English Database of Technical Terms (CETERM) и др., онтологии [*TOVE*, *Plinius*, *Онтология предметной области «Инженерия знаний»* (Е. Е. Котова, И. А. Писарев) и др.], специальные энциклопедии [*MedlinePlus (Medical Encyclopedia)*, *Большая Медицинская энциклопедия* и др.], тезаурусы и тематические словари (*Duhaime's Legal Dictionary* и др.). Терминологические словари и базы данных содержат большой объем лексического материала, характеризуются широким охватом предметных областей и языков (база *IATE*, например, содержит терминологические соответствия для 25 языков, используемых на территории Евросоюза), актуальностью и валидностью информации. Многие терминологические словари и ТБД трансформируются в аспекте своей структуры, сочетая элементы толкового словаря и тезауруса. К элементам идеографирования можно отнести рубрикацию словарей по предметным областям на уровне макроструктуры или отсылки к предметным областям и подобластям в рубриках словарей и ТБД, а также наличие понятийных (мен-

тальных, концептуальных) карт с возможностью поиска информации по ним, например в *WIPO Pearl*, и др. Перспективы дальнейшего развития терминологических словарей и баз данных связываются с унификацией подходов к разработке словарных статей для одних и тех же (сходных) ключевых слов в разных языках (например, включение в словарные статьи на разных языках одинаковых информационных категорий), разработкой доступных комментариев, позволяющих понять разницу в семантике и прагматике взаимных терминологических эквивалентов в интересующих языках, насыщением словарных статей корпусом иллюстративных примеров, элиминацией избыточной или повторяющейся информации, кастомизацией режимов просмотра статей для разных языков, подстраиваемых под вид деятельности пользователя (в «рецептивной ситуации» пользователю может быть достаточно визуализации соответствий или определения термина, в «продуктивной ситуации», напротив, ключевой станет прагматика единицы, представленная в коллокациях, синонимических средствах, справках об особенностях употребления термина и т. д.) [13, р. 20–26].

Современные практики создания лексикографических ресурсов для специальных целей обогатились опытом проектирования специальных онтологий, моделирующих системы знаний о некоторых предметных областях. Онтологическое моделирование развивается в рамках нового научно-прикладного направления, получившего название «инженерия знаний» [14; 15]. Существенную, если не определяющую, роль здесь играют методы корпусной лингвистики, постоянно совершенствующиеся системы корпусного менеджмента, а также разработки в области интеллектуального анализа текста [16, с. 69]. Конструирование специальных онтологий может включать следующие шаги: анализ запросов пользователей, формирование корпуса специальных текстов, определение формата тезауруса терминологической структуры предметной области, формирование частотного словаря, удаление из словаря незначимых слов, пополнение тезауруса из машиночитаемых словарей, формализация классификационной структуры, рецензирование прототипа онтологии, расширение корпуса текстов, эксплуатация онтологии [17, с. 37–47]. Содержательно онтология включает термин (лемму), дефиницию, гипероним и синонимы к ключевым терминам.

Проектируются онтологии более высокого уровня, ориентированные на описание общих

¹ Челябинск в жизни и творчестве замечательных людей : Мультимедийный энциклопедический словарь культурного наследия. URL: <https://dict.susu.ru> (дата обращения 01.10.2023).

концептов, таких как пространство, время, материя, объект, событие, действие и др., которые независимы от конкретной проблемы или области (в этом они сближаются с классической концепцией идеографического тезауруса, например, тезауруса П. М. Роже — о разновидностях тезаурусов см. [16; 18]), в частности онтология *CYC®*, *Generalized Upper Model* и др. Известны опыты проектирования онтологий более низкого уровня — прикладных и онтологий, нацеленных на решение частных задач.

В фокусе внимания специальной лексикографии остается и нетерминологическая лексика. Продолжают создаваться и обновляться словари топонимов и имен собственных, регионализмов и диалектизмов, словари сленга, сокращений и др. Развивается направление, освещающее отдельные аспекты лексики языков — разрабатываются орфографические и орфоэпические справочники, этимологические словари [1, с. 40].

Научные и технические инновации становятся не только объектом описания лексикографии, они представляют собой инструментарий, с помощью которого развивается сама лексикографическая практика. Меняется среда функционирования словарей и справочных ресурсов, способ запроса, обработки и извлечения информации из словаря. Исследователи отмечают рост числа гибридных ресурсов, объединяющих в своей структуре словари и справочники разных типов и жанров. Современные лексикографические ресурсы (в том числе изначально спроектированные как толковые словари для общих целей) сочетают в себе толковый (учебно-толковый) словарь, словарь коллокаций (или обширный корпус примеров), тезаурус, автоматический переводчик, ряд двуязычных словарей и разнообразные дополнительные материалы и сервисы, в том числе металексикографического плана. Интеграция в пределах одного лексикографического продукта множественных форм и функций ведет к расширению пользовательской аудитории словаря и диверсификации задач, решаемых с помощью одного ресурса [2, с. 192].

Усиливается и одновременно трансформируется влияние корпусных методов на создание словарей [19; 20]. Лингвистический корпус, как отмечалось выше, становится не просто источником цитатного материала или частью мегаструктуры словаря, системы корпусного менеджмента, или «корпусные службы» [21, с. 81–95], позволяют самостоятельно создавать продукты словарного характера («словарные наброски», глоссарии) и спе-

циальные персонализированные корпуса текстов (с учетом интересующей пользователя тематики, жанровой принадлежности и т. д. текста). Корпусные технологии XXI столетия характеризуются антропоцентричностью, становятся более «дружественными» по отношению к пользователю. С. А. Маник и Н. А. Шамова отмечают наличие у корпусных инструментов понятного интерфейса и информативного справочного блока, в котором подробно рассматриваются функционал программы и принципы работы с ней (например, *AntConc*, вкладка *Help*, *View Help File*) [20, с. 92].

К «узким местам» функционирования корпусных менеджеров следует отнести возможность управления выдачей результатов исключительно с помощью ввода морфологических признаков (данные не упорядочены семантически — это необходимо делать «вручную»), что исследователи и лексикографы связывают со сложностями в области формализации семантики естественных языков [19, с. 65], и отсутствие удовлетворительного синтаксического анализа, позволяющего представлять структуру предложений с запрашиваемыми лексемами в виде дерева зависимостей или ином синтаксически структурированном виде [19, с. 65–66].

Тем не менее в рамках прикладной и корпусной лингвистики активно разрабатываются все более совершенные функции и инструменты, позволяющие лексикографам автоматически извлекать необходимую информацию, обрабатывать ее, получать статистические данные в соответствии с поисковыми запросами. По мнению С. А. Маник и Н. А. Шамовой, высоким функционалом обладает технология *TickBox Lexicography (TBL)*, благодаря которой составители словарей могут осуществлять выбор необходимых элементов автоматического анализа слова для включения в словарь. Опция *Good Dictionary Example (GDEX)* автоматически отсортировывает примеры из корпуса и помещает в конец списка неподходящие варианты (например, те, которые имеют длинные предложения, редкие слова, варианты с более чем одной заглавной буквой и т. д.) [20, с. 93].

На фоне выраженной клиентоориентированности продуктов и услуг, производимых для современного потребителя/пользователя, и появления более глубоких моделей взаимодействия с ним (в речевое обращение постепенно входит термин «гиперперсонализация») лексикография в целом переживает трансформацию пользовательской концепции. Прослеживается тенденция «повышения доступности словарей для потенциального

пользователя путем применения новых электронных технологий» [1, с. 39]. Современные ресурсы обнаруживают стремление к интеллектуализации за счет кастомизации режимов просмотра словарной статьи и создания пользовательских профилей, применения новейших технологий оценки «лексикографического поведения» пользователей и др. [2, с. 192]. Активное движение в сторону кастомизированных или персонализированных лексикографических решений вызывает к жизни особые сервисы, основанные на возможностях искусственного интеллекта: контекстно зависимые словари (*context-aware dictionaries*) — словари, доступные при обращении к некоторым веб-документам, инкорпорированные в автоматизированные (цифровые) системы обучения чтению, письму, родному и иностранному языку, переводу, коммуникации и др. (*language learning and teaching tools*), электронные ассистенты (*e-assistants*), а также «словарные функции» чат-ботов типа *Chat GPT*. В исследованиях по лексикографии и переводу появился термин «дополненная лингвистическая реальность», употребляемый в отношении приложений/ресурсов типа *Writing Assistants (WA, Текстовый ассистент — Text Production Technologies)*, способных обеспечивать значительное расширение лингвистических возможностей пользователя в процессе порождения (написания, перевода, редактирования и т. д.) текста на естественном языке, родном или иностранном [22].

Выводы

Итак, современный словарь (в самом широком смысле этого слова) выходит на уровень динамически меняющегося, персонально конфигурируемого, инновационного синергетического ресурса, становясь полноценным партнером пользователя в решении большого числа задач, связанных с рецепцией и генерированием информации [2, с. 192]. Сдвиги в лексикографической парадигме, с одной стороны, ведут к унификации подходов к созданию словарей, их содержанию и композиции, что свидетельствует об интеграции мирового научного и методологического пространства лексикографии. С другой стороны,

развитие лексикографических процессов определяется национальными интересами, что проявляется в создании словарей, формирующих и сохраняющих национальную идентичность носителей лингвокультуры, описываемой в словаре. Сдвиги в лексикографической парадигме, вызванные новыми технологиями и методиками лексикографирования, меняют и коммерческую концепцию или бизнес-модель словаря: современные авторы рассматривают словарь не как «конечный продукт», а как непрерывно оказываемую «услугу». Соответственно, словарно-справочные ресурсы нуждаются в постоянном обновлении, пополнении, упрощении и совершенствовании (особенно в части технологий пользовательского запроса и метаязыка, качества визуальной составляющей, диверсификации средств, используемых для описания заглавных единиц, и др.) [13, с. 20]. В конкурентную борьбу за первенство идей, замыслов и проектов в теории и практике создания и популяризации словарей нового поколения вступают ведущие лексикографические центры [1, с. 39]. Часть современных продуктов по-прежнему создается командой профессиональных лексикографов в рамках задания конкретного издательства (*institutional dictionaries*), однако все чаще к процессу привлекаются пользователи словарей, что делает словарные проекты партнерскими, коллаборативными или коллективными (*collaborative, collective*) [2; 9].

Заключение

Для эффективного функционирования словарно-справочных ресурсов на текущем этапе необходим учет данных разных наук. В перечень приоритетных «союзников» лексикографии входят прикладная и корпусная лингвистика, информатика, терминоведение, культурология, дискурсивный анализ и математическая лингвистика, определяющие междисциплинарный характер современной лексикографии [1, с. 41]. Лексикографическая практика адекватно реагирует на вызовы времени, совершенствуя имеющиеся и разрабатывая новые методы и приемы создания словарей, и вносит вклад в общенаучную методологическую парадигму.

Список источников

1. Денисов К. М., Карпова О. М. Современная мировая лексикография и эволюция ее научной парадигмы // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 1. С. 39–44.
2. Воронцова И. А. Современные практики англоязычной онлайн-лексикографии // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 1 (28). С. 186–194.

3. Gouws R. H. Metalexigraphic models for multilingual online dictionaries in emerging e-societies // *Studies on Multilingual Lexicography*. 2019. Vol. 157. C. 29–45.
4. Battal O. M., Koç A. Automatic Construction of Sememe Knowledge Bases from Machine Readable Dictionaries // *IEEE/ACM Transactions on Audio, Speech, and Language Processing*. 2023. URL: https://www.researchgate.net/publication/376915620_Automatic_Construction_of_Sememe_Knowledge_Bases_from_Machine_Readable_Dictionaries
5. Boas H. C. Recent trends in multilingual computational lexicography // *Multilingual FrameNets in computational lexicography: Methods and applications*. Berlin, 2009. P. 1—36.
6. Карпова О. М. Новые вызовы современной английской лексикографии // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2018. № 3. С. 24–28.
7. Alekseeva L. M. Florence as Text // *Life Beyond Dictionaries* / ed. O. M. Karpova, F. I. Kartashkova. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2015. P. 114–121.
8. Григорьева Е. М., Карпова О. М. Словарь как отражение культурного наследия нации (на материале словаря “Florence in the Works of World Famous People”) // *Диалог культур. Культура диалога: цифровые коммуникации : материалы Третьей междунар. науч.-практ. конф. ; отв. ред. Л. Г. Викулова. М. : Языки народов мира, 2022. С. 87–92.*
9. Карпова О. М. Волонтерская лексикография (на материале толково-энциклопедического словаря “Florence in the Works of World Famous people”) // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*. 2020. № 3. С. 29–34.
10. Kartashkova F. I., Shilova E. A. Florence — the Concept of the City. In: *Life Beyond Dictionaries* / ed. by O. Karpova, F. Kartashkova. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2015. P. 105–113.
11. Хомутова Т. Н., Мамонтова (Денисенко) М. Г. Энциклопедический мультимедийный словарь ассоциативного типа «Санкт-Петербург в творчестве знаменитых людей» // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика*. 2015. Т. 12, № 1. С. 59–65.
12. Григорьева Е. М., Лищинска С. К вопросу об отражении культурного наследия в словарях (на материале модели справочника городов Ивановской области) // *Язык и общество: диалог культур и традиций : сб. ст. науч. конф. «Чтения Ушинского» ; под науч. ред. Е. И. Бойчук. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2019. С. 271–275.*
13. Fuertes-Olivera, P. A., Bergenholtz H. Towards a new definition of multilingual lexicography in the era of the internet // *Studies on multilingual lexicography*. Berlin / Boston. De Gruyter, 2019. P. 9–29.
14. Загорюлько Г. Б., Загорюлько Ю. А. Искусственный интеллект. Инженерия знаний : учеб. пособие для вузов. М. : Юрайт, 2022. 94 с.
15. Понкин И. В. Онтологии как инструментарий прикладной аналитики // *International Journal of Open Information Technologies*. 2023. Т. 11. № 2. С. 77–84.
16. Воронцова И. А. Эволюция методов конструирования тезаурусов: от интуитивной компиляции к онтологическому инжинирингу: (На материале английского языка) // *Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2023. Вып. 3. С. 64–73.
17. Котова Е. Е., Писарев И. А. Построение тематических онтологий с применением метода автоматизированной разработки тезаурусов // *Известия СПбГЭТУ «ЛЭТИ*. 2016. № 3. С. 37–47.
18. Воронцова И. А. Историко-типологическое исследование тезаурусов английского языка : дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2004. 276 с.
19. Гончаренко И. Г. Корпусные данные в разработке учебных словарей сочетаемости // *Филологический класс*. 2023. Т. 28, № 2. С. 55–68.
20. Маник С. А., Шамова Н. А. Корпусная лексикография: диахронический ракурс // *Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки*. 2022. № 4 (27). С. 91–94.
21. Захаров В. П. Функциональность инструментов корпусной лингвистики // *Структурная и прикладная лингвистика*. Вып. 12. К 60-летию отделения прикладной, компьютерной и математической лингвистики СПбГУ. СПб., 2019. С. 81–95.
22. Рябцева Н. К. Современная лексикография, дополненная лингвистическая реальность и проблемы терминологии // *Лингвистика и методика преподавания иностранных языков*. 2022. № 1 (16). С. 75–110.

References

1. Denisov KM, Karpova OM. Modern world lexicography and the evolution of its scientific paradigm. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki = Bulletin of Ivanovo State University. Series: The Humanities*. 2018;(1):39-44. (In Russ.).
2. Vorontsova IA. Modern practices of English online lexicography. *Verkhnevolzhskiy filologicheskiy vestnik = Verkhnevolzhski Philological Bulletin*. 2022;(1(28):186-194. (In Russ.).
3. Gouws RH. Metalexigraphic models for multilingual online dictionaries in emerging e-societies. *Studies on Multilingual Lexicography*. 2019;157:29-45.
4. Battal OM, Koç A. Automatic Construction of Sememe Knowledge Bases from Machine Readable Dictionaries. *IEEE/ACM Transactions on Audio, Speech, and Language Processing*. 2023. Available from: https://www.researchgate.net/publication/376915620_Automatic_Construction_of_Sememe_Knowledge_Bases_from_Machine_Readable_Dictionaries
5. Boas HC. Recent trends in multilingual computational lexicography. In: *Multilingual FrameNets in computational lexicography: Methods and applications*. Berlin; 2009. Pp. 1-36.
6. Karpova OM. New challenges for contemporary English lexicography. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya = Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*. 2018;(3):24-28. (In Russ.).
7. Alekseeva LM. Florence as Text. In: *Life Beyond Dictionaries / ed. by O. Karpova, F. Kartashkova*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing; 2015. Pp. 114-121.
8. Grigoryeva EM, Karpova OM. Dictionary as a reflection of a nation's cultural heritage (with special reference to the "Florence in the Works of World Famous People" dictionary). In: *Dialog kultur. Kultura dialoga: tsyfrovyye kommunikatsii = Dialogue of Cultures. The Culture of Dialogue: digital communications*. Moscow: Yazyki narodov mira; 2022. Pp. 87-92. (In Russ.).
9. Karpova OM. Volunteer lexicography (with special reference to explanatory-encyclopedia dictionary "Florence in the works of world famous people"). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika = Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*. 2020;(1):29-34. (In Russ.).
10. Kartashkova FI, Shilova EA. Florence — the Concept of the City. In: *Life Beyond Dictionaries / ed. by O. Karpova, F. Kartashkova*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing; 2015. Pp. 105-113.
11. Khomutova TN, Mamontova MG. Encyclopedic multimedia dictionary of associative type "St. Petersburg in the works of famous people". *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika = Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*. 2015;12(1):59-65. (In Russ.).
12. Grigoryeva EM, Lishchinska S. On the question of reflecting cultural heritage in dictionaries (on the material of the "Towns of Ivanovo region" reference book model). In: *Yazyk i Obshchestvo: Dialog kultur i traditsii = Language and Society: Dialogue of cultures and traditions*. Yaroslavl: YSPU editorial department; 2019. Pp. 271-275. (In Russ.).
13. Fuertes-Olivera PA, Bergenholtz H. Towards a new definition of multilingual lexicography in the era of the internet. In: *Studies on multilingual lexicography*. Berlin ; Boston: De Gruyter; 2019. Pp. 9-29.
14. Zagorulko GB, Zagorulko YA. *Iskusstvennyy intellekt. Inzheneriya znaniy = Artificial Intelligence. Knowledge Engineering*. Moscow: Yurayt; 2022. 94 p. (In Russ.).
15. Ponkin IV. Ontologies as tools for applied analytics. *International Journal of Open Information Technologies*. 2023;11(2):77-84. (In Russ.).
16. Vorontsova IA. Evolution of thesaurus construction methods: from intuitive compilation to ontological engineering; (With special reference to English). *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki = Bulletin of Ivanovo State University. Series: Humanities*. 2023;3:64-73. (In Russ.).
17. Kotova EE, Pisarev IA. Construction of thematic ontologies using the method of automated thesauri development. *Proceedings of Saint Petersburg Electrotechnical University*. 2016;(3):37-47. (In Russ.).
18. Vorontsova IA. *Istoriko-tipologicheskoye issledovaniye tezaurusov angliyskogo yazyka = Historical and typological study of thesauri of the English language*. Thesis. Ivanovo; 2004. 276 p. (In Russ.).
19. Goncharenko IG. Using Language Corpora in Building Learner's Combinatorial Dictionaries. *Filologicheskiy klass = Philological Class*. 2023;28(2):55-68. (In Russ.).

20. Manik SA, Shamova NA. Corpus lexicography: a diachronic perspective. *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskiye i filologicheskiye nauki = Bulletin of Vologda State University. Series: Historical and Philological Sciences*. 2022;(4(27):91-94. (In Russ.).

21. Zakharov VP. Functionality of corpus linguistics tools. In: *Strukturnaya i prikladnaya lingvistika. Vyp. 12 = Structural and applied linguistics. Issue 12*. St. Petersburg; 2019. Pp. 81-95. (In Russ.).

22. Ryabtseva NK. Modern lexicography, augmented linguistic reality and problems of terminography. *Lingvistika i metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov = Linguistics and methods of teaching foreign languages*. 2022;(1(16);75-110. (In Russ.).

Сведения об авторах

И. А. Воронцова — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода, член Научно-образовательного центра «Современная российская и европейская лексикография» (Ивановский государственный университет).

П. А. Воронцов — студент 4 курса Института кибербезопасности и цифровых технологий.

Information about the authors

Inna A. Vorontsova — Candidate Sci. (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Translation, member of the Scientific and Educational Centre “Modern Russian and European Lexicography” (Ivanovo State University).

Pavel A. Vorontsov — 4th year student of the Institute of Cyber Security and Digital Technologies.

Статья поступила в редакцию 15.12.2023; одобрена после рецензирования 14.01.2024; принята к публикации 22.03.2024.

The article was submitted 15.12.2023; approved after reviewing 14.01.2024; accepted for publication 22.03.2024.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

СЕМИОЗИС, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ, ПЕРЕВОД И ЛОКАЛИЗАЦИЯ

SEMIOSIS, INTERPRETATION, TRANSLATION AND LOCALIZATION

Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 3 (485). С. 75–83.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2024;(3(485):75-83. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 81

doi: 10.47475/1994-2796-2024-485-3-75-83

ОСОБЕННОСТИ ЛОКАЛИЗАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ТОПОНИМОВ И АНТРОПОНИМОВ В ВИДЕОИГРАХ

Анар Мирсалам оглы Бабаев¹, Светлана Анатольевна Питина²

^{1,2} Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

¹ anar.babaev0128@gmail.com

² sap.pitina@rambler.ru

Аннотация. Перевод топонимов и антропонимов в видеоиграх жанра фэнтези играет важную роль в процессе локализации и культурной адаптации игрового пространства. Анализ 500 топонимов и 500 антропонимов в трех популярных видеоиграх показал, что основные трансформации при переводе топонимов включают калькирование, транслитерирование и транскрибирование, а частотные способы локализации антропонимов в видеоиграх представлены транслитерированием, транскрибированием и калькированием. Выявлено, что при переводе топонимов и антропонимов сохраняется как национально-культурная специфика оригинала, так и наблюдается культурная адаптация имен собственных для лучшего восприятия видеоигры. Проанализированы переводческие искажения при транскрибировании и транслитерировании топонимов, выделены основные группы антропонимов, переведенных при помощи калькирования.

Ключевые слова: видеоигра, перевод, локализация, топоним, антропоним

Для цитирования: Бабаев А. М., Питина С. А. Особенности локализации при переводе топонимов и антропонимов в видеоиграх // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 3 (485). С. 75–83. doi: 10.47475/1994-2796-2024-485-3-75-83

Original article

LOCALIZATION PECULIARITIES IN VIDEOGAME PLACE NAMES AND ANTHROPONYMS TRANSLATION

Anar M. Babaev¹, Svetlana A. Pitina²

^{1,2} Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

¹ anar.babaev0128@gmail.com

² sap.pitina@rambler.ru

Abstract. Place names and anthroponyms translation in fantasy videogames is important in the process of the game space localization and cultural adaptation. 500 place names and 500 anthroponyms and their translation into Russian are analyzed on the material of three fantasy videogames. The main translation transformations of place names include calquing, transliteration and transcribing. The most frequently used means of localizing anthroponyms in videogames include transliteration, transcribing and calquing. Both national and cultural peculiarities of the original proper name can be preserved in translation and cultural adaptation can be used for the better videogame space perception. Translation misrepresentations in transcribing and transliterating place names are analyzed, the main groups of anthroponyms translated by calquing are specified.

Keywords: videogame, translation, localization, place name, anthroponym

For citation: Babaev AM, Pitina SA. Localization peculiarities in videogame place names and anthroponyms translation. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(3(485):75-83. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2024-485-3-75-83

Введение

С ростом популярности игровой индустрии, признанием ее даже новой формой искусства в 2011 г. [5, с. 246–247] у разработчиков игр возникла необходимость внедрения своих проектов в другие страны, прибегая к полному или частичному переводу. Работой с языковым аспектом видеоигр занимается ряд исследователей: А. Т. Анисимова [1], С. И. Арищенко [2], А. В. Ачкасов [3], К. В. Богданова [4], М. А. Болотина, Е. В. Кузьмина [6], К. Р. Зеленко [7], О. В. Зинкевич [8], С. А. Коптелова, Е. А. Рущкая [9], А. Л. Пахолков, В. Н. Оношко [10], Ю. А. Перфилов [11], А. Р. Рюкова [12], Д. К. Саяхова [13], А. Г. Фомин, В. И. Чоботар [14], Т. В. Хрущева, А. О. Волкова [15] и др. Целью данной работы является анализ процесса локализации топонимов и антропонимов в видеоиграх. Процесс адаптации проектов данной индустрии нередко называют «локализацией». Локализация представляет собой адаптацию «содержания игры и программного обеспечения к национальным требованиям и даже юридическим нормам целевой страны» [1, с. 83]. Следует отметить, что в данном случае феномен локализации подразумевает не только создание стандарта перевода для какой-то страны, но и частичное изменение каких-либо внешних характеристик игрового проекта для соблюдения законодательства того или иного государства. Под локализацией, с другой стороны, понимают перевод игр в целом [12, с. 968–973]. Считаем оправданной трактовку локализации как в узком, так и в широком смысле, не исключая ее возможной трактовки как проявления культурной адаптации [6, с. 43].

Видеоигра, как отмечает А. Т. Анисимова, представляет собой «аудиовизуальный продукт» [1, с. 83]. В каждом проекте игровой индустрии есть озвучка, что требует дубляжа и применения способов киноперевода. Учитывать способы киноперевода наряду с адаптацией текстовой составляющей необходимо и в контексте локализации топонимов и антропонимов, поскольку в речи героев может встретиться название какой-либо точки пространства или имени, использующегося в определенной локации. Визуальная составляющая (игровой текст и субтитры) сталкиваются с аналогичной проблемой: необходимо вписать топоним и антропоним в предложение так, чтобы текст не выходил за рамки отведенного ему пространства.

Эмпирический материал в виде 500 топонимов и 500 антропонимов получен в результате изучения текстовой и аудиосоставляющих трех популяр-

ных видеоигр жанра фэнтези: «The Witcher 3: Wild Hunt», «The Elder Scrolls V: Skyrim» и «World of Warcraft».

Для анализа локализации при переводе топонимов и антропонимов в видеоиграх использовался прием сплошной выборки, количественный анализ, привлекался этимологический анализ.

Результаты

Способы локализации топонимов в процессе адаптации видеоигр

В игровых проектах зачастую локации могут наслаиваться друг на друга, за счет чего внутри одной обширной местности образуется множество небольших географических объектов. При этом важно указать, что в видеоиграх, говоря о менее масштабных локациях, понимается не то же, что в художественной литературе или в топонимике в целом. Отдельными географическими объектами выступают не только небольшие поселения, замки, крепости или пещеры, но также отдельные дома, которым отводится собственная карта, как только игрок попадает в это пространство.

На наш взгляд, главной особенностью перевода географических названий является использование топонимических формантов, которые характерны для той или иной страны. Так, например, в видеоигре «The Witcher 3: Wild Hunt», разработанной польской студией CD Projekt RED на английском языке, можно встретить название деревни *Horton*. В данном топониме в оригинале используется английский суффикс *-ton*, при переводе которого был использован русский суффикс *-ово*. Существительное «*honor*» («честь», «слава») перевели как «добро», в результате чего деревня обрела название *Доброво*, значение топонима переосмыслилось, сохранив положительную коннотацию.

Другим примером может послужить топоним *Crow's Perch*. Географический объект представляет собой замок, что сыграло роль в процессе адаптации названия на русский язык. Переводчик решил адаптировать данное словосочетание не как «Вороний насест», а применить, во-первых, экспликацию (описательный перевод), добавив существительное *замок*, во-вторых, использовать славянский топонимический формант *-ицы*. В результате в русской локализации топоним *Crow's Perch* выглядит как *Замок Вроницы*. То же относится к деревне *Kozlitz*, которая звучит в переводе как *Козельцы*.

Несколько иной, на наш взгляд, является локализация, которая не требует подобных трансформаций, а лишь подбирает наиболее близкий

к какой-либо культуре эквивалент, представленный в оригинальной версии видеоигры. Например, в том же проекте «The Witcher 3: Wild Hunt» существует географическая точка, представляющая собой небольшое полуразрушенное здание, которое образует дополнительное пространство для нескольких игровых заданий. Этот топоним обозначен в оригинальном издании как *Ruined Inn*. Лексема «inn» имеет несколько переводов, среди которых «гостиница», «отель», «постоялый двор» или «трактир». Однако, зная специфику игрового мира «The Witcher 3: Wild Hunt», локализаторы подобрали удачный эквивалент в виде слова «корчма». В целом локализация в том узком смысле, в котором мы ее рассмотрели выше, встречается 15 раз из 500, что составляет 2,6 % от общего числа примеров (рис. 1).

Говоря о других переводческих трансформациях, обратимся к тем, которые не ставят перед собой цели адаптировать топоним полностью, поскольку, если переводчик подвергнет локализации все, то от оригинального замысла разработчиков сохранится настолько незначительная часть, что игровой мир с внутренним делением на регионы и особенности игрового языка потеряет свою уникальность.

Для сохранения специфики каждого виртуального региона и страны переводчики прибегают не к смысловой передаче топонимов, а предпочитают использовать транскрипцию или транслитерацию.

В целом количество примеров транскрибирования топонимов составляет 139 языковых единиц, то есть 24,4 %. Примеров транслитерации меньше — 89 единиц, что составляет 15,6 % от суммы всех рассмотренных географических наименований (рис. 1).

Примером транскрибирования может послужить ряд топонимов из игры американской компании Bethesda Game Studios «The Elder Scrolls V: Skyrim». Так, при переводе названий деревень *Ivarstead* и *Orotheim* с синонимичными германскими топонимическими суффиксами *-stead*¹ («место, земельный участок») и *-heim* («место, земля») использовалось транскрибирование: *Айварстед* и *Оротхейм*.

¹ Oxford Learner's Dictionaries. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/stead?q=stead> (дата обращения: 26.01.2024).

² Oxford Dictionary of English Etymology/Ed. C.T. Onions. Oxford: At the Clarendon Press. 1996. 1025p.

³ Wordsense Dictionary; URL: <https://www.https://www.wordsense.eu/heim> (дата обращения: 26.01.2024).

Транслитерация может использоваться для сохранения оригинального замысла разработчиков. В рамках того же проекта приведем в качестве примера перевод названия деревни *Helgen* с формантом *-gen* («горное пастбище»). Русские локализаторы передали лексему как *Хелген*.

Интересно представляют географические названия, отражающие особенности топонимики Западной и Южной Европы. Проект «The Witcher 3: Wild Hunt» имеет четкое региональное разграничение. Так, на юго-западе игрового пространства располагается княжество под названием, придуманным польским писателем фантастом А. Сапковским⁴, *Toussaint* (Туссент), которое на русский язык переведен при помощи транскрибирования. Одним из примечательных является локация *San Sebastian*, название которой не только имеет испанское происхождение, но и отсылает к существующему в Испании городу San Sebastian. На русский язык топоним перевели *Сан-Себастьян* как уже существующий вариант перевода топонима. Такой способ перевода составляет 0,2 % от общего числа топонимов.

Игровые локализаторы иногда предпочитают выбирать тот вариант адаптации топонима, который считают наиболее удачным. Примером может послужить винодельня *Casteldaccia*, являющаяся отсылкой к одноименной итальянской коммуне. В переводе романа «Владычица озера» встречается единственный перевод Касательдачья, однако в рамках игры существует лишь лексема *Кастельдаччия*, наиболее близкая к традиционному варианту перевода итальянской коммуны Кастельдачча. Переводчики применили транскрибирование, чтобы передать фонетические особенности итальянского названия.

Любое географическое название является семантически наполненным и понятным зачастую исключительно носителю языка. Поэтому нередко возникает необходимость отразить смысл топонима в переводе напрямую, поскольку географическое название не включает в себя никаких формантов и представляет собой конкретное слово или словосочетание. Также отметим, что подобные топонимы не содержат в себе специфический элемент культуры, из-за чего адаптировать такие иноязычные единицы посредством калькирования становится еще проще. К примеру, в проекте «World of Warcraft» топоним *Isle of Giants* следует переводить с помощью калькирования, что и сделали локализаторы, образовав название

⁴ Сапковский А. Ведьмак: Владычица озера. М.: АСТ, 2021. 544 с.

Остров Великанов. Аналогичные примеры находим в переводе топонимов *Icescrown* (*Ледяная Корона*), *Caverns of Time* (*Пещеры Времени*), *Isle of Thunder* (*Остров Грома*) и др.

Калькирование не направлено на передачу национальных особенностей (например, фонетических или на сохранение каких-либо специфических формантов), однако отметим также, что в игровом пространстве нередко встречаются такие топонимы, некоторые элементы которых локализаторы предпочитают калькировать, а некоторые адаптировать другим способом, чтобы сохранить региональную особенность. В проекте «World of Warcraft» такими топонимами являются *Город Гилнеас* (*Gilneas City*), переведенный на русский с использованием транслитерации и калькирования, *Ан'Кираж: Павшее Королевство* (*Ahn'Qiraj: the Fallen Kingdom*), переведенное при помощи транскрибирования и калькирования. К этой же группе топонимов можно отнести *Вулхельский Дозор* (*Vulkhel Guard*) и *Торговый пост Баандари* (*Baandari Trading Post*) в видеоигре «The Elder Scrolls V: Skyrim».

Калькирование было использовано в 274 примерах (48,1 %) и является самой частотной трансформацией при переводе видеоигр (рис. 1). Однако в рамках перевода топонимов встречаются попытки уйти от прямой адаптации лексем, чтобы передать их семантическую наполненность иначе. Для этого локализаторами используется экспликация, то есть описательный перевод, позволяющий с помощью объяснения перевести то или иное слово. Так, например, в игре «The Witcher 3: Wild Hunt» встречается топоним *Lacehalls*, который на русском языке скорее описан, чем переведен названием *Квартал красных фонарей*. То же относится к топониму *Ransacked Village*, переведенному как *Сожженная деревня*, поскольку данная характеристика локации указана в ее описании. В целом экспликация представлена в 8 случаях из 500, что составляет лишь 1,4 % из общего числа примеров (рис. 1).

Наряду с экспликацией отметим модуляцию — логическое развитие лексемы, которое позволяет заменить иноязычное слово или словосочетание на условно синонимичное. В нашем исследовании случаев применения модуляции оказалось три. Первый пример из проекта «The Witcher 3: Wild Hunt» *Isolated Hut*, переведенный как *Одинокая хата*, то есть лексема *isolated* («изолированный» или «оторванный») подразумевает, что тот или иной объект расположен отдельно от других. Другой пример из вышеуказанной ви-

деоигры — *Mountebank Alley*. Топоним перевели как *Переулок Рыцарей Наживы*, что является приемлемым вариантом, поскольку сама лексема *mountebank* в английском языке означает человека, который обманывает других с целью выманить деньги. Последний случай применения модуляции представлен неологизмом из «World of Warcraft» *Deephholm*, который локализаторы перевели как *Подземье*, подобрав для лексемы *deep* подходящий аналог. Модуляция составляет 0,5 % от общего числа примеров (рис. 1).

Стоит отметить и переводческие искажения, из-за которых возникают упущения в восприятии того или иного топонима. Сразу же отметим, что в ходе анализа мы выявили три типа искажений: семантические, фонетические и графические (неправильное написание лексемы при транслитерации). Так, например, явным искажением семантики является топоним *Electors' Square* в проекте «The Witcher 3: Wild Hunt». В локализации название лишается своего описательного характера из-за неправильного перевода лексемы *square*, поскольку отечественные локализаторы адаптировали топоним как *Дворец выборщиков*, несмотря на то, что никакого дворца в локации нет. К той же группе примеров можно отнести название игровой деревни *Blackbough* («Черная ветвь»), переведенную как *Большие Сучья*. Говоря о других типах искажений, стоит отметить, что неточность в написании топонима при переводе приводит к другим искажениям. Так, например, топоним *Lurthen* на русский язык переведен как *Лурхен*. Локализаторы пытались применить транслитерацию, однако упустили букву *t*, что привело не только к нарушению графической составляющей лексемы, но и к фонетической. То же относится к топониму *Hen Gàidh*, во второй части которого в результате адаптации переводчики изменили написание и звучание топонима: *Хен Гайдм*. В ходе исследования был выявлен 41 топоним, искаженный в результате перевода — это составляет 7,2 % от общего числа примеров (рис. 1).

Способы локализации антропонимов в процессе адаптации видеоигр

Антропонимы — имена, фамилии, патронимы, прозвища, псевдонимы и т. д., — как правило, имеют семантическую наполненность, дают какие-либо представления о том или ином народе. Антропонимы также могут содержать в себе игру слов или характеристику персонажа, используя так называемые «говорящие» имена, что является распространенным приемом в видеоиграх.

Рис. 1. Переводческие трансформации и варианты перевода топонимов в видеоиграх
 Fig. 1. Transformations and variants of place names translation in videogames

Как и топонимы, которые дают характеристику местности, используя фонетические особенности уже существующих языков, чтобы у игрока возникла ассоциация с определенной реальной страной, регионом и культурой, антропонимы используются в видеоиграх с той же целью. Например, в видеоигре «The Witcher 3: Wild Hunt» польской студии CD Projekt RED существует персонаж *Marcello Clerici*, расположенный в локации Туссент, образ которой основан на Испании, Италии и Франции. В случае с указанным антропонимом эта информация помогла российским локализаторам подобрать верную переводческую трансформацию (было использовано транскрибирование, при помощи которого переданы особенности фонетики итальянского языка), чтобы получить имя *Марчелло Клеричи*.

Один из антропонимов из проекта «World of Warcraft» *Haris Pilton* был переведен на русский язык как *Псения Кобчак*, то есть с использованием культурной адаптации. Вероятно, переводчик посчитал необходимым заменить *Haris Pilton* на узнаваемый российский аналог, поскольку игрок мог не узнать отсылку на Пэрис Хилтон.

Антропоним *Brutallus* из того же проекта в русскоязычной версии игры передан как Бруталл, опуская перевод окончания *-us*, которое означало мужской род, а также было падежным окончанием. Локализаторы сохранили лишь начало имени, что соответствует русскоязычной практике опускать *-us* при переводе античных римских имен.

Другим примером локализации служит имя собственное *Herodore* из видеоигры «The Witcher 3: Wild Hunt». Отечественные переводчики адаптировали антропоним как *Богатырович*. При этом перевод слова *hero* как «богатырь» можно обозначить и как модуляцию. Выбор слова «богатырь» обусловлен и внутриигровыми региональными особенностями, поскольку вышеуказанный пер-

сонаж вписан в пространство, в котором наряду с ним расположены герои, напоминающие казаков своими именами и внешним видом. А потому решение заменить лексему «герой» на «богатырь» оправдано спецификой локации, которая близка культуре стран Восточной Европы и России. Количество случаев локализации среди 500 антропонимов равняется 3, что составляет лишь 0,5 % от общего числа (рис. 2).

В свою очередь модуляция как прием перевода антропонимов встречается 5 раз, что составляет 0,8 % (рис. 2). Среди прочих примеров применения модуляции есть два случая, для адаптации которых необходимо было применить комплексный подход. Так, антропоним *Gottfried the Giantkiller* из «The Witcher 3: Wild Hunt», переведенный на русский язык как *Готфрид Укротитель великанов*, адаптирован с помощью транскрипции и модуляции. Лексема *giantkiller* дословно переводится как «убийца великанов», однако в данном случае переводчик посчитал необходимым найти иной контекстуальный эквивалент и заменил существительное *killer* на «укротитель».

Другой случай, потребовавший от локализаторов комплексного подхода, в котором одним из основных примеров является модуляция, это имя *Kargath Bladefist* из проекта «World of Warcraft». В данном антропониме интерес представляет прозвище персонажа *Bladefist*, состоящее из существительных *blade* («лезвие» или «кинжал») и *fist* («кулак»). Русские локализаторы адаптировали это как *Острорук*, задействовав не дословный перевод, а логический, то есть модуляцию.

Рассмотрим еще один пример использования модуляции. Антропоним *Kil'rip* из уже указанной выше видеоигры «World of Warcraft» переведен как *Рез'ак*. Как видно из оригинального варианта, имя состоит из английских глаголов *to kill*

(«убивать») и *to rip* («рвать», «сдирать», «разрывать»), однако локализаторы использовали при переводе начало глагола «резать» и суффикс -ак, сохранив апостроф английского антропонима.

Другой особенностью перевода антропонимов является адаптация, которая следует традиции. Данный прием основывается на уже устоявшемся каноне, который позволяет локализовать то или иное имя так, чтобы оно соответствовало уже имеющемуся варианту перевода. Так, имя *Augustin* в игре «The Witcher 3: Wild Hunt» в русской локализации звучит как *Августин*, опираясь на традицию. То же относится к антропониму *Barnabas-Basil Foulty* (*Варнава-Базиль Фоулти*), в процессе перевода которого наряду с транскрибированием использован традиционный вариант имени *Barnabas*. В целом количество таких случаев равняется 10, что составляет 1,6 % (рис. 2).

6,5 % (рис. 2) составляют случаи переводческого искажения. Среди них, например, графические искажения, возникшие в результате транслитерации: имя *Aki*, переведенное как *Акки*, *Anna Strenger*, фамилия которой адаптирована как *Стенгер*. Графические расхождения могут привести и к изменению звучания антропонима. Также встречаются искажения, возникшие при подборе эквивалента. К примеру, антропоним *Antoine Pfeil* переведен как *Антоний Пфайль*, в котором прослеживается искажение имени *Antoine*, поскольку замена не оправдана игровым контекстом. При этом имя *Antoine Moire* в другом случае адаптировано как *Антуан Мойр*.

Среди очевидных переводческих искажений можно выделить случаи, в которых локализаторы заменили оригинальный антропоним. Например, имя *Ontan* в «The Witcher 3: Wild Hunt» подверглось замене на *Антек*. Наряду с этим антропоним *Travik* был заменен на *Арек*.

Калькирование при переводе антропонимов встречается 72 раза, что составляет 11,6 % (рис. 2) и включает в себя три группы антропонимов.

1. Антропонимы-наименования лиц по профессии: *Alchemist* (*Алхимик*), *Refugee* (*Беженец*), *Gravedigger* (*Могильщик*), *Wind Trader Lathrai* (*Латрай Торговец Ветром*) и др. При этом стоит отметить, что указание на профессию или социальный статус является заменой настоящего имени. Исключением является последний пример, имеющий помимо описания профессии имя собственное *Lathrai* (*Латрай*).
2. Антропонимы-прозвища. В качестве примеров можно привести следующие антропонимы: *Lugos Harelip* (*Лугос Заячья Губа*),

Stuttering Mattko (*Матюх Заука*), *Fedryen Swiftspear* (*Федриен Быстрое Копье*) и др. Особо стоит выделить имена, которые можно воспринимать как прозвища: имя дракона *Deathwing* (*Смертокрыл*) из видеоигры «World of Warcraft» или *Blackhand* (*Чернорук*). Антропоним *Zebig* (*Большок*), переведенный при помощи калькирования, содержит английский артикль *the*, написанный в неправильном варианте. Переводчик выбрал удачный окказионализм *Большок*, который передает значимость гуманоида как учителя инженерного дела. Сложность перевода подобных имен заключается в поиске наиболее удачного эквивалента.

3. Антропонимы с топонимами состоят из лексем, в которых помимо имен как таковых содержится указание на географическую точку. Антропонимы *Martin of Oakdale* (*Мартин из Дубравы*), *Witch of Lynx Crag* (*Ведьма с Рысей горы*), *Hans of Cidaris* (*Ганс из Цидариса*) и др. интересны тем, что они тесно связаны и с адаптацией топонимов.

36,2 % от общего числа примеров занимает транскрибирование (рис. 2), которое нередко используется для сохранения специфики имен собственных: *Adrien de Rouleau* (*Адриен де Руло*), *Benoit* (*Бенуа*), *Beau Duvall* (*Бё Дюваль*), *Vatslav* (*Вацлав*), *Guy de Bois-Fresnes* (*Ги де Буа-Фресне*) и др.

Транслитерация составляет 42,8 % от общего числа примеров (рис.2). Данный прием оказался самым частотным: *Dolores Reardon* (*Долорес Реардон*), *Donar an Hindar* (*Донар ан Хиндар*), *Drogodar* (*Дрогодар*) и др.

Заключение

Топонимы и антропонимы охватывают существенную часть игрового пространства, обуславливая их значимость в процессе локализации. Проанализировав 1000 примеров перевода топонимов и антропонимов на материале трех видеоигр жанра фэнтези, можно сделать вывод о том, что в процессе локализации оказались в разной степени задействованы все переводческие трансформации. Наиболее частотной трансформацией при переводе топонимов оказалось калькирование. Среди прочих частотных трансформаций — транслитерирование и транскрибирование. Транслитерирование, транскрибирование и калькирование чаще всего используются при адаптации антропонимов в видеоиграх.

Рис. 2. Переводческие трансформации и варианты перевода антропонимов в видеоиграх
Fig.2. Transformations and variants of anthroponyms translation in videogames

Список источников

1. Анисимова А. Т. Феномен компьютерной игры в переводоведческом дискурсе // Научный вестник Южного института менеджмента. 2018. № 5. С. 82–86.
2. Арищенко С. И. Архаизация лексики в видеоиграх. Источники архаичной лексики и ее передача в локализации // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2022. № 2. С. 44–58.
3. Ачкасов А. В. Индустрия локализации и подготовка переводчиков // Индустрия перевода. 2016. № 1. С. 13–19.
4. Богданова К. В. Англоязычный дискурс ролевых видеоигр: интертекстуальный аспект // Рема. 2017. № 2. С. 27–40.
5. Богров Ю. С. Видеоигры в контексте глобализации (эссе) // Наука телевидения. 2013. № 10. С. 246–247.
6. Болотина М. А., Кузьмина Е. В. Лексические проблемы перевода компьютерных игр // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2019. № 1. С. 43–50.
7. Зеленко К. Р. Культурная адаптация текстов при переводе на примере текстов компьютерных игр // Наука, образование и культура. 2017. № 4. С. 52–54.
8. Зинкевич О. В. Локализация как процесс динамической трансформации структуры и содержания динамического текста // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 3. С. 135–137.
9. Коптелова С. А., Рущая Е. А. Лингвистические аспекты видеоигр // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 3. С. 16–25.
10. Пахолков А. Л., Оношко В. Н. Культурная адаптация при локализации игр // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2022. № 3. С. 168–172.
11. Перфилов Ю. А. Языковые особенности текстов компьютерных игр // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Гуманитарные науки. 2019. № 5. С. 188–190.
12. Рюкова А. Р. Перевод имен собственных при локализации мультиплатформенных компьютерных игр // Вестник Башкирского университета. 2016. № 4. С. 968–973.
13. Саяхова Д. К. Лингвокультурная адаптация текста при переводе (на материале видеоигр) // Казанский лингвистический журнал. 2020. № 1. С. 52–63.
14. Фомин А. Г., Чоботар В. И. Особенности перевода антропонимов в литературе и компьютерных играх жанра фэнтези // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. № 21. С. 558–564.
15. Хрущева Т. В., Волкова А. О. Особенности локализации видеоигр (на материале дилогии “The Last of Us”) // Современное педагогическое образование. 2023. № 8. С. 256–261.

References

1. Anisimova AT. Phenomenon of computer game in translation discourse. *Nauchnyj vestnik Juzhno-goinstituta menedzhmenta = Scientific bulletin of the Southern institute of management*. 2018;(5):82-86. (In Russ.).
2. Arishchenko SI. Videogames' archaic lexis. The sources of archaic lexis and its localization techniques. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda = Moscow University bulletin on translation studies*. 2022;(2):44-58. (In Russ.).
3. Achkasov AV. Localization industry and translator training. *Industriya perevoda = Industry of translation*. 2016;(1):13-19. (In Russ.).
4. Bogdanova KV. English-language role-playing videogame discourse: the intertextual aspect. *Rema*. 2017;(2):27-40. (In Russ.).
5. Bogrov JuS. Videogames in globalization context. *Nauka televidenija = The Art of Science of Television*. 2013;(10):246-247. (In Russ.).
6. Bolotina MA, Kuz'mina EV. Lexical challenges of computer games translation. *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta = Bulletin of the Baltic Federal University named after A. I. Kant*. 2019;(1):43-50. (In Russ.).
7. Zelen'ko KR. Cultural adaptation of texts in translation (on the material of computer games texts). *Nauka, obrazovanie i kul'tura = Science, Education and Culture*. 2017;(4):52-54. (In Russ.).
8. Zinkevich OV. Localization as a process of linguistic transformation of the structure and content of a dynamic text. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = News of Saint Petersburg State Economic University*. 2018;(3):135-137. (In Russ.).
9. Koptelova SA., Rutsкая EA. Linguistic Aspects of Video Game Localization. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya = Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 2022;14(3):16-25. (In Russ.).
10. Pakholkov AL, Onoshko VN. Cultural adaptation in video game localization. *Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Journal of Shadrinsk State Pedagogical University*. 2022;(3):168-172. (In Russ.).
11. Perfilov YuA. Yazykovye osobennosti tekstov komp'yuternykh igr = Language features of computer game texts. In: *Sovremennaja nauka: Aktual'nye problemy teorii i praktiki. Gumanitarnye nauki = Modern Science: actual problems of theory and practice*. 2019. 5. pp.188-190. (In Russ.).
12. Ryukova Translation of proper names in localizing multiplatform computer games. *Vestnik Bashkirskogo universiteta = Bulletin of Bashkir University*. 2016(4):968-973. (In Russ.).
13. Sayakhova DK. Linguocultural adaptation of a text in translation (on the material of video games). *Kazanskiy lingvisticheskiy zhurnal = Kazan linguistic journal*. 2020;(1):52-63. (In Russ.).
14. Fomin AG, Chobotar VI. Anthroponyms in Fantasy Fiction and Computer Games: Approaches to Translation. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kemerovo State University*. 2019;21(2):558-564. (In Russ.).
15. Khrushcheva TV, Volkova AO. Features of video game localization (based on "The Last of Us" diology). *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie = Modern Pedagogic Education*. 2023;(8):256-261. (In Russ.).

Информация об авторах

А. М. Бабаев — магистрант 2 курса, кафедра теоретического и прикладного языкознания историко-филологического факультета.

С. А. Питуна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания историко-филологического факультета.

Information about the authors

Anar M. Babaev — master degree student, Faculty of History and Philology, Theoretical and Applied Linguistics Department.

Svetlana A. Pitina — Doctor of Sci. (Philology), Professor, Faculty of History and Philology, Theoretical and Applied Linguistics Department.

Статья поступила в редакцию 09.01.2024; одобрена после рецензирования 01.02.2024; принята к публикации 22.03.2024.

The article was submitted 09.01.2024; approved after reviewing 01.02.2023; accepted for publication 22.03.2024.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликтов интересов.

Contribution of the authors: all author contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81

doi: 10.47475/1994-2796-2024-485-3-84-91

ПРИНЦИПЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ БИБЛЕЙСКИХ ПРОРОЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Андрей Геннадьевич Фомин¹, Надежда Сергеевна Карачева²

^{1,2} Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

¹ andfomin67@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-2742-7747

² ns_karacheva@mail.ru, ORCID ID: 0009-0000-3213-7210

Аннотация. Пророческие тексты составляют особый пласт текстов с плотной символической структурой, которая вызывает трудности при попытке интерпретировать заложенный в них смысл. Оставляя за пределами научного восприятия споры о сверхъестественной составляющей пророчества, не трудно понять, что пророческий текст, подверженный строго научному исследованию сохраняет статус сложного семиотического знака, требующего междисциплинарного комплексного подхода к пониманию его природы. В статье предпринимается попытка описать обобщенную стратегию, основанную на необходимости учитывать не только языковые особенности, но и экстралингвистические факторы для более эффективного извлечения закодированных в пророческих текстах смыслов.

Ключевые слова: интерпретация, толкование, экстралингвистические факторы, пророческий текст, семиотический знак

Для цитирования: Фомин А. Г., Карачева Н. С. Принципы интерпретации библейских пророческих текстов // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 3 (485). С. 84–91. doi: 10.47475/1994-2796-2024-485-3-84-91

Original article

PRINCIPLES OF INTERPRETATION OF BIBLICAL PROPHETIC TEXTS

Andrey G. Fomin¹, Nadezhda S. Karacheva²

^{1,2} Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

¹ andfomin67@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-2742-7747

² ns_karacheva@mail.ru, ORCID ID: 0009-0000-3213-7210

Abstract. Prophetic texts form a special category of written texts with a complex symbol system that makes them difficult to interpret. While it may be true that the supernatural elements of prophecy lie beyond the scope of scientific understanding, even after a rigorous scientific analysis of a prophetic text, it retains its status as a complex semiotics sign. To understand its meaning, an interdisciplinary and integrative approach is necessary. This article aims to propose a general strategy for the interpretation of prophetic texts that takes into account both linguistic and extralinguistic factors. It can more accurately extract the meaning embedded in the symbols utilized in prophecies.

Keywords: interpretation, extralinguistic factors, prophetic text, semiotic sign

For citation: Fomin AG, Karacheva NS. Principles of interpretation of biblical prophetic texts. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(3(485):84-91. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2024-485-3-84-91

Введение

Несмотря на большое количество религий, уникальные верования, практики и культурный контекст, в основе большинства из них находятся некоторые общие принципы, темы и ценности. Во-первых, большинство религий предполагают

существование высшей, божественной силы или сверхъестественных существ, которые управляют вселенной и влияют на человеческую жизнь; во-вторых, многие религии разделяют общие моральные и этические принципы, такие как сострадание, доброта, честность и альтруизм; в-третьих, религиозные традиции часто включают ритуалы,

© Фомин А. Г., Карачева Н. С., 2024

церемонии, молитвы и практики, которые служат способами установить связь с божественным, выразить преданность, обратиться за руководством и отметить важные жизненные события. К тому же многие религии рассматривают загробную жизнь, или жизнь после смерти, как фундаментальный аспект своей системы верований. Идеи о рае, аде, реинкарнации и духовном освобождении являются общими темами, встречающимися в различных религиозных традициях. Наконец, в большинстве религий есть священные тексты, священные писания или учения, которые считаются авторитетными и занимают центральное место в верованиях и практике [8, с. 210].

Хотя религиозные тексты разных религий могут иметь общие тематические элементы и нравственные учения, важно признать, что они также демонстрируют существенные различия. На интерпретацию и понимание этих текстов влияют культурные, исторические и теологические контексты, в рамках которых они возникли. Каждая религиозная традиция имеет собственный уникальный набор священных текстов, ритуалов и верований, отражающих различные способы осознания божественного и взаимодействия с ним. Сложность религиозных текстов еще более усугубляется тем фактом, что они часто глубоко укоренены в конкретных культурных и исторических контекстах, что затрудняет попытки извлечения смыслов или прямые сравнения даже похожих между собой текстов. Кроме того, символическая и аллегорическая природа многих религиозных текстов требует тщательной интерпретации и понимания культурных и лингвистических нюансов, присутствующих в каждой традиции. Священные тексты часто содержат нравственные учения, исторические повествования, религиозные законы и пророчества или предсказания будущего.

Пророчества являются неотъемлемой частью многих религиозных, культурных и литературных традиций. Они могут принимать различные формы, включая письменные или устные сообщения, сны, видения или символические действия [4, с. 3–5.]. Пророчества часто произносятся личностями, известными как пророки, проводцы или оракулы. Считается, что эти люди имеют особую связь с божественным или сверхъестественным, позволяющую им получать сообщения о будущих событиях или давать указания и предупреждения другим. Пророчества могут охватывать широкий спектр тем, таких как политические события, стихийные бедствия, личные

судьбы или духовные учения. Они часто открыты для интерпретации и обсуждения, поскольку язык и символика, используемые в пророчествах, могут быть закодированными, содержащими различные метафоры.

Пророчество обычно ассоциируется с иудаизмом и христианством, но встречается в различных религиях по всему миру. Хотя предсказание часто связано с пророчеством, раскрытие будущего не является обязательным элементом пророчества. Важность пророчества подчеркивается в Библии, где оно описывается как послание от Бога. Общепринятым в библейском смысле считается понимание пророчества как послания, вдохновленного Богом или сверхъестественного откровения.

Пророческие тексты, отличающиеся особым наполнением, строятся на определенных принципах. Одним из фундаментальных принципов пророческой литературы является использование символов и образов [5, с. 76]. Пророчества часто принимают форму метафор, аллегорий и архетипических представлений, которые помогают подчеркнуть основное послание, допуская при этом множественные интерпретации. Другим важным аспектом пророческой композиции является присущая ей двусмысленность [5, с. 76]. Пророческие тексты могут быть поняты по-разному, и их значение может меняться в зависимости от контекста, периода и фоновых культурных знаний. Иногда пророческие тексты лишь намекают на будущие события, предоставляя пространство для размышлений и личной интерпретации. Кроме того, в пророческих текстах используются различные формы предсказания. Они могут включать предсказания будущих событий, указания на конкретные происшествия и даже предупреждения о потенциальных опасностях. Следует также отметить, что пророческие тексты часто имеют ритмическую структуру или особую поэтическую форму, которая помогает подчеркнуть их значимость и усилить воздействие сообщения [5, с. 76].

Поскольку данный феномен функционирует преимущественно в области иррационального, классическая наука не спешит признавать его значимым объектом исследования из-за невозможности применения количественных или качественных методов исследования. Тем не менее нельзя отрицать существование пророческих текстов. И хоть само существование пророков и их сверхъестественных способностей можно сколько угодно оспаривать, однако непосредственно пророческий текст без труда можно подвергнуть

любому виду формализованного анализа, что позволит обнаружить определенные закономерности и особенности, характерные для построения пророческих текстов.

Материалы и методы исследования

Сложная природа пророческих текстов проявляется в форме семиотического образования, где символическая природа выражается в сочетании вербальных кодов с некоторыми экстралингвистическими особенностями в процессе декодирования смысла.

Семиотика охватывает любую деятельность, поведение или процесс, включающий знаки. Семиозис, или процесс означивания, находится за пределами исключительно вербальной коммуникации, охватывая различные символические системы и их интерпретацию [6, с. 93].

Пророческие тексты часто написаны сложным символическим языком, наполненным специфичной символикой и большим количеством образных выражений. Происхождение этих символов приписывается прямому откровению из божественного источника, подчеркивающему глубокую и значимую духовную природу символического языка. Пророческие тексты часто включают в себя конкретные символы, которые имеют глубокое значение в рамках соответствующей религиозной традиции. Эти символы служат иконическими изображениями, предназначенными для передачи конкретных религиозных концепций или верований [6, с. 93]. Использование символов в пророческих и в религиозных текстах в целом является средством передачи и выражения глубинных смыслов, часто уходящих корнями в историю и учения.

Символы могут различаться в разных религиозных традициях, каждая из которых несет уникальные значения и интерпретации. Например, в христианской традиции есть такие символы, как крест, который представляет центральную концепцию искупления и спасения через распятие Иисуса Христа. В индуизме символ «Аум» обозначает сущность высшей реальности, представляя тройственную природу существования. Аналогичным образом, полумесяц и пятиконечная звезда являются широко признанными символами ислама, олицетворяющими веру и руководство. Черно-белый Инь и Ян — символ единства противоположностей, шестиконечная звезда Давида и т. д. Эти символы являются не просто декоративными элементами, но глубоко переплетены с религиозными верованиями,

практиками и культурными проявлениями соответствующих конфессий. Они служат визуальными и концептуальными якорями для верующих, передающими основные принципы и ценности религиозных традиций, которые они представляют.

Крест, полумесяц, Аум, звезда Давида являются примерами универсальной символики, с небольшой вариацией толкований. Столетиями за ними закреплен определенный смысл, который если и расходится в деталях, то незначительно. Об этом свидетельствуют приведенные ниже определения символа «крест» из различных толковых словарей и энциклопедий:

«КРЕСТ — две полосы или два бруска, один поперек другого; две черты напересечку одна другой. Крест бывает: прямой, косой (андреевский), равноконечный, длинный и пр. Крест есть символ христианства. По различию исповеданий, читится крест четырехконечный, шестиконечный, осьмиконечный, включая титла и подножие. По назначению, различают крест церковный, на престольный, тельной и пр. Крест наперсный, дается в награду священникам, и ордена зовут иногда крестами» [3].

*«КРЕСТ — возможно, от лат. *crux*; согласно другой точке зрения, от древневерхненем. *Krist* — имя Христа), один из наиболее распространенных символов в религиозных и мифологических системах всего мира. Наиболее важное место знак креста занимает в христианстве, шире — в символике Европы и Азии, известен у коренных народов Америки, у народов Океании. Первично крест, скорее всего, представлял собой символическое изображение человека с простертыми руками или антропоморфного божества. В христианстве в народном представлении Христос стал «человеком креста»* [9].

«КРЕСТ — предмет христианского культа, представляющий собой длинный вертикальный стержень, пересеченный у верхнего конца поперечиной (по евангельскому преданию на кресте из двух бревен был распят Иисус Христос)» [7].

«КРЕСТ — в мифопоэтических и религиозных системах один из наиболее распространённых символов, нередко функционирующий как символ высших сакральных ценностей [10].

«КРЕСТ — предмет христианского культа, представляющий собою длинный вертикальный стержень с поперечной поперечиной в верхней половине, на котором — по евангельскому преданию — был распят Иисус Христос; символ спасения и искупления человечества [1].

Таким образом, интерпретация универсальных символов при их разнообразной и многогранной природе, не является сверхсложной задачей даже для неопытного интерпретатора. Безусловно, универсальные символы также несут в себе не только семантическое, но и философское значение. Однако, поскольку они составляют неотъемлемую часть человеческого когнитивного пространства, являясь ментальными конструктами, в которые заложены сложные идеи и эмоции, универсальные символы являются как бы встроенной ментальной структурой, актуализируемой в коллективном сознании общечеловеческим опытом. Следовательно, чтобы понять значение универсальных символов, интерпретатору не требуется дополнительных когнитивных усилий, расширенного когнитивного словаря или особых методов интерпретации.

Ситуация кардинально меняется, когда интерпретатор сталкивается с пророческими текстами, плотность и образность которых повышается в разы, а символы становятся специфичными и, зачастую обусловленными множеством экстралингвистических факторов. Здесь речь идет уже о другом уровне когнитивной конструкции, где понимание особой внутренней библейской пророческой символики требует дополнительных знаний и значительных когнитивных усилий.

Даже в пределах библейских пророческих текстов не существует однозначно принятого толкования символов, встречающихся в библейских пророчествах. Некоторые библейские символы со временем приобрели так называемые канонические интерпретации в христианстве, тогда как большая часть остается предметом споров. Например, виноградная лоза в библейских текстах является символом Иисуса Христа: *«Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой — виноградарь»* [2, Ин 15:1].

Меч является символом Божьего Слова, способного проникать прямо в сердце человека: *«и шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божие»* [2, Еф 6:17]; *«Из уст же Его исходит острый меч, чтобы им поражать народы»* [2, Откр 19:15]; *«Ибо слово Божие живо и действительно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные»* [2, Евр 4:12].

Однако стоит отметить, что в приведенных примерах библейский текст толкует сам себя, интерпретатору необходимо лишь провести параллели и найти эти толкования внутри самого

библейского текста, соединив образы со смыслами. Тогда как большинство пророческих символов, особенно являющихся частью предсказательных пророчеств, относящихся к будущему, не сопровождаются толкованиями в самом библейском тексте. К таким не имеющим однозначного толкования пророческим символам относятся *«вавилонская блудница»* [2, Иез 16:31; 2, Откр 17:15], *«зверь с десятью рогами»* [2, Откр 12:3], *«четыре колеса»* [2, Иез 10:12], *«книга с печатями»* [2, Откр 5:2], *«чаши гнева»* [2, Откр 16:1], *«число зверя»* [2, Откр 13:18] и т. д.

Интерпретация и анализ библейских пророческих символов сопряжен с рядом трудностей. Безусловно, основная трудность заключается в разнообразии интерпретаций, которые могут иметь символы, что затрудняет точное определение их истинного назначения и значения. К тому же символика ветхозаветных пророчеств может быть истолкована по-разному, в зависимости от исторического, культурного и даже личного происхождения каждого пророка. Например, пророк Исаия был знатного происхождения, он получил хорошее образование, его пророчества наполнены сложными образами царства, политическими метафорами, написаны высоким стилем; пророк Амос был пастухом, в его книгах прослеживаются соответствующие «народные» образы; пророк Иезекиль был из рода священников, в его пророчествах акцент делается на духовных аспектах.

Еще одна проблема возникает из-за контекстуальной интерпретации символов, которая относится к их значению в конкретном повествовании или пророчестве. Современным читателям библейский символизм может быть труден для понимания, что осложняет поиск его истинного значения. Чтобы понять символы, требуется знание того, когда и где они использовались, а также исторических событий и социокультурных контекстов, окружающих их. Например, невозможно понять пророческое обещание истребить некоторые народы (*«и пошлю пред тобою Ангела, и прогоню Хананеев, Аморреев, Хеттеев, Ферезеев, Евеев и Иевусеев»* [2, Исх 33:2]), не проделав дополнительного исследования исторического и культурного контекста, в котором это пророчество было передано, не узнав положения, в котором находился израильский народ и не проследив историю появления этих племен. В результате анализа этих экстралингвистических факторов станет понятно, что изначально далеким предком этих племен являлся один из сыновей Ноя, который своими действиями навлек на себя и своих

потомков проклятие. К тому же со временем эти племена рассеялись по всей земле и отrekliсь от иудейской веры, став язычниками, что в ветхозаветное время означало быть врагом Богу и избранному Им израильскому народу. Наконец, эти племена расселились в земле, изначально принадлежавшей иудеям, более того они были довольно воинственными и постоянно нападали друг на друга и на израильский народ. Сложив в единую картину все эти факторы, получаем логичный вывод о том, что Бог обещает Своему избранному народу избавить их от врагов.

Таким образом, процесс интерпретации сложных символов должен учитывать экстралингвистические аспекты, такие как социальный, культурный и исторический контексты. Эти факторы могут оказывать непосредственное влияние на значение символов и должны быть выявлены, чтобы тексты стали более понятны.

Результаты исследования и их обсуждение

Сложная многослойная структура образов пророческого текста затрудняет процесс интерпретации и требует систематического подхода. Деконструкция символов требует использования комплекса научных подходов и инструментов. Преодолеть трудности в интерпретации библейских пророческих символов и приблизиться хотя бы к вариантам толкования можно, устранив препятствия в виде семантического многообразия, контекстной обусловленности и множественности интерпретаций путем применения комплексной стратегии.

Обобщенная стратегия и некоторые общие принципы толкования пророческих текстов складываются из нескольких составляющих: историко-культурологический анализ, литературно-лингвистический анализ, теологическая интерпретация, символическая интерпретация, сравнительное исследование и эсхатологическая интерпретация.

В качестве примера приведем отрывок из Книги пророка Исаии:

«8 Господь поклялся десницею Своею и крепкою мышцею Своею: не дам зерна твоего более в пищу врагам твоим, и сыновья чужих не будут пить вина твоего, над которым ты трудился; 9 но собирающие его будут есть его и славить Господа, и обирающие виноград будут пить вино его во дворах святилища Моего. 10 Проходите, проходите в ворота, готовьте путь народу! Ровняйте, ровняйте дорогу, убирайте камни, поднимите знамя для народов! 11 Вот, Господь

объявляет до конца земли: скажите дочери Сиона: грядёт Спаситель твой; награда Его с Ним и воздаяние Его пред Ним. 12 и назовут их народом святым, искупленным от Господа, а тебя назовут взысканным городом, неоставленным» [2, Ис 62:8–12].

Исторический контекст данного отрывка — вавилонское пленение. Иудеи проиграли войну и находятся в плену у более могущественной империи. Пророк, предсказавший вавилонское пленение, как наказание за непослушание израильского народа своему Богу, теперь предсказывает избавление от плена и спасительное восстановление. Поскольку сам Исаия знатного происхождения, его тексты пронизаны торжественным тоном и пространственными высказываниями («дворы святилища», «до конца земли»). Поэтический образ в стихе 9 изображает пророческое видение восстановленного Иерусалима, центра Сиона с его воротами, открытыми для прохода больших групп людей. Поднятие знамени представляет собой военное знамя, пережившее битву, после которой оно высоко взлетает, привлекая к себе всех рассеянных членов подразделения. Стих 11 находится в параллели с двумя другими библейскими отрывками, сравнение которых показывает, что все три отрывка описывают одно событие (освобождение народа из плена), несмотря на значительную удаленность во времени друг от друга:

«9 Ликуй от радости, дочь Сиона, торжествуй, дочь Иерусалима: се Царь твой грядёт к тебе, праведный и спасающий, кроткий, сидящий на ослице и на молодом осле, сыне подъяремной» [2, Зах 9:9].

«1 и когда приблизились к Иерусалиму и пришли в Виффагию к горе Елеонской, тогда Иисус послал двух учеников, 2 сказав им: пойдите в селение, которое прямо перед вами; и тотчас найдёте ослицу привязанную и молодого осла с нею; отвязав, приведите ко Мне; 3 и если кто скажет вам что-нибудь, отвечайте, что они надобны Господу; и тотчас пошлёт их. 4 Всё же сие было, да сбудется реченное через пророка, который говорит: 5 „Скажите дочери Сионовой: се, Царь твой грядёт к тебе кроткий, сидя на ослице и молодом осле, сыне подъяремной“. 6 Ученики пошли и поступили так, как повелел им Иисус: 7 привели ослицу и молодого осла и положили на них одежды свои, и Он сел поверх их» [2, Евангелие от Матфея 21:1–6].

Однако здесь необходимо уточнить, что параллельные стихи также свидетельствуют о трансформации приведенного предсказания в зависимости от периода времени и целевой аудитории.

Когда это предсказание произносилось пророком впервые, оно относилось к конкретной ситуации вавилонского плена и освобождения из него, неся своей целевой аудитории буквальный смысл. Во времена Нового Завета этот же отрывок толковался евреями, как обещание появления Спасителя, который избавит из от гнета римской империи. Дойдя до наших дней, оно обрело особый переносный смысл для всех верующих, став обещанием избавления от рабства духовных неурядиц и греха.

Таким образом, историко-культурологический анализ предполагает анализ пророческих текстов в их историческом и культурном контекстах, с учетом политических и социальных обстоятельств, которые окружали пророка и формировали пророчество. Это необходимо для понимания предыстории конкретного пророчества и его целевой аудитории. Восстановленный историко-культурный контекст даст возможность более эффективного применения литературно-лингвистического подхода. Пророческие тексты часто используют поэтический язык и метафорические образы. Изучение слов, композиции и тона, позволит выявить более глубокие слои смысла. Здесь фоновые знания о происхождении и уровне образования пророка помогут выявить литературные приемы и техники, используемые им для передачи своих намерений.

Вне зависимости от личных убеждений, библейские пророческие тексты невозможно интерпретировать без обращения к теологическим источникам, объясняющим духовные и религиозные значения этих текстов. Символическая интерпретация, представляющая образы проявлениями внутренних чувств, эмоций или духовных убеждений автора. Этот подход сосредоточен на подсознательных компонентах пророчества и символике, используемой для раскрытия более глубоких истин. Сравнивая пророческие писания разных религий или исторических периодов, можно получить представление об общих темах и символах. Выявление сходств и различий между этими текстами позволяет более глубоко понять универсальные аспекты пророчества, а также различные культурные влияния, которые сформировали его. Эсхатология или изучение конечной

судьбы человечества играет значительную роль в интерпретации пророчеств. Предсказательные пророчества часто включают эсхатологические элементы относительно конца света. Ученые используют эсхатологические идеи для понимания пророческих писаний в контексте апокалиптических концепций.

Заключение

Язык религиозных текстов отличается особой метафоричностью и символизмом. Интерпретация универсальных символов не требует дополнительных когнитивных усилий. В пророческих текстах символы становятся специфичными и обусловленными множеством экстралингвистических факторов. В библейских пророческих текстах не существует однозначно принятого толкования символов. Интерпретация и анализ библейских пророческих символов сопряжены с рядом трудностей, включая разнообразие интерпретаций и различия в символике в зависимости от исторического, культурного и личного происхождения каждого пророка. Если изначально пророчества были устными сообщениями, адресованными определенной группе лиц, то их записанные версии предназначались не только для тех читателей, которые принадлежат к конкретной группе. Если произнесенные слова пророка относились к конкретным преступлениям и выражали их неодобрение, то в письменных пророчествах утверждалось, что они применимы к другим видам преступлений, совершенных будущими поколениями. Если произнесенные слова обещали помощь в решении конкретной проблемы, то в письменном пророчестве говорилось, что это относится к проблемам других людей, с которыми они столкнутся позже. Первоначальное обстоятельство, отраженное в устной речи, становится некоторым руководством к действию, обретая письменную форму и, таким образом, простирается за рамки своего исторического контекста и конкретной ситуации, устремляясь к будущим поколениям. Именно поэтому пророческие тексты необходимо не просто анализировать, но и «переводить» на язык современности, актуализируя их ситуативную символику в свете меняющихся обстоятельств.

Список источников

1. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. М. : Азарт, 2000. 587 с.
2. Библия (Синодальный перевод). М. : Издание Московской Патриархии, 1988. 1388 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М. : О-во любителей рос. словесности, учр. при Имп. Моск. ун-те, 1863–1866. Т. 4, ч. 1-4. 560 с.

4. Лалуев В. Я. К определению понятия «пророчество» // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 5 (36). С. 3–5.
5. Соскис Д. М. Метафора и религиозный язык. Оксфорд : Изд-во Оксфорд. ун-та, 1985. 276 с.
6. Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка: семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М. : URSS ЛЕНАНД, 2015. 331 с.
7. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М. : Дом Славянской кн., 2008. 959 с.
8. Элиаде М. История веры и религиозных идей. Том I. От каменного века до элевсинских мистерий. М. : Наука, 2002. 598 с.
9. Энциклопедический словарь. Полный и подробный Библейский Словарь к русской канонической Библии. М. : Эдитус, 2016. 555 с.
10. Энциклопедия иудаизма. Тель-Авив : Шломо-Залман Ариэль МАССАДА Иерусалим, 1983. 343 с.

References

1. Efremova T. *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* = Modern explanatory dictionary of the Russian language. Moscow: Azart; 2000. 587 p. (In Russ.).
2. *Bibliya (Sinodal'nyy perevod)* = The Holy Bible (Synodal translation). Moscow: Edition of the Moscow Patriarchate; 1988. 1388 p. (In Russ.).
3. Dal' V. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* = Explanatory dictionary of the living Great Russian language. Vol. 4, part 1-4. Moscow: Society of lovers of Russian literature at Moscow. Univ; 1863-1866. 560 p. (In Russ.).
4. Laluev V. To the definition of the concept of “prophecy”. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = World of science, culture. education*. 2012;(5(36):3-5. (In Russ.).
5. Soskis DM. *Metafora i religioznyy yazyk* = Metaphor and religious language. Vol. 276. Oxford: Oxford University Press; 1985. (In Russ.).
6. Stepanov YuS. *V trekhmernom prostranstve yazyka: semioticheskiye problemy lingvistiki, filosofii, iskusstva* = In the three-dimensional space of language: semiotic problems of linguistics, philosophy, art. Moscow: URSS LENAND; 2015. 331 p. (In Russ.).
7. Ushakov DN. *Bol'shoy tolkovyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka* = A large explanatory dictionary of the modern Russian language. Moscow: House of Slavic Literature; 2008. 959 p. (In Russ.).
8. Eliade M. *Istoriya very i religioznykh idey. Tom I. Ot kamennogo veka do elevsinskikh misteriy* = The history of faith and religious ideas. Vol. 1. From the Stone Age to the Eleusinian mysteries. Moscow: Nauka; 2002. 598 p. (In Russ.).
9. *Entsiklopedicheskiy slovar'. Polnyy i podrobnyy Bibleyskiy Slovar' k russkoy kanonicheskoy Biblii* = Encyclopedic dictionary. A complete and detailed Biblical Dictionary for the Russian Canonical Bible. Moscow: Editus; 2016. 555 p. (In Russ.).
10. *Entsiklopediya iudaizma* = Encyclopedia of Judaism. Tel Aviv: Shlomo-Zalman Ariel MASSADA Jerusalem; 1983. 343 p.

Информация об авторах

А. Г. Фомин — доктор филологических наук, профессор, заведующий лабораторией когнитивных исследований и компьютерной лингвистики, профессор кафедры переводоведения и лингвистики Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций.

Н. С. Карачева — PhD в сфере международной политики, старший научный сотрудник лаборатории когнитивных исследований и компьютерной лингвистики.

Information about the authors

Andrey G. Fomin — Doctor Sci. (Philology), Professor, Head of the Laboratory for Cognitive Studies and Computational Linguistics, Professor of the Department for Translation Studies and Linguistics at the Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communications.

Nadezhda S. Karacheva — PhD in International Politics, a Senior Researcher at the Laboratory for Cognitive Studies and Computational Linguistics.

Статья поступила в редакцию 04.09.2023; одобрена после рецензирования 24.12.2023; принята к публикации 22.03.2024.

The article was submitted 04.09.2023; approved after reviewing 24.12.2023; accepted for publication 22.03.2024.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: all author contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

**ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА
И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ
В УСЛОВИЯХ ДВУ- И МНОГОЯЗЫЧИЯ
LANGUAGE POLICY AND PROFESSIONAL COMMUNICATION
IN BI- AND MULTILINGUAL CONDITIONS**

Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 3 (485). С. 92–101.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2024;(3(485):92-101. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 811.161.1

doi: 10.47475/1994-2796-2024-485-3-92-101

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА
В РАМКАХ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ УЗБЕКИСТАНА**

Виктория Александровна Лямкина

Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Узбекистан, viktoriya.uzspic@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию исторических фактов, причин возникновения, функционирования и распространения русского языка в Узбекистане. Рассматривается языковое сообщество, где одновременно функционируют доминирующий язык и язык меньшинств. Автор стремится проследить процесс изменения его статуса и эволюции распространения. Дискуссионным продолжает оставаться вопрос о функционировании русского языка в регионе.

Ключевые слова: русский язык, языковая ситуация, межкультурная коммуникация, язык меньшинств, языковое сообщество

Для цитирования: Лямкина В. А. Функционирование и значение русского языка в рамках языковой политики Узбекистана // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 3 (485). С. 92–101. doi: 10.47475/1994-2796-2024-485-3-92-101

Original article

**THE FUNCTIONING AND SIGNIFICANCE OF THE RUSSIAN LANGUAGE
WITHIN THE FRAMEWORK OF THE LANGUAGE POLICY OF UZBEKISTAN**

Viktoriya A. Lyamkina

Uzbekistan State University of World Languages, Tashkent, Uzbekistan, viktoriya.uzspic@gmail.com

Abstract. The article is devoted to a comprehensive study of historical facts, the causes of the emergence, functioning and spread of the Russian language in Uzbekistan. A linguistic community is considered, where the dominant language and the minority language function simultaneously. The modern language situation of any state increases the importance of the communicative and political aspects of the language policy within the country. The policy pursued by the Republic of Uzbekistan testifies to the attitude towards both the state language and other languages. Therefore, the question of the possibility of the existence of the Russian language in the region becomes relevant. The author seeks to trace the process of changing its status and the evolution of distribution. The issue of the functioning of the Russian language in the region continues to be debatable.

Keywords: Russian language, language situation, intercultural communication, minority language, language community

For citations: Lyamkina VA. The functioning and significance of the Russian language within the framework of the language policy of Uzbekistan. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(3(485):92-101. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2024-485-3-92-101

© Лямкина В. А., 2024

Введение

На протяжении многих десятилетий русский язык имеет значительное присутствие в Узбекистане. Сегодня статус русского языка в Узбекистане является отражением истории страны и ее постоянных усилий по утверждению своей идентичности как независимого государства. К основным элементам независимого государства, включая его деятельность, можно отнести национальную культуру, языковую систему, стиль жизни, отражающиеся на сознании, самобытности и характере народа.

Каждое государство обеспечивает поддержку указанных характеристик через ряд мероприятий, направленных на популяризацию языка. Данный процесс предполагает работу правительства по расширению и укреплению национально-лингвистических связей между населением, что характеризуется «политизацией» языкового устройства, подразумевающей функционирование социума в условиях поляризации мира [4, с. 135–138]. Благодаря данному термину в научном понимании предоставляется возможность изучить и охарактеризовать функционирование русского языка ввиду языковой ситуации в Узбекистане [12, с. 3].

Необходимо подчеркнуть, что Узбекистан позиционируется как многонациональное государство. В свою очередь «русский народ в Узбекистане представляет собой одно из крупнейших меньшинств» [12, с. 69]. Важную роль для межнационального согласия играет Закон Республики Узбекистан «О государственном языке», который был утвержден в новой редакции Олий Мажлисом Республики Узбекистан 21 декабря 1995 г. Согласно статье 24 данного закона, в Узбекистане «запрещается пренебрежительное или враждебное отношение к государственному или другим языкам. Лица, препятствующие осуществлению права граждан на свободный выбор языка в общении, воспитании и обучении, несут ответственность в соответствии с законодательством»¹. Расширилось право использования других национальных языков, в частности, русского языка.

В материале исследования вопрос рассматривается в рамках изучения исторических фактов, причин возникновения, функционирования и распространения русского языка. Проблематика данного вопроса исследуется от этапа начального использования русского языка в странах СНГ и до этапа его масштабного расширения в Узбекистане после провозглашения независимости.

¹ О государственном языке : Закон Республики Узбекистан от 21 октября 1989 года № 3561-XI (в новой редакции от 21 декабря 1995 года).

Актуальность данного исследования можно определить как вопрос изучения областей функционирования русского языка, установления его роли и статуса в Узбекистане. В данной работе отражается ряд особенностей, среди которых социальные, лингвистические, культурно-языковые и функционально-прагматические.

Объектом исследования выступает языковая ситуация в современном Узбекистане.

Целью данного исследования является изучение этапов функционирования русского языка и выявление особенностей, повлиявших на формирование ситуации в области русского языка в Узбекистане.

Обозначенная цель ориентирована на решение определенных задач:

- объяснить в теоретическом аспекте основную терминологию, такую как языковое общество, языковое меньшинство, языковые контакты;
- выделить исторические факты, повлиявшие на распространение русского языка;
- определить современную языковую ситуацию и ее тенденции.

Научная новизна заключена в комплексном анализе сложившейся языковой ситуации и языковой политики в Узбекистане.

Материалы и методы исследования

Теоретической базой исследования послужили научные труды отечественных и зарубежных ученых в области языковой политики, а также материалы научных и научно-практических конференций по проблемам развития языковой ситуации. Данные вопросы в исследовании рассматриваются в трудах У. Вайнрайха [2], Н. Б. Вахтина, Е. В. Головки [3], В. Ф. Галецкого [4], И. Н. Жуковой [6], А. А. Каневского [9], Н. Б. Мечковской [13], Ф. Т. Ражабова [16], Э. Фридман [21], Б. Шлитера [22] и других.

В исследовании были применены методы теоретического анализа источников, системно-структурный анализ, метод логического анализа, а также обобщение, что позволило определить особенности функционирования и значения русского языка.

Основная часть

Социально-демографическая основа, являясь основой доминирующего языка, используется функционально в рамках максимальной нагрузки в области коммуникации между языками и представляет собой часть социальной, а также

коммуникативной системы определенного территориального и государственного конгломерата. Необходимо подчеркнуть, что *языковое сообщество* может определяться как взаимосвязанный процесс коллективизации всех участников языковой коммуникации по ряду характерных признаков [6]. В языковом сообществе большое внимание уделяется доминирующему языку и языку меньшинств.

Помимо этого, в конкретном языковом сообществе может приниматься во внимание профессионально ориентированная деятельность. «Например, сотрудники узбекской национальности взаимодействуют на русском языке в российской компании, которая находится на территории Узбекистана. Это связано с тем, что сотрудники коммуницируют в русскоязычном коллективе, где доминирующая функция отведена русскому языку» [12].

Наравне с доминирующим языком большое значение придается языку меньшинств. Основываясь на юридической терминологии, «*языковое меньшинство*» функционирует не как доминирующее в количественном соотношении среди представителей титульной нации. Языковое меньшинство представляется гражданами данного государства, обладающими рядом определенных признаков (религия, расовая принадлежность, культура, этническая принадлежность, язык), которые отличают их от других представителей населения. При этом оно демонстрирует солидарность, которая направлена на сохранность языка, культурных, традиционных и религиозных ценностей и взглядов [3, с. 175]. Важно отметить, что языковое меньшинство иногда не уступает по количеству основной части населения. При соотношении людей в определенном языковом меньшинстве уделяется внимание не количественному признаку, а их доминирующей роли в рамках влияния на политику страну.

Среди представителей русскоязычных меньшинств, которые проживают в странах СНГ, многие в определенной степени владеют государственным языком. То есть, нами исследуется сообщество, которое населяет определенную территорию, где используются два языка. Необходимо подчеркнуть, что языковое сообщество и языковая ситуация могут отражаться на языковом доминировании, то есть доминирующий язык титульной нации и языкового меньшинства могут менять свой статус между собой [12, с. 61].

Значимость коммуникативно-политических факторов внутренней языковой политики любо-

го государства повышается за счет сложившейся современной языковой ситуации, которая может определяться либо для отдельных регионов, либо для всего государства [21]. Влияние на языковую политику оказывают лингвистические, политические и межкультурные аспекты. Языковая политика существенно влияет на способы, методы и этапы функционирования языка. Согласно мнению В. И. Клокова, «основными параметрами применения языковых мероприятий считаются следующие: взаимоотношения, основанные на национальном уровне, отношения, основанные на взаимопонимании государства и общества, процесс просвещения, культурно-эстетические взаимоотношения, научный, технический прогресс и религия» [10, с. 55].

Языковой политической процесс государства обозначается в определении, распространении и функционировании различных языков с целью служебного применения указанных областей. В данном случае акцент делается на официальный и неофициальный статус. Также вероятно использование языка на местном, чужом и заимствованном уровне [10, с. 90]. «Языковая политика направлена на установление языкового равенства, сохранение и защиту многоязычной культурной и языковой наследственности, а также обеспечения эффективной коммуникации между различными языковыми группами» [15, с. 104–107]. Важно подчеркнуть, что языковая политика должна быть направлена на уважение и защиту прав всех языковых групп, а не на дискриминацию или привилегирование какой-либо конкретной языковой группы [17, с. 104–107].

Языки непрерывно взаимодействуют между собой, вступая в языковые контакты. Это отражается на их историческом становлении [14, с. 120]. Процесс государственной политики в области языков направлен на конкретный язык, языковую группу, языковую ситуацию, которая формируется за счет языковых контактов [12, с. 45].

Различные теоретические и практические аспекты в сфере языковых контактов глубоко и всесторонне обозначены в работах У. Вайнрайха, где с научной точки зрения определяются «*языковые контакты*» как процессы взаимодействия между языками, которые происходят в многокультурном или многоязычном обществе, или в ситуации международных коммуникаций [2, с. 211]. В ходе языковых контактов языковая система изменяется под воздействием других языков в результате заимствования лексики, грамматики, фонетики и других элементов.

Языковые контакты могут приводить к появлению новых форм и языковых вариантов. Они также могут способствовать развитию культурного обмена и взаимопонимания между людьми разных культур и национальностей [13].

Проблема языковых контактов привлекает к себе внимание ученых из-за того, что формируются ситуации, когда люди с помощью различных языковых средств вступают в контакт между собой, говоря и взаимодействуя на разных языках [20, с. 60–61]. Есть основание полагать, что такие ситуации могут возникать в разных контекстах, например в международном бизнесе, туризме, миграционных потоках и т. д.

Одной из форм языковых контактов является языковая смесь, когда говорящие на разных языках используют элементы других языков в своей речи. Например, в Узбекистане распространены языковые смеси, в которых используются элементы русского и узбекского языков — так называемый узбекско-русский язык.

Другой формой языковых контактов является языковая адаптация, когда говорящие на одном языке вступают в контакт с говорящими на другом языке и начинают использовать элементы другого языка, чтобы лучше понимать друг друга.

Языковые контакты могут иметь различные последствия для языковой системы. Они могут привести к обогащению языковой системы, улучшению взаимопонимания и расширению культурного кругозора. С другой стороны, они могут привести к искажению языковой системы, сокращению функциональной нагрузки для некоторых языков и даже к исчезновению редких языков. Все вышесказанное находит отражение в языковой политике.

В своих трудах Н. Б. Вахтин и Е. В. Головкин определяют языковую политику как часть общей политики государства. При этом во внимание принимают важные функционирующие политические принципы государства, которые нашли свое отражение в языковом отношении. Языковая политика осуществляется на базе данных принципов в сфере планирования языковой ситуации [3, с. 163].

Особое значение отводится представлению правильного выбора модели языковой ситуации, которая будет оптимальной, отражающей взгляды, интересы и принципы населения страны, при этом создающей условия для благоприятного общественного взаимодействия [9, с. 47–51]. Цель языковой политики заключается в том, чтобы со-

действовать сохранению языкового многообразия, установлению языкового равенства, сохранению и защите многоязычной культурной и языковой наследственности, а также обеспечению эффективной коммуникации между различными языковыми группами [22].

Языковая политика может также быть направлена на решение конкретных проблем, таких как защита прав мигрантов, сокращение языковых барьеров для людей с ограниченными возможностями или на создание условий для развития межкультурного диалога.

Осуществляемая Узбекистаном языковая политика направлена на взаимодействие в области отношения государственного и других языков. Основопологающим фактором служит принцип многонациональности Республики Узбекистан, так как в государстве проживают представители разных народностей [8, с. 54–55].

В ходе реализации языковой политики Узбекистана формируются определенные условия для развития, поддержки обычаев, традиций и культуры всех национальностей, населяющих Узбекистан [8, с. 54–55]. Ввиду этого формируется актуальный вопрос возможного функционирования русского языка в Узбекистане. В последнее время правительство проводит ряд мероприятий направленных на популяризацию государственного узбекского языка [12, с. 66].

Как и многие другие страны, Узбекистан имеет многовековую историю. Русский язык имеет значительное присутствие в Узбекистане на протяжении многих десятилетий. История развития русского языка в Узбекистане тесно связана с политическими и социальными изменениями в стране, где он играл различные роли в качестве языка общения, администрирования и образования.

В рамках функционирования русского языка определяются периоды, когда изменялось количество русского населения, статус русского языка, его значение.

1. Период ханств (XVI–XVIII вв). Одной из основополагающих причин появления русского населения в регионе являлась работорговля. На территории от Предкавказья до Семиречья захватывали пленников в русско-кочевом пограничье. Появление большого количества русского населения связано с тем фактом, что в 1728 г. русские пленные возглавили восстание персидских и других рабов против хивинского хана Ширгази. Важно отметить, что в 1820 г. дипломатическая миссия А. Ф. Негри, которая посетила

Бухару, насчитала 500 русских. При этом появление русских в Средней Азии в данный период может быть связан не только с появлением их в качестве рабов, но и как дипломатов, купцов, путешественников, которые совмещали торговлю с дипломатическими обязанностями [11].

2. Колониальный период (1865–1917 гг.). В колониальный период русский язык стал официальным языком в Узбекистане в связи «с присоединением региона к Российской империи» [20, с. 143]. Он был использован в качестве языка общения, а также как язык правительства и администрации, что способствовало его распространению среди узбекского населения. Это время было характеризовано введением российской системы образования, в том числе и в узбекской среде.

В период с 1880-х по 1920-е гг. преподавание русского языка началось в местных школах и университетах [19]. Ключевым моментом в истории распространения русского языка в Средней Азии было открытие в 1865 г. Ташкентского университета. Этот университет стал центром просвещения и культуры для народов Центральной Азии, и здесь начали преподаваться не только русский язык, но и научные дисциплины, которые были востребованы в этом регионе [5, с. 254]. Русский язык также стал языком общения узбекской интеллигенции. Это ускорило процесс русификации региона, который был усилен в последние десятилетия. Важно отметить, что поступательный количественный рост русского населения в Средней Азии начинается в последней четверти XIX в. (рис. 1).

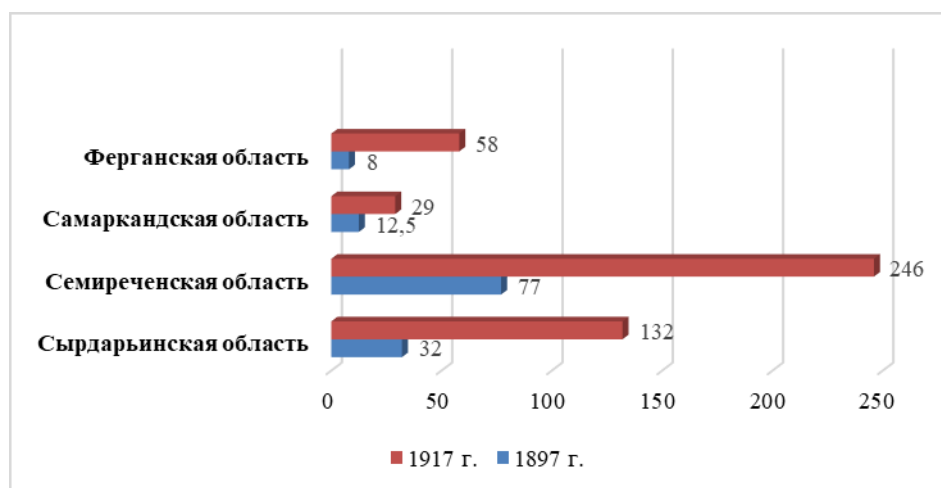

Рис. 1. Русские в Средней Азии по областям (тыс. человек)¹
Fig. 1. Russians in Central Asia by region (thousand people)

3. Ранний советский период. В период раннего Советского Союза (1920-е — 1930-е гг.) русский язык продолжал играть важную роль, укреплять свое положение в Узбекистане. В середине 1920-х гг. была создана Узбекская автономная Советская Социалистическая Республика, где русский язык стал одним из государственных языков [1, с. 158]. Он был языком науки, культуры, и международного общения. Советская власть проводила политику государственного единства и национальной политики, в рамках которой узбекский язык был признан национальным, а русский язык — вторым языком общения. В результате этой политики, русский язык стал рас-

пространяться в Узбекистане и был широко использован в государственных учреждениях, образовании, научных и культурных сферах. Кроме того, русский язык часто использовался в деловых кругах и в коммуникации между различными национальностями в СССР [1, с. 160]. Однако в это же время начала формироваться национальная политика, направленная на развитие узбекского языка и культуры, которые испытали настоящий расцвет.

4. Поздний советский период и постсоветский период. С конца 1980-х гг. и после распада Советского Союза в 1991 г., русский язык в Узбекистане потерял свою привилегированную позицию [1, с. 156].
5. Настоящее время (1991 г. — настоящее время). С политическими изменениями в 1991 г.

¹ Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/emp_lan_97_uezd.php?reg (дата обращения: 07.02.2023)

и получением Узбекистаном независимости, узбекский язык, получивший статус государственного языка еще 21 октября 1989 г.¹ становится единственным государственным языком, но русский язык все еще широко используется в различных сферах жизни, в том числе политике, экономике, образовании и культуре [7, с. 157–173]. Тем не менее в последующем узбекский язык стал всё более распространенным и популярным, и сейчас является государственным языком в Узбекистане. Несмотря на это русский язык также популярен среди узбекской молодежи, которая считает его важным для коммуникации с другими государствами. В настоящее время русский язык преподают в образовательных учреждениях Узбекистана, используют в сфере бизнеса и международных отношений, в научно-культурной сфере.

Проанализировав исторические предпосылки, оказавшие влияние на развитие русского языка в регионе можно обозначить временные отрезки, когда изменялся официальный статус русского

языка [12, с. 65]. Среди них:

- 1860–1930 гг.: закреплён статус официального языка в области делопроизводства и системы образования [16, с. 199];
- 1930–1989 гг.: обозначен равноправный статус русского и узбекского языков как официального языка [1, с. 167];
- 1989–1995 гг.: обозначен официальный статус узбекского языка, а за русским языком закреплено положение языка дружбы народов;
- 1995 г.: внесена поправка в закон «О государственном языке», где согласно последней редакции закреплён статус его расширенного и беспрепятственного употребления для взаимодействия между представителями различных национальностей в народе¹.

Важно отметить, что развитие и распространение русского языка связано с увеличением количества русских на территории Узбекской ССР [22]. Представим изменения количества русских согласно Всесоюзной переписи национального состава населения по Узбекской ССР (рис. 2).

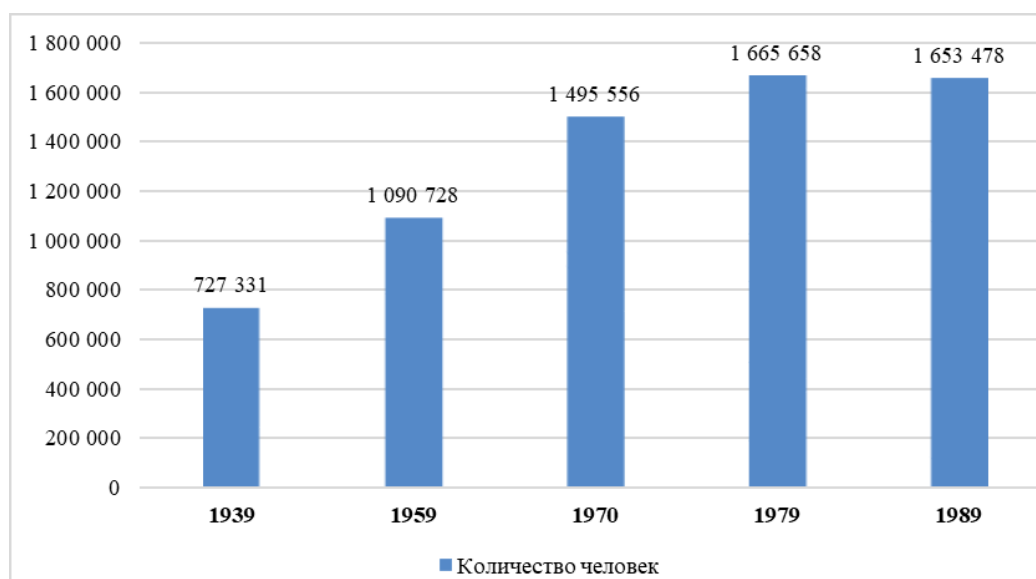

Рис. 2. Количество русских в Узбекской ССР 1939–1989 гг. (тыс. человек)³
 Fig. 2. Number of Russians in the Uzbek SSR 1939–1989 (thousand people)

Русский язык в Узбекистане начал менять свой статус с 1991 г. Правительство Узбекистана поощряло использование узбекского языка в школах и государственных учреждениях, а использование русского языка стало снижаться. Этот сдвиг был частично вызван желанием утвердить независимость страны, а также способствовать использованию узбекского языка, который был мар-

гинализован при советской власти. В этот период начался процесс уменьшения сфер применения и функционирования русского языка [12]. Такая тенденция привела к повышению миграционного потока в Российскую Федерацию представителей русской национальности [19].

² Там же (в новой редакции от 21 декабря 1995 года).

³ Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/emp_lan_97_uezd.php?reg (дата обращения: 07.02.2023).

Обратим внимание на тот факт, что в соответствии со статьей 35 Устава Содружества Независимых Государств (22 января 1993 г.) русскому языку отводится роль языка содружества в рамках делопроизводства и его функционирования¹. При этом «для русского языка предполагаются те же установки, что и для государственно-го» [12, с. 41].

На государства, входящие в состав СНГ, включая Узбекистан, возложена ответственность в области преподавания, воспитания, культуры и средств массовой информации с целью недопущения и предупреждения межнациональных конфликтов, а также сохранения взаимопонимания [12, с. 66].

В Узбекистане по-прежнему говорят по-русски и используют русский язык, особенно в городах и среди старшего поколения, выросшего в советское время, по-прежнему доступны русскоязычные СМИ и литература [11, с. 67]. В Узбекистане много людей, свободно владеющих русским языком. Сегодня статус русского языка в Узбекистане является отражением сложной истории страны и ее постоянных усилий по утверждению своей идентичности как независимой нации, сохраняющей при этом свои связи с более широким миром.

В Узбекистане русский язык представляет собой определенный «социальный знак» [12, с. 67]. К примеру, живущим в Ташкенте проще использовать русский язык в повседневной жизни, а население в сельской местности чаще коммуницирует на узбекском языке. Важно подчеркнуть, что такая тенденция не применима к ряду отдельных областей, анклавов и территорий, где проживают представители отдельных национальностей (таджики, каракалпаки). В таких случаях общение происходит на их родном языке [12, с. 43].

В 2019 г. был издан Указ Президента Республики Узбекистан «О мерах по кардинальному повышению роли и авторитета узбекского языка в качестве государственного языка»², где узбекскому языку отведена значимая роль использования во всех сферах социальной жизни страны. В то же время в последние годы в Узбекистане наблюдается тенденция в сторону поощрения многоязычия. В данном Указе отмечено, что необходимо

¹ Устав Содружества Независимых Государств (Минск, 22 января 1993 г.). URL: <https://lex.uz/docs/2888288> (дата обращения: 07.02.2023).

² О мерах по кардинальному повышению роли и авторитета узбекского языка в качестве государственного : Указ Президента Республики Узбекистан от 21 октября 2019 г. №УП-5850. URL: <https://lex.uz/ru/docs/4561747> (дата обращения: 07.02.2023).

создать одинаковые условия для народа, включая все нации и национальности, которые формируют население Узбекистана.

Все вышесказанное дает нам возможность сделать вывод, что правительство страны и его языковая политика не препятствуют существованию русского языка в Республике Узбекистан. Русский язык признается языком средства общения с соседними странами и русскоязычной диаспорой.

Отметим, что по итогам состоявшегося 13 октября 2023 г. заседания Совета глав государств СНГ в Бишкеке была учреждена Международная организация по русскому языку. Основной целью данной организации является поддержка и популяризация русского языка как языка межгосударственного общения, развитие сотрудничества по вопросам использования русского языка, включая его применение в роли средства доступа к мировым базам знаний и данных в области культуры, литературы, истории, а также укрепление статуса русского языка как официального и (или) рабочего языка международных и региональных межправительственных организаций и структур³.

На сегодняшний день в Узбекистане «среди актуальных проводимых мероприятий, которые положительно сказываются на поддержке языковой ситуации для русскоязычного населения Узбекистана можно привести в пример проект „Класс!“ (узб. — „Зўр!“)» [12, с. 68]. Проект «Класс!» реализован совместно с Министерством просвещения Российской Федерации, Министерством образования Узбекистана и фондом Алишера Усманова «Искусство, наука и спорт». Целью мероприятия служит развитие знаний в области русского языка [12, с. 68]. В рамках данного проекта планируется создание новых учебных материалов, проведение курсов повышения квалификации для учителей и привлечение зарубежных экспертов для разработки программ на русском языке. Безусловно, это отражается и на отношении между Россией и Узбекистаном, что примечательно в области качественного образования.

Заключение

Подводя итоги вышесказанному, необходимо отметить, что статус русского языка в Узбекистане претерпел ряд изменений. На его функционирование и значение повлиял ряд аспектов,

³ URL: https://cis.minsk.by/news/26252/itogi_zasedaniya_soveta_glav_gosudarstv_sng_%2813-oktjabrja_2023_goda%29 (дата обращения: 07.02.2023).

в частности переход от использования его в качестве официального языка к постепенному снижению его важности на фоне узбекского языка. В целом на отношении к русскому языку в Узбекистане отразились политические, экономические и культурные факторы. Это связано с переменами в политической и социальной сферах, а также с изменением языковой ситуации в стране. Однако, несмотря на то, что использование русского языка

сократилось, он остается важным языком в Узбекистане в области науки и культуры.

В итоге рассмотрения данного вопроса можно сказать, что русскоязычный контингент остается значимой составляющей населения Узбекистана с социально-этнической точки зрения, а русский язык продолжает эволюционировать с меняющимися потребностями и требованиями населения государства.

Список источников

1. Арутюнова М. А. Языковая политика и статус русского языка в СССР и государствах постсоветского пространства // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2012. № 1. С. 152–175.
2. Вайнрайх У. Языковые контакты. Киев : Вища школа, 1979. 263 с.
3. Вахтин Н. Б., Головкин Е. В. Социоллингвистика и социология языка. СПб.: Изд. центр «Гуманитарная академия» : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2004. 336 с.
4. Галецкий В. Ф. Социально-экономические последствия демографической глобализации // Проблемы прогнозирования. 2003. Вып. 6. С. 135–138.
5. Добросмыслов А. И. Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк. Ташкент, 1912. 542 с.
6. Жукова И. Н. Словарь терминов межкультурной коммуникации. М. : Флинта, 2013. 348 с.
7. Ибрагимов С. И. Узбекский алфавит и вопросы его совершенствования // Вопросы совершенствования алфавитов тюркских языков СССР. М. : Наука, 1972. С. 157–173.
8. Иноятова Д. М. Становление и развитие этнополитики в современном Узбекистане // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2014. № 1 (1). С. 54–55.
9. Каневский А. А. Языковая политика как вид национальной политики государства // Философия права. 2015. № 4 (71). С. 47–51.
10. Клоков В. Т. Языковая политика во франкоязычных странах Африки. Саратов, 1992. 130 с.
11. Кулмаматов Д. С, Добродомов И. Г., Романова Г. Я., Лукичев М. П. Статейный список посольства Савина Горохова и Анисима Грибова в Хиву и Бухару в 1641 г. М. : МПГУ, 1995. 71 с.
12. Лямкина В. А. Отношение жителей Узбекистана к русскому языку: опыт социоллингвистического исследования : дис. ... магистра. Москва, 2021. 92 с.
13. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. М. : Аспект-Пресс, 2000. 207 с.
14. Никольский Л. Б. Языковая политика как форма сознательного воздействия общества на языковое развитие // Язык и общество ; под ред. Ф. П. Филина. М., 1968. С. 111–130.
15. Пучкова Г. Т. Эволюция языковой политики // Наука, новые технологии и инновации. 2019. № 2. С. 104–107.
16. Ражабов Ф. Т. Региональные особенности развития сельского хозяйства Республики Узбекистан (на примере Кашкадарьинской области) // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2015. № 1 (4). С. 199.
17. Фридман Э., Шэйфер Р., Антонова С. А. Два десятилетия репрессий: неистребимость авторитарного контроля над средствами массовой информации в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2010. Т. 13, № 4. С. 116.
18. Этнический атлас Узбекистана. М., 2002. С. 189.
19. Allworth, E. The Modern Uzbeks—From the fourteenth century to the present, a cultural history. Stanford, CA: Hoover Institute Press, 1990.
20. Gramling David. The Invention of Monolingualism. Bloomsbury Publishing, 2016. P. 60–61.
21. Grenoble L. A. Language Policy in the Soviet Union. Springer Science & Business Media, 2003. 237 p.
22. Schlyter Birgit N. The Language Policy in Independent Uzbekistan. Stockholm, 1997.

References

1. Arutyunova MA. Language policy and status of the Russian language in the USSR and post-soviet states. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnyye otnosheniya i mirovaya politika = Bulletin of Moscow University. Series 25. International relations and world politics*. 2012;(1):152-175. (In Russ.).
2. Vaynrayh U. Jazykovye kontakty = Language contacts. Kiev: Vishha shkola; 1979. 263 p. (In Russ.).
3. Vahtin NB, Golovko EV. Sociolingvistika i sociologija jazyka = Sociolinguistics and sociology of language. St. Petersburg: Publishing center "Humanitarian academy"; 2004. 336 p. (In Russ.).
4. Galeckij VF. Sociological and economic results of demographic globalization. *Problemy prognozirovaniya = Problems of Forecasting*. 2003;(6):135-138. (In Russ.).
5. Dobrosmyslov AI. Tashkent v proshlom i nastojashhem. Istoricheskij ocherk = Tashkent in the past and today. Historical review. Tashkent; 1912. 542 p. (In Russ.).
6. Zhukova IN. Slovar' terminov mezhkul'turnoj kommunikacii = Dictionary of the international communication terms. Moscow: Flinta; 2013. 348 p. (In Russ.).
7. Ibragimov SI. Uzbek alphabet and its perfecting issues. In: Voprosy sovershenstvovaniya alfavitov tyurkskikh yazykov SSSR = USSR Turkic alphabet perfection issues. Moscow: Nauka; 1972. Pp. 157-173. (In Russ.).
8. Inojatova DM. Formation and development of ethnic policy in modern uzbekistan. *Vestnik Omskogo universiteta = Bulletin of Omsk University*. 2014;(1(1):54-55. (In Russ.).
9. Kanevskiy AA. Language policy as type of national policy of the state. *Filosofija prava = Philosophy of Law*. 2015;(4(71):47-51. (In Russ.).
10. Klokov VT. Jazykovaja politika vo frankojazychnyh stranah Afriki = Language policy in African French-speaking countries. Saratov, 1992. 130 p. (In Russ.).
11. Kulmamatov DS, Dobrodomov IG, Romanova GJa, Lukichjov MP. Statejnyj spisok posol'stva Savina Gorohova i Anisima Gribova v Hivu i Buharu v 1641 g. Moscow; 1995. (In Russ.).
12. Lyamkina VA. Otnoshenie zhitelej Uzbekistana k russkomu jazyku: opyt sociolingvisticheskogo issledovaniya = the Uzbekistans attitude towards Russian language: sociological study. Master degree thesis. Moscow, 2021. 92 p. (In Russ.).
13. Mechkovskaja NB. Social'naja lingvistika = Social linguistics. Moscow: Aspekt-Press; 2002. 207 p. (In Russ.).
14. Nikol'skiy LB. Language policy as the form of conscious influence on language development. In: Jazyk i obshhestvo = Language and society. Moscow; 1968. Pp. 111-130. (In Russ.).
15. Puchkova GT. Evolution of language policy. *Nauka, novye tehnologii i innovacii = Science, new technologies, innovations*. 2019;(2):104-107. (In Russ.).
16. Razhabov FT. Regional peculiarities of the agriculture development in the Uzbekistan Republic. *Social'no-jekonomicheskaja geografija. Vestnik Associacii rossijskih geografov-obshhestvovedov = Social and economic geography. Bulletin of the Russian geographers*. 2015;(1(4):199. (In Russ.).
17. Fridman Je, Shhejfer R, Antonova SA. Two decades of repressions. *Central'naja Azija i Kavkaz = Central Asia and Caucasus*. 2010;13(4):116. (In Russ.).
18. Etnicheskiy atlas Uzbekistana = Encyclopedic Uzbekistan Atlas. Moscow; 2002. 189 p. (In Russ.).
19. Allworth E. The Modern Uzbeks — From the fourteenth century to the present, a cultural history. Stanford, CA: Hoover Institute Press; 1990.
20. Gramling David. The Invention of Monolingualism. Bloomsbury Publishing; 2016. pp. 60–61.
21. Grenoble L.A. Language Policy in the Soviet Union. Springer Science & Business Media; 2003. 237 p.
22. Schlyter Birgit N. The Language Policy in Independant Uzbekistan. Stockholm; 1997.

Информация об авторе

В. А. Лямкина — заместитель декана по научной работе и инновациям факультета русской филологии Узбекского государственного университета мировых языков.

Information about the author

Viktoriya A. Lyamkina — Vice-dean for Research and Innovation, Faculty of Russian Philology, Uzbekistan State University of World Languages.

Статья поступила в редакцию 17.04.2023; одобрена после рецензирования 27.12.2023; принята к публикации 22.03.2024.

The article was submitted 17.04.2023; approved after reviewing 27.12.2023; accepted for publication 22.03.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81

doi: 10.47475/1994-2796-2024-485-3-102-117

ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОВЕДЕНИЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН)

Елена Владимировна Шелестюк¹, Алтыnguль Жакиповна Суюнбаева²

¹ Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, shelestiuk@yandex.ru,
ORCID ID: 0000-0003-4254-4439

² Военный институт Сил воздушной обороны, Актобе, Казахстан, altin_suenbaeva@mail.ru,
ORCID ID: 0000-0002-0676-2028

Аннотация. Анализируются терминосистемы и профессиональное общение в постсоветских государствах на примере Республики Казахстан. Дан экскурс в историю языкового развития евразийских и среднеазиатских стран, достижений языкознания тюркских и иранских государств, имперского и советского периодов. Представлены вехи работы над терминологическими словарями в КазССР. Основателями казахского языкознания термины рассматривались как средство научной коммуникации, передачи сложной мысли, новой информации, возвышения человеческого разума; термин должен создаваться не из искусственных символов и затемненных иноязычных основ, но на морфологическом материале национальных языков, с учетом факторов культурного кода и обновления памяти народа. Выявлено следование принципу коренизации терминологии в советский и постсоветский периоды казахского языкознания. Способы заимствования в казахской терминологии ранжируются так: калька (включая экспликацию и эквивалент); полукалька-интернационализм; гибридизация интернационализмов с исконными или глубоко ассимилированными аффиксами; калькированный перевод аббревиаций и акронимов; полная транслитерация/транскрипция. Проанализирована лексика казахского и русского сегментов двуязычного словаря военно-авиационной терминологии на предмет исконных слов и заимствований. Выявлено 3223 (65 %) русских слов и 1751 (35 %) фонографических интернационализмов в русском сегменте словаря против 4920 (82 %) казахских слов и 1032 (17 %) интернационализмов в казахском. Пример показывает, что степень форенизации русской терминологии существенно выше казахской. Обозначены проблемы развития казахских подязыков науки и профессиональной коммуникации в высокотехнологичных областях (авиации). Основное препятствие, ставящее под сомнение целесообразность коренизации профессиональной коммуникации, — ограниченность функционирования подязыков границами отдельного государства. Также есть проблемы подбора национальных слов-эквивалентов, обозначающих новые технологии или понятия; переключения кодов в коммуникации разноязычных специалистов; длительности разработки стандартов для использования и перевода терминологии, согласования с практикой; высоких затрат при внедрении новых терминов и профессиональных штампов, переподготовке персонала, изменении документации и информационных систем и т. п.

Ключевые слова: словарь, специализированная лексика, термин, терминология, профессиональный подязык, подязык науки, носители языка, коренизация лексики

Для цитирования: Шелестюк Е. В., Суюнбаева А. Ж. Проблемы терминоведения и профессиональной коммуникации на постсоветском пространстве (на примере Республики Казахстан) // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 3 (485). С. 102–117. doi: 10.47475/1994-2796-2024-485-3-102-117

Original article

PROBLEMS OF TERMINOLOGY AND PROFESSIONAL COMMUNICATION IN THE POST-SOVIET SPACE (CASE STUDY OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN)

Elena V. Shelestyuk¹, Altyngul Zh. Suyunbayeva²

¹ Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, shelestiuk@yandex.ru, ORCID ID: 0000-0003-4254-4439

² Military Institute of the Air Defense Forces, Aktobe, Kazakhstan, altin_suenbaeva@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-0676-2028

Abstract. Terminology and professional communication in post-Soviet states are analyzed, as exemplified by the Republic of Kazakhstan. An excursus into the history of linguistic development of Eurasia and Central Asia, achievements of Turkic and Iranian countries in compiling dictionaries, imperial and Soviet periods. The groundbreaking terminological works and dictionaries in the Kazakh SSR are presented. The founders of Kazakh linguistics considered the term as a means of scientific communication, transfer of complex thought, new information, elevation of human reason; the term should be created not from artificial symbols and obscured foreign language morphemes, but from the morphological material of national languages, taking into account the factors of the cultural code and continuity of the memory of the people. The principle of localization of terminology in the Soviet and post-Soviet periods of the Kazakh language was nearly inviolately observed. The methods of borrowing terminology in Kazakh rank as follows: calque (including explication and equivalent); internationalism-semicalque; hybridization of internationalisms with genuine native or deeply assimilated affixes; calque translation of abbreviations and acronyms; full transliteration/transcription. The lexicon of the Kazakh and Russian segments of the bilingual dictionary of military-aviation terminology was analyzed on the subject of original words and borrowings. 3223 (65 %) Russian words and 1751 (35 %) phonographic internationalisms were identified in the Russian segment of the dictionary against 4920 (82 %) Kazakh words and 1032 (17 %) internationalisms in Kazakh. The example comes to prove that the degree of forenization of the Russian terminology is significantly higher than that of the Kazakh one. Problems of the development of Kazakh science and professional communication sub-languages in high-tech areas (aviation) are constated. The main obstacle that calls into question the expediency of the korenization of professional communication is the limitation of the functioning of sub-languages by the borders of the Republic of Kazakhstan. There is also a problem with the selection of national equivalent words denoting new technologies or concepts; code switching in the communication of multilingual specialists; duration of standards development for terminology use and translation, their coordination with practice; high costs when introducing new terms and professional cliches, retraining personnel, changing documentation and information systems, etc.

Keywords: dictionary, specialized vocabulary, term, terminology, professional sublanguage, sublanguage of science, native speakers, indigenization of lexis

For citation: Shelestyuk EV, Suyunbayeva AZh. Problems of terminology and professional communication in the post-Soviet space (case study of the Republic of Kazakhstan). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(3(485)):102-117. doi: 10.47475/1994-2796-2024-485-3-102-117

Введение

Стандартизация письменности, разработка словарей и терминологических систем живых языков предполагают существенную подготовительную работу, в ходе которой накапливается корпус текстов на изучаемом языке, составляются глоссарии, описываются и систематизируются фонетика, грамматика, лексика того или иного языка. Все это становится подспорьем для развития лексикографии, составления словарей и грамматик, столь необходимых для успешных контактов группы людей с разными языками. В свою очередь, словари и справочники как инструменты кодификации языка способствуют развитию письменности и словесности, литературного, официального и научного функциональных стилей, общенаучного языка и подъ-

языков отдельных отраслей науки, техники, производства. Разумеется, лингвистические исследования часто соседствуют с географическими, натуралистическими, этнографическими изысканиями, методико-педагогической деятельностью, ср. работу П. С. Палласа, Н. И. Ильминского, П. К. Услара, В. В. Радлова, В. Н. Васильева, А. А. Шахматова, Ф. Боаса, Э. Сепира, Б. Уорфа, М. Сводеша и др. Одновременно с обеспечением понимания языка лексикографический процесс важен для сохранения и продвижения культурного наследия и идентичности этносов многонациональных государств.

Отметим богатый опыт евразийских и среднеазиатских стран, начиная с ранних тюркских и иранских государств, затем Российской империи и советского периода языкознания,

в исследованиях и строительстве языков национальностей, лексикографировании, развитии образования, словесности, печати на языках автохтонных народов, взаимодействия и взаимопроникновении языков и культур. Важным целеполаганием в языковом строительстве, просвещении и образовании на евразийском континенте было возвышение национальных культур и трансформация национальных языков в полноценные языки образования и науки. Результат такого целеполагания очевиден, ср., например, тот факт, что потенциал евразийских языков к научному описанию и, собственно, сам объем научно-исследовательской продукции на них (например, на языках Средней Азии) значительно больше, чем на языках, где такого целеполагания не было¹.

Согласно первой российской переписи 1897 г., в России существовало 146 языков/наречий и народов². Основные коренные народы Средней Азии и значительная часть народов Кавказа идентифицировались не как национальности, но как мусульмане (магометане)³. За XX век языки всех этих народов стали письменными, несколько десятков из них стали языками образования и науки, на них печатались научные издания, составлялись словари. В XXI веке этот процесс углубился, но и усложнился в связи с трудностью переработки массивов научно-технической информации и ассимиляции ее национальными языками.

Цель данной статьи — осветить проблемы терминоведения и профессиональной коммуникации в профессиональной среде на постсоветском пространстве на примере Республики Казахстан. Для

¹ Ср. структуру образования и научных публикаций национальностей и этносов Европы, где на уровнях высшего образования и науки преимущественно наблюдается переход на английский язык.

² В окончательных итогах переписи 1897 г. не упомянуты азербайджанцы, которые причислялись к «татарам» или «тюркам», под названием «киргизы» подразумевались как сами киргизы, так и казахи, туркмены объединены с таджиками и отнесены к народам индоевропейской языковой семьи. Перепись 1926 г. и последующие выявили свыше 190 этнических единиц и около 150 языков.

³ Узбеки, таджики, туркмены, киргизы, каракалпаки, казахи, башкиры, большинство татар, почти все коренное население Северного Кавказа (черкесы, кабардинцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы, часть осетин и др.), народы Дагестана (кумыки, авары, лезгины, табасаранцы, лакцы и др.), часть абхазов, грузин и азербайджанцев являлись суннитами, большинство же азербайджанцев, как и курды, талыши и часть татов, исповедовали ислам шиитского толка. К особой шиитской секте — исмаилитской — принадлежали многочисленные народности Памира [7, с. 23].

того, чтобы понять современную языковую ситуацию и ее особенности в высоких сферах языкового функционирования, сделан экскурс в историческое развитие казахского языкознания и терминоведения. Одной из задач данного исследования является выяснение степени форенизации казахской терминологии, для чего нами вычислялось процентное соотношение фонографических заимствований и терминов, образованных с помощью казахского морфемного материала на материале лексики словаря военно-авиационных терминов. Также произведен разбор конкретной языковой ситуации в сфере подязыка авиации Казахстана. Мы полагаем, что выводы могут быть экстраполированы на ситуации в других высокотехнологичных областях Республики Казахстан.

Вехи истории казахского языкознания и терминоведения

Если обратить внимание конкретно на историю казахского языкознания, то литературный казахский язык сформировался здесь во 2-й половине XIX в. В дореволюционной тюркологической литературе он назывался казак-киргизским, киргизкайсацким (кайсакским) или киргизским. Для развития литературного языка XIX в. большое значение имела общественно-культурная деятельность просветителей Чокана Валиханова (1838–1865), Ибрая Алтынсарина (1841–1889), Абая Кунанбаева (1845–1904). В Казахстане появилась письменность, которая, как и у многочисленных мусульманских народностей Средней Азии и Кавказа, была основана на арабском алфавите⁴. На арабизированной графике во второй половине XIX в. появились грамматические трактаты, двуязычные словари. «Киргизская хрестоматия» И. Алтынсарина вышла в 1879 г. в Оренбурге, здесь же выходили и другие учебные пособия. В 1912 г. на арабской графике вышло книг общим тиражом около 800 тыс. экз., в Казахстане было издано газет и журналов общим тиражом в 36 тыс. экз., в т. ч. газета «Казахстан», журнал «Айкап». Со своими произведениями до революции выступали представители прогрессивной казахской интеллигенции Сабит Донентаев, Султанмахмут Торайгиров, Мухамеджан Сералин, Спандияр Кубеев, Беимбет Майлин, Сакен Сейфуллин, Таир Жомарбаев и др. Однако их творчество не было доступно

⁴ В разной степени арабскую графику приспособили к своим языкам 16 различных народностей (узбеки, таджики, казахи, азербайджанцы, татары, чеченцы, ингуши, кабардинцы, карачаевцы, адыги, кумыки, аварцы, лакцы, табасаранцы, лезгины, балкарцы).

почти сплошь неграмотным широким массам. До революции казахский язык не мог стать общенациональным стандартизированным литературным языком. В распространенном книжно-литературном языке «тюрки» употреблялось множество архаических грамматических форм и лексических образований, что усугублялось архаичностью арабской графики, плохо приспособленной к казахскому языку [7].

Эпоха становления казахского языкознания пришлась на вторую половину XIX века, когда были опубликованы ряд работ и учебников по грамматике: «Материалы к изучению киргиз-казахского наречия» Н. И. Ильминского (1861), «Грамматика турецкая, персидская, киргизская и узбекская» М. А. Терентьева (1875), «Краткая грамматика казах-киргизского языка» П. М. Мелиоранского (1894, 1897), «Грамматика киргизского языка» В. В. Катаринского (1897). До становления национального языкознания были изданы около 40 словарей. Назовем несколько важных словарей языков Средней Азии до XX века: «Собрание тюркских наречий» («Диван Лугат ат-Турк») [Махмуд Кашгари (1005-1101 гг.)], содержит слова и фразы на различных тюркских языках, включая узбекский, туркменский, казахский и др.); «Русская культура в персидских наречиях Туркестана» (В. П. Наливкин, Казань, 10000 слов и словосочетаний, 1889 г.); «Киргизская хрестоматия с русско-киргизским словарем» (А. Е. Алекторов, 1898, 1907 гг.); «Русско-татарский и татарско-русский словаря политических, юридических, военных и многих других терминов» («татарский» = азербайджанский, автор Узеир Гаджибеков, 1907 г.); «Опыт словаря тюркских наречий» (В. В. Радлов, т. I–IV. СПб., 1888–1911), «Русско-киргизский словарь» (Токаш Бокин, 1913); «Русско-Киргизский словарь» (=русско-казахский словарь, издание Переводческой Комиссии при Управлении Казанского Учебного Округа, 1916 г.).

В советский период началось национально-государственное строительство этнических образований, сопровождающееся культурной революцией. Последняя включала решение языковых проблем, языковое строительство и развитие, необходимое для развивающихся печати и просвещения, науки и образования. Начиная с 20-х гг. XX века происходило усовершенствование и создание письменности, разработка орфографии и терминологии. Наблюдался резкий рост печатной продукции на языках национальностей и народностей бывшей Российской империи. Было издано множество языковых и толковых слова-

рей, двуязычных национально-русских и русско-национальных словарей, справочников, научных трудов, монографий, учебников и учебных пособий на языках и по языкам народов России и республик СССР.

Было приложено много усилий для стандартизации и развития технической терминологии на языках национальностей. Ежегодно по несколько изданий в год выпускались специальные терминологические словари и справочники на языках национальностей¹. Лексикографы работали над созданием переводных и толковых словарей, специализированных терминологических словарей и справочников, занимались систематизацией и уточнением терминов, определяли их правильное использование. Создание подязыков науки было важным шагом в развитии научно-технических отраслей в республиках. Это позволило специалистам национальностей, в числе прочего, эффективно общаться и передавать информацию на родном языке, обеспечило эффективность и безопасность технических операций.

Если говорить непосредственно о Казахстане, то важным периодом национального строительства здесь было десятилетие 1926–1936 гг., когда сначала образовалась казахская автономия, называвшаяся Киргизской АССР и входившая в состав РСФСР, а затем с принятием конституции 1936 г. была создана самостоятельная Казахская Советская Социалистическая республика. Культурная революция 1917–1930 гг., сопровождавшая этот процесс, предполагала решение языковых проблем. Языковое строительство в Казахстане включало усовершенствование и создание письменности, разработку орфографии и терминологии, что способствовало успешному развитию печати, образования и просвещения, науки. В целом стандартизированный литературный казахский язык и его терминосистемы сформировались в советское время.

Изначально в Казахстане, как и в других мусульманских регионах Российской империи, печать осуществлялась на неадаптированной арабской графике. При советской власти были предприняты попытки усовершенствовать арабское письмо. В 1912–1924 гг. Ахмет Байтурсинов, выдающийся исследователь и создатель терминосистем, связанных с казахским языкознанием, литературой, методологией, историей, этнографией,

¹ См., например, хронологию выпуска казахских терминологических изданий за XX век и далее на URL: <https://termincom.kz/bibliography/?bid=2> (дата обращения: 23.09.2023).

разработал реформу казахско-арабской письменности: учитывая гармонию гласных в казахском языке, предложив обозначать парные гласные переднего и заднего ряда одинаковыми графемами, но специальным знаком указывать сингармонический ряд перед каждым словом [3, с. 275]. Первый утвержденный свод орфографических правил был принят в 1924 г. В этих правилах, утвержденных Наркомпросом и Казахской научной комиссией, алфавит был приспособлен к звуковому строю казахского языка, он насчитывал всего 24 буквы.

Состоявшийся в июне 1924 года в Оренбурге I съезд казахских научных сотрудников проголосовал о переходе на латиницу. Тюркологический съезд 1926 г. в Баку закрепил курс на романизацию алфавита тюркских языков. К 1927 г. основная часть учащейся молодежи вузов, техникумов, совпартшкол встала на сторону нового алфавита; «арабисты» теряли свои позиции, хотя продолжали пассивное сопротивление. В том же году был создан Комитет нового казахского алфавита, разрабатывавший варианты латинизированного алфавита. Окончательный вариант латинизированного алфавита, включавший 32 буквы, был принят ЦИК и Совнаркомом Казахстана в 1938 г. и внедрялся под руководством Комитета нового казахского алфавита. К 1939 г. учебники и методические пособия уже издавались на новой графике. Однако в издательском деле отмечалось отставание в выполнении намеченных планов. С ноября 1940 г. письменный казахский язык в СССР был переведен на кириллицу, разработанную выдающимся лингвистом С. Аманжоловым и состоящую из 42 букв. Казахский кириллический алфавит был признан весьма удачным. Усилиями казахстанских лингвистов была завершена научная разработка основ грамматики и орфографии казахского языка.

С 1918 г. на казахском языке в большом количестве издавались новые газеты и журналы («Думы Казахстана», «Жизнь», «Верный путь», «Вестник Семиреченского трудового народа», «Голос бедняка», «Казахское слово», «Учитель» и др.). С 1922 г. издавались произведения литературы и учебные пособия для казахских советских школ. Тогда же была создана Терминологическая комиссия, перед которой ставилась задача «создать научный казахский язык». На казахском языке начали выходить книги и брошюры по сельскому хозяйству, медицине, юриспруденции и проч., в которых появлялись сотни новых терминов. В Казахстане, как и в других национальных республиках СССР, появились институты, университеты и академии, которые занимались разра-

боткой и стандартизацией терминологии. Вот некоторые из русско-казахских, казахско-русских, общих и специальных лингвистических и толковых словарей на казахском языке, изданных в советское время в Казахстане: сост. Г. Б. Бегалиев, М. Ф. Гаврилов (1936 г.); военных терминов, сост. С. Аманжолов, Г. Мусабаев, Ю. Цунвазо, К. Адайханов (1942 г.); сост. С. Жиенбаев, Ш. Кокумбаев, ред. М. Балакаев (1945 г.); сост. Х. Махмудов, Г. Мусабаев, Н. Сауранбаев (1954 г.); толковый, ред. С. Кенесбаев (1959 и 1961 гг.); сост. Г. Бегалиев, Х. Махмудов, Г. Мусабаев (1959 г.); толковый в 10 томах, ред. А. И. Искаков, сост. М. Журсинова и др. (1974–1986 гг.); фразеологический, И. Кенесбаев (1977 г.); сост. Х. Махмудов, Г. Мусабаев (1987 г.); сост. К. Бектаев (1989 и 1991 гг.) и др.

С 1923 по 1991 гг. терминологические словари и справочники издавались в Казахстане в широком диапазоне научных и производственных областей¹. Для создания надежных и авторитетных ресурсов к сотрудничеству широко привлекались специалисты в областях, составляющих предмет словарей и смежных с ними, представители образовательных учреждений, эксперты-носители языка. В том числе были созданы словари металлургической промышленности, горного дела, геологический, добычи полезных ископаемых, археологический, географический, почвоведения, бурения, физический, астрономии, строительства и строительных материалов, механизации сельского хозяйства, сельскохозяйственный, биологии, ботаники, зоологический, химический, рыболовства, физиологии и биохимии растений, анатомический, медицинский, глазных болезней, ветеринарный, механизмов и машин, машиностроения, психологический, философский, эстетических терминов, экономический, общественно-политический, социально-экономический, исторический, общественно-научный и основ права, юридический, народонаселения, демографический, музыкальный, библиотечный, лингвистический, физического воспитания, культуры и спорта, математический, компьютерный, потребкооперации, железнодорожный, гражданской обороны и ряд других. Наиболее известными являются словари: научно-технический, ред. С. А. Аманжолов (1959–1962 гг.); по химии, Б. Биримжанов, С. Омаров (1969 г.); по ветеринарии, А. Мырзамадиев (1969 г.); по машиностроению, Д. Серикбаев и др. (1974 г.); по психологии,

¹ Ср. хронологию выпуска казахских терминологических изданий на URL: <https://termincom.kz/bibliography/?bid=2> (дата обращения: 23.09.2023).

Х. Жарыкбаев, А. Абдрахманов (1974 г.); социально-экономических терминов, сост. М. Насырова, ред. С. Байшев (1976 г.); математический, К. Бектаев (1986 г.). Среди постсоветских русско-казахских и казахско-русских терминологических словарей упомянем: по информатике и вычислительной технике, ред. М. Б. Касымбеков, науч. рук. А. К. Кусаинов (2014 г.); русско-казахско-английский железнодорожный, ред. В. Ю. Чепец, А. Д. Омаров (2016 г.) и др.

Концепции развития казахского терминоведения в XX–XXI вв.

В работах Е. Омарова, А. Байтурсынова, К. Жубанова можно увидеть страницы, на которых представлены принципы терминообразования, оптимальные для казахского и других языков. В этом плане важен уже упомянутый июньский 1924 г. I съезд казахских научных сотрудников в Оренбурге, собравший ученых Казахстана с разными взглядами, на котором были утверждены первые принципы формирования казахской терминологии. «Обработка большого количества документов, хранящих тепло рук Ахмета Байтурсынова, Смагула Садвокасова, Нугмана Залиева, Назира Тюрякулова, Халела Досмухамедова, Аспандияра Кенжина, Мухтара Саматова, Мухтара Мурзина, Елдеса Омарова, Молдагула Жолдыбаева, Миржакыпа Дулатова, позволила выявить доказательства активного участия национальной интеллигенции в выработке методологии и стратегии краевых научных изысканий». Как упоминалось выше, на съезде проявила себя модная в то время идея латинизации национальных языков: с перевесом в один голос съезд казахских научных сотрудников проголосовал о переходе на латиницу (за позицию Назира Тюрякулова — 9, за позицию Ахмета Байтурсынова — 8 голосов; окончательным был принят проект Тюрякулова) [13].

Но, пожалуй, более знаменательным для казахского языковедения стало то, что одним из главных вопросов повестки дня были признаны проблемы терминологии. На съезде впервые были представлены основные направления формирования национального терминологического фонда, принципы развития терминологии, и после всестороннего обсуждения съезд официально утвердил их.

Халелом Досмухамедовым, Елдесом Омаровым, Ахметом Байтурсыновым и прочими был акцентирован критерий ясности, этимологической прозрачности новых терминов, не потерявший своего значения и по сей день. Е. Омаров

(Омарулы) отмечал, что новое, прежде неизвестное слово не сразу понятно народу. Но если предметное слово взято из казахского языка и передает соответствующее понятие, понять его не составит труда. Поэтому предметное слово должно по возможности быть взято из казахского языка.

Основными принципами казахского терминоведения были провозглашены следующие положения¹ [11, с. 171–172]:

- казахские предметные слова должны быть взяты из родного казахского языка; при добавлении суффикса к корню казахских слов и образовании нового слова суффиксы следует выбирать определенным образом;
- тематические слова, не встречающиеся в казахском языке, следует искать у других тюркских народов²;
- общие предметные слова, впитавшиеся в языки европейских народов, должны быть внесены в законы казахского языка и взяты в качестве предметных слов;
- тематические слова, взятые из языков, отличных от казахского, должны быть изменены в соответствии с законами казахского языка³;
- должен быть создан ученый совет русского и казахского терминообразования, рассматривающий и принимающий казахские предметные слова; предметные слова

¹ Архив Президента Республики Казахстан. Ф. 139. Оп. 1. Д. 727. Материалы газет. 1923–1924 гг. Л. 96–112.

² Ахмет Байтурсынов дополнял это положение: «в отсутствие в казахском языке подобного рода слов, заимствовать таковые из родственных казахскому языков. Это делается по тем соображениям, что: 1) большинство слов родственных языков хотя и не имеют общих форм, но имеют общие корни, следовательно, они и для понимания легче, и для слуха, и для выговора не так чужды, как слово неродственного языка; 2) тюркские народности имели и имеют постоянное общение. Языковые процессы в современном Казахстане... (связаны) между собою, а потому большинство слов одного языка, без наличия общих корней, может быть знакомо представителям другого языка» (цит. по [11, с. 30]).

³ Вместе с тем и казахский язык претерпевал изменения в связи с заимствованными словами. В 1960-е гг. Кудайберген Жубанов констатировал, что «перспектива развития казахского языка, тенденция обогащения этого языка терминами и словами, обозначающими технику и действия современной культуры, из иностранных языков (преимущественно из русского) не дадут возможности так просто их игнорировать. Из учета этого и необходимости унификации алфавита с остальными (алфавитами) тюркских народностей следует ввести в (казахский) алфавит эти три согласные буквы: ф, һ и х» [5, с. 142].

предварительно отбираются специалистами и проверяются независимыми экспертами; после того как принятые слова будут опубликованы в печати, рассмотрены и подвергнуты критике широкими массами, они должны быть вынесены на рассмотрение комиссии и приняты согласно решениям;

- должны составляться алфавитные словари казахских терминов.

Доклад по предметным словам горячо обсуждался делегатами съезда и был одобрен. Его положения отражали движение по созданию новых терминов, когда многие термины создавались на национальном языке. Заметный след в раннем научном казахском терминоведении и языкознании оставил А. Байтурсынов (Байтурсынулы), разработавший методы терминологии и применивший их в своей практике [11]. Хорошо зная русскую терминологию, ее свойства и рационально используя материал национального языка, он создал термины, которые прочно вошли в терминологический лексикон казахского языка, устоялись, используются без изменений и по сей день. Некоторые термины геометрии, физики и медицины впервые ввел в казахский язык Е. Омарулы через учебники (при переводе с немецкого языка через русский язык). Так, все следующие названия в его учебнике «Геометрия» являются терминами, созданными автором: *площадь — аудан, величина — көлем, грань — жиiek, способ деления — бөлу амалы, стык — қосынды, дуга — дога, окружность — шеңбер, касательная — жанама, ребро — қабырға, крест — керме, сечение — қиылыс, горизонталь — көлденең* и т. д. Х. Досмухамедулы, разбиравшийся в психологии, физиологии, медицине, анатомии, хорошо понимал значение терминов для этих областей науки. Словарь русско-казахских соответствий приведен в учебнике Х. Досмухамедулы «Характерная жизнь человека» (1927 г.). Много новых имен мы находим в его терминологических трудах: *нервная система — жүйке жүйесі, нервный узел — жүйке түйіні, нервный центр — жүйке орталығы, двигательный нерв — қозғалғыш жүйке, возбуждение — қозу, чувствительный нерв — сезім жүйкесі* и др. Ж. Аймауытулы создавал термины в области психологии, А. Конкашпаулы — географические названия, М. Жумабаев — педагогические термины.

Продолжая эту линию, на состоявшемся в 1926 г. в Баку «Первом съезде тюркологов» А. Байтурсынов представил следующие принципы создания казахской терминологии:

- в качестве терминов принимать казахские слова, передающие полный смысл понятий;
- если таких слов нет в казахском языке, следует брать их из родственных языков;
- можно принимать широко используемые в мире термины, но их следует изменять в соответствии с природой казахского языка;
- слова всех других языков, не соответствующие природе казахского языка, должны быть изменены в соответствии с произношением казахского языка [11, с. 172].

Особенностями терминологических «идиом», созданных А. Байтурсынулы, являются точность определяемого понятия, «казахскость» наименования, единичность термина, ясность выражения¹.

Жизнеспособность терминов, созданных казахской интеллигенцией в 1920–1930 гг., связана с глубоким пониманием ими связи понятия и наименования, с тем, что прежде чем приступить к созданию терминов они исследовали понятия, изучали вопросы лексикологии, терминологии и концептологии [8].

Можно сказать, что в раннем научном казахском языкознании виделись положения развившихся в XX веке философии языка, когнитивной лингвистики, социолингвистики. Как средство научной коммуникации в обществе термины, передающие новую сложную мысль, способствуют появлению информации нового качества, расширяют научный кругозор и объем знаний. Они же напоминают об идеале, возвышают человеческий разум, дух. Важным требованием к образованию терминов является их соответствие национальным и социальным потребностям и интересам. Для этого желательно, чтобы термин был создан не из искусственных символов и затемненных иноязычных основ, смысл которых известен только специалистам, но на национальных языках, с учетом факторов культурного кода и обновления памяти народа на новом витке истории.

Итак, суть терминоведения в казахском языке, как она понималась интеллектуалами во главе с Байтурсынулы, состоит в том, что следует создавать термины в соответствии с природой родного языка, с точки зрения национального языкового интереса и знания. Термины должны быть

¹ Салкынбай А. Б. Қазақ тіл білімі ғылымының қалыптасуы мен дамуы [Становление и развитие казахского языка, науки и образования]. URL: <https://juldiz.info/%D2%9Baza%D2%9B-til-bilimi-%D2%93ylymyny%D2%A3-%D2%9Balyptasuy-mendamuy/> (дата обращения: 10.09.2023).

написаны на исконном языке, с использованием исконного материала, важна *коренизация (национализация) терминологии*.

С начала языкового строительства, в т. ч. терминосистем, в СССР большое значение придавалось использованию внутреннего богатства национальных языков. Если этот импульс запустил ограниченное действие, как полагают некоторые лингвисты, следует подумать, почему. В соответствии с нынешним уровнем общественного сознания и положением языка в казахстанском обществе, запрос на коренизацию профессиональной коммуникации имеется. В связи с этим важно выяснить, насколько активно казахский язык создает термины и заимствует их (из русского, турецкого, арабского, иранского, английского), в какой степени его богатство используется в процессе терминообразования, насколько эти ресурсы задействованы в терминосистемах до сих пор и как реализовать их в будущем.

В настоящее время, несмотря на естественное стремление пользоваться ресурсами исконного языка как залог сбережения национальной идентичности, есть разные мнения относительно стратегий терминообразования. Традиционалисты, в духе процитированных выше принципов, считают, что необходимо использовать все богатство казахского языка, обеспечивая успешные переводы терминов, доступные для понимания и удобные в произношении. Большинство лингвистов предлагают оставить в неизменном виде общеизвестные международные слова и термины, а также термины, выражающие понятия, далекие от образа жизни нации, не встречающиеся в языке-реципиенте [9; 1]. Существует объективная необходимость создания единой системы терминологических понятий, придерживаясь при этом научно обоснованных принципов. Перевод заимствованных слов, глубоко проникших в язык благодаря длительному употреблению и уже не воспринимающихся как заимствованные: *газета, стол, фонтан, балкон, парк* и др., нецелесообразен, хотя есть примеры удачного нахождения эквивалентов: *компромиссы — ымыра, консенсус — бітуа, символка — рәміз* и т. д. [17; 12]. В целом же термины следует ассимилировать. Основное правило заимствования терминов, — «не употреблять иноязычное слово, если в родном языке уже функционирует привычный и мотивированный термин с аналогичным значением. Терминологические лакуны желательно заполнять имеющимися интернационализмами. В случае неодинакового уровня мотивированности синонимичных терминов предпо-

чтение должно отдаваться более мотивированным терминам» [18]. Этот способ терминообразования представляется наиболее желательным и культурно оправданным, вместе с тем он отвечает критериям актуальности и оперативности.

Терминолог Ш. Курманбаев полагает, что язык, не способный к терминообразованию, нельзя называть полноценным языком. Если в терминообразовании не используется собственный язык, то он не будет адаптирован для обозначения научных понятий. Поэтому формирование научной терминологии на национальном языке является задачей и пользователей этого языка, и национальных кадров [11, с. 14].

Вместе с тем он обозначает основные проблемы, связанные с ассимиляцией современных заимствований в казахском языке: «Во-первых, у нас не сформирована традиция прямого перевода слов из первоисточника, в данном случае, из английского языка. Во-вторых, еще с советских времен среди специалистов устоялось мнение о ненужности перевода иностранных слов, терминов. В-третьих, мы привыкли брать готовые термины из русского как из языка-донора... То есть мы принимаем их в готовом виде, не внося соответствующих казахскому языку изменений. В-четвертых, перевод новых слов — работа трудозатратная, требующая мастерства, совершенного знания языка. Легче ведь, согласитесь, не заморачиваться и брать готовое. Вместе с тем надо признать, что у нас очень мало специалистов в области точных наук, естествознания, которые пишут свои труды на казахском языке, занимающихся их переводом, созданием терминов. Даже в случае создания таких новых терминов, сфера их применения узка. Не будем забывать и о том, что ученых-казахов, знающих английский язык, меньше, чем русскоязычных, к тому же, многие из них недостаточно хорошо знают казахский. Эти и другие факторы являются причиной того, что казахский язык пополняется англицизмами, причем посредством русского языка»¹. На наш взгляд, это верное представление проблем коренизации терминосистем (за исключением ошибочного тезиса о том, что термины принимаются «в готовом виде, без соответствующих казахскому языку изменений», поскольку большинство заимствованных фонографических терминов вполне ассимилируются к правилам казахского

¹ Шерубай Курманбайулы: «Все слова, входящие в казахскую лексику, перевести невозможно. Да и зачем?» URL: <https://check-point.kz/publication?id=287> (дата обращения: 09.01.2023).

языка, за исключением сингармонизма). Немаловажным пунктом в нем является четвертый, из него следует, что проблему коренизации терминологии можно решать, исходя из целесообразности и имеющихся ресурсов, как человеческих, так и финансовых.

Отметим также акцент на чрезмерном количестве заимствований в казахском языке (что небезосновательно ставится в укор русскому языку как основному донору и макропосреднику).

Надо сказать, что проблема наплыва и ассимиляции заимствований, в том числе терминологических, на современном этапе касается большинства национальных языков. Интенсивное внедрение в язык новых терминов и понятий, являющееся результатом общей глобализации, начавшейся в середине 90-х гг. XX века, характеризуется как хаотичное [2]. Этому также способствовали западное доминирование, массивное продвижение английского языка в научной сфере, его господство в коммуникационной сети Интернет. В результате в обиход, в том числе научный, включается множество неассимилированных или слабоассимилированных слов, часто термин не имеет единого инварианта, выражает размытое понятие.

Однако заимствования остаются существенной частью пополнения словарей. Развитие любого общества характеризуется тесной взаимосвязью с другими нациями во всех областях общественной жизни. Контакты между нациями в политической, социальной, научной, культурной и других сферах отражаются в языке, с особенной очевидностью — в его лексике. Ассимилированные заимствования, видоизмененные в соответствии с фонеморфологическими правилами принимающего языка, подчиняющиеся его правилам употребления, с четкими значениями, могут приветствоваться. При этом должны работать и словообразовательные механизмы исконных морфем, необходима практика номинаций новых понятий и объектов действительности на национальном языке, должно поощряться креативное словотворчество и художественное выражение на нем.

Заимствования в терминологии казахского языка

Казахский язык заимствовал неологизмы и термины греческого и латинского происхождения через русский язык. Впоследствии к ним добавились французские, немецкие и английские заимствования, также вошедшие в казахский язык через посредство русского. В основном это тер-

мины, относящиеся к науке и технике, политике, экономике, медицине, литературе и искусству. Особенно интенсивно русские слова заимствовались в казахский язык в XIX–XX веках. Помимо этого, на протяжении своей истории казахский язык заимствовал слова из арабского, тюркских и иранских языков.

Способы терминологического заимствования в казахском языке зависят от того, осуществляется ли оно на исконном или заимствованном морфологическом материале. По частотности виды ассимиляции заимствованных терминов, как представляется, ранжируются так: калька, полукалька, гибридная суффиксация (соединение иноязычных основ с исконными аффиксами и флексиями), транскрипция/транслитерация и кальковая аббревиация. Рассмотрим примеры каждого из них.

1. Калька — способ образования новых слов или выражений путем прямого переноса лексического (и грамматического) значения иноязычных элементов. Это наиболее обширный тип заимствований, внутри которого выделяют несколько видов: 1) собственно кальки: *арматура литейная* — *құйма арқау*, *құйма бекемдік*, *база сборочная* — *құрастыру негізі*, *балка поперечная* — *көлденең арқалық*, *антиупорядоченность* — *қарсы реттелгендік*, *быстрота сходимости* — *жынақталу жылдамдығы*, *величина дробная* — *бөлікше шама* и др.; 2) калькирование-экспликация или подбор исконных эквивалентов: *лучение* — *топырақты сыдыра жырту*, *бифуркация рек* — *өзендердің екіжарылуы*, *встроенные помещения* — *жапсарлас салынған үй-жайлар* [4].
2. Полукалька-интернационализм — способ образования терминов из заимствованного и исконного лексического материала. Полукальки бывают разных видов: цельнооформленные: *радиоволны* — *радиотолқындар*; состоящие из: казахского эквивалента и интернационального термина: *взаимная индукция* — *өзара индукция*, *земной магнетизм* — *жер магнетизмі*; интернационального термина и казахского эквивалента: *анодные лучи* — *анод нұрлары*, *магнитное поле* — *магнит өрісі*; интернационального элемента и казахского термина: *ультразвук* — *ультрадыбыс*, *античастицы* — *антибөліктер*; интернационального и казахского терминов: *ампер-час* — *ампер-сағат*, *бета-лучи* — *бета-сәулелер*, *альфа-распад* — *альфа-ыдырау*; переведенного русского аффиксоида

и интернационального термина: *полуавтомат — жартылай автомат, самоиндукция — өздік индукция* и т. п. [14].

3. Гибридизация — способ образования новых слов путем добавления исконных аффиксов и флексий к заимствованной основе слова. Русские суффиксальные термины были освоены казахским языком и приспособлены к его грамматической структуре, можно рассматривать их как полукальки. Аффиксальные гибриды включают следующие: а) в которых суффиксы -н- и -ов- калькируются аффиксами -лы/-лі, -ды/-ді, -ты/-ті, -лык/-лік, -дык/-дік, -тык/-тік: *ламповый генератор — лампалы генератор, интегральная оценка — интегралды баға, импульсная коррекция — импульсті түзету, синфазная составляющая — синфазалық құрастырушы, дифференциальный усилитель — дифференциалдық күшейткіш, электронный прожектор — электронды прожектор*; б) изафетные полукальки, в которых один из компонентов при переводе может стать другой частью речи, а второй — калькируется при помощи аффикса притяжательности -ы/-і: *коллекторный ток — коллектор тогі, электродвижущая сила — электр қозғалтқыш күші, уравнение динамики — динамика теңдеуі, тангенциальная составляющая — тангенциал құраушысы* и т. п. Терминологическая система казахского технического языка значительно обогащается в результате использования разнообразных вариантов аффиксов-полукалек [14].
4. Транслитерация и транскрипция — фонетико-графические заимствования, способы образования новых слов или выражений путем прямого переноса графической и/или фонетической формы. Например, *аккумулятор — аккумулятор, функция — функция, флюоресценция — флюоресценция* (транслитерация); *кабель — кәбіл, станция — станса, режим — режім, ящик — жәсік, ноль — нөл* (транскрипция) [4].
5. Калькированный перевод аббревиаций и акронимов — способ образования новых слов путем расшифровки сокращенных выражений на исходном языке, их перевода и побуквенного сокращения на языке перевода. Например, *БИН (бизнес-идентификационный номер) — БСН (бизнес-сәйкестендіру нөмірі), ИИН (индивидуаль-*

ный идентификационный номер) — ЖСН (жеке сәйкестендіру нөмірі), ОКПО (общий классификатор предприятий и организаций) — КҰЖЖ (кәсіпорындар және ұйымдардың жалпы жіктеушісі), ИИК (индивидуальный идентификационный код) — ЖСК (жеке сәйкестендіру коды), БИК (банковский идентификационный код) — БСК (банктік сәйкестендіру коды).

Анализ казахского и русского сегментов двуязычного терминологического словаря

Одной из бурно развивающихся технических сфер является авиация, остановимся подробнее на вопросе разработки терминологии в этой сфере. Авиационная терминосистема в Казахстане разрабатывается в тесном сотрудничестве между государственными органами, авиационными ведомствами и экспертами. Одной из ключевых организаций, занимающихся этим вопросом, является Казахстанский институт стандартов и сертификации (Казинст, Казстандарт), отвечающий за разработку и утверждение стандартов в различных отраслях, включая авиацию. Также терминология в сфере авиации учитывает международные стандарты, разработанные Международной организацией гражданской авиации (International Civil Aviation Organization, ICAO).

В авиационных терминах казахского языка, как и в прочих терминосистемах, преобладают кальки/поукальки и гибриды из интернациональных и исконных морфем, чистые транскрипции/транслитерации встречаются довольно редко: *аэропорт — әуе жай, аэродинамическая балансировка — аэродинамикалық теңестік, ручная кладь — қол жүгі, изгиб — майысу, высота в кабине — кабинадағы биіктік, бортпроводник — бортсерік, набирать высоту — биіктікке көтерілу, двигатель — қозғалтқыш, скорость — жылдамдық, полет — ұшу, воздушная линия — әуе жолы, летчик — ұшықшы, военно-воздушные силы — әскери әуе күштері, выполнение фигур высшего пилотажа — ұшудың жоғарғы шеберлігін орындау.*

Если говорить о пропорциональном отношении исконной и заимствованной терминологии, то, как показывает анализ терминов «Русско-казахско-английского словаря военно-авиационных терминов»¹, в сфере авиации наблюдается следующее соотношение, интернационализмов

¹ Суяубаева А. Ж. Русско-казахско-английский словарь военно-авиационных терминов. Актобе : Военный институт Сил Воздушной обороны, 2021. 145 с.

в преломлении русского языка, собственно русицизмов и казахизмов (табл. 1)¹.

По нашим подсчетам, в материалах терминологического словаря военной авиации исконной лексики — казахизмов — и тюркизмов значительно больше, чем заимствований-интернационализмов: 4920 против 1032. Если говорить о собственно русских фонографических заимствованиях (русицизмах), то в нашем материале их всего 51. При этом отмечаются взаимные заимствования тюркских слов в русский язык и наоборот,

ср. русицизмы в казахском: *сот* («суд»), *снаряд*, *шар*, *полк*, *взвод*, *звено*, *ядро*, *застава*, *наряд*, также производные от глубоко ассимилированных в русском заимствований *кеңсе* («канцелярия»), *дога* («дуга»), *пошта* («почта») и т. д. и тюркизмы в русском: *казенный*, *барабан*, *караул*, *карман*, *кинжал* (напр., *кинжальный огонь*), *кобура*, *тюрьма*, *хомут*, *шум*¹, *ярлык*, *таможня*, *мишень*, *набат* и т. д. Цифры взаимных заимствований русского и казахского (шире — тюркских) языков вполне сопоставимы.

Таблица 1
Table 1

Числовое и процентное соотношение интернационализмов, слов русского и казахского происхождения в казахском сегменте «Русско-казахско-английского словаря военно-авиационных терминов»
Numerical and percentage ratio of internationalisms, words of Russian and Kazakh origin in the Kazakh segment of the “Russian-Kazakh-English dictionary of military aviation terms”

Тематика	Кол-во словарных статей	Общее кол-во слов (казахский сегмент словаря)	%	Кол-во интернациональных слов (через русский язык)	%	Кол-во исконно русских слов	%	Кол-во исконно казахских (тюркских) слов	%
Авиационная терминология	3302	6003	100 %	1032	17 %	51	1 %	4920	82 %

Из приведенных цифр становится очевидно, что степень форенизации казахской терминологии, на которую сетуют некоторые лингвисты, сильно преувеличена. Большая часть терминологической лексики казахского языка демонстрирует отсутствие фонографических заимствований, т. е.

транскрипции и транслитерации, и наличие исконных лексем (чаще всего калек или лексических замен русских/интернациональных терминов).

В этом отношении в русском сегменте словаря фонографических интернационализмов в два раза больше (см. табл. 2).

Таблица 2
Table 2

Числовое и процентное соотношение слов русского происхождения и интернационализмов в русском сегменте «Русско-казахско-английского словаря военно-авиационных терминов»
Numerical and percentage ratio of words of Russian origin and internationalisms in the Russian segment of the “Russian-Kazakh-English dictionary of military aviation terms”¹

Тематика	Кол-во словарных статей	Общее кол-во слов (русский сегмент словаря)	%	Кол-во интернациональных слов	%	Кол-во исконно русских слов и глубоко ассимилированных заимствований	%
Авиационная терминология	3302	4974	100 %	1751	35 %	3223	65 %

¹ Заметим, что в качестве заимствований мы учитывали термины-интернационализмы с греческими, латинскими и проч. основами, образованные при помощи транскрипции/транслитерации, также полукальки и гибриды, но исключали полные кальки и исконные эквиваленты («лексические замены»).

Как явствует из результатов, в русской авиационной лексике исконных слов всего в 1,8 больше, чем заимствований-интернационализмов: 3223 против 1751.

В сопоставлении русского и казахского языков мы видим 1751 (35 %) интернационализмов в русском против 1032 (17 %) в казахском. Соответственно, можно констатировать существенно большую форенизацию русской терминологии.

Обращают на себя внимание многочисленные примеры, где русский язык предпочитает интернационализмы, а казахский — исконные слова и фразы: рус. *нейтралитет* — каз. *бейтараптық*, рус. *курс* — каз. *бағыт*, рус. *линия фронта* — каз. *майдан шебі*, рус. *нестабильность* — каз. *тұрақсыздық*, рус. *аэроотит* — каз. *ұшақпен көтерілген кездегі құлақтың қабынуы*, рус. *аэротерапия* — каз. *ауамен емдеу*, рус. *аэрофобия* — каз. *жел өтінен қорқу*, рус. *таблица* — каз. *кесте*, рус. *аридная зона* — каз. *құрғақ аймақ*, рус. *политические отделы* — каз. *саяси бөлімдер*, рус. *практическая скорострельность* — каз. *нақты атыс жылдамдығы*, рус. *программа* — каз. *бағдарлама*, рус. *прогресс* — каз. *өрлеу, ілгері даму, үдеу*, рус. *проект* — каз. *жоба*, рус. *пропорция* — каз. *түр*, рус. *протектор* — каз. *қорғағыш*, рус. *процедура* — каз. *емшара*, рус. *пульс* — каз. *тамыр соғуы*, рус. *район блокирования* — каз. *қоршау ауданы*, рус. *рациональное использование* — каз. *ұтымды пайдалану*, рус. *результат* — каз. *нәтиже*, рус. *риск* — каз. *қауіп, қатер*, рус. *интервал* — каз. *аралық*, рус. *секретный документ* — каз. *құпия құжат*, рус. *сигнал бедствия* — каз. *апат белгісі*, рус. *система* — каз. *жүйе*, рус. *специализация* — каз. *мамандандыру*, рус. *стационарный* — каз. *тұрақты*, рус. *стабилизация* — каз. *тұрақтану*, рус. *эксплуатация* — каз. *пайдалану, экстренный* — *шұғыл* и др.

Также стоит отметить бóльшую долю терминов-существительных в русском и казахском языках по сравнению с английским, что объясняется требованием предметной номинативности в русскоязычном терминоведении [6].

Таким образом, в казахской терминологии мы обнаруживаем преимущественно лингвоэкологичные и национально сберегающие способы заимствования: лексические замены и кальки. Это, думается, свойственно ареалу языков, где в качестве лингва франка выступал русский. В социокультурной перспективе в многонациональных

¹ Возможно, ср. тат. *шау-шу*, каз. *шу*, узб. *shovqin*.

государствах такого рода самобытное развитие языков национальностей является объективной необходимостью. Это альтернатива их вытеснения из высоких сфер коммуникации мажоритарным языком или языком-макропосредником². Оптимальной является не лингвокультурная ассимиляция, а взаимная интеграция, наряду с обеспечением самобытного развития языков и их терминосистем [19].

Проблемы терминологической лексикографии и научно-технического подъязыка авиации в Республике Казахстан

Опишем основные тенденции и проблемы в развитии терминосистем и подъязиков науки и профессиональной коммуникации в Казахстане на примере подъязыка военной авиации. Важнейшей целостной лингвистической моделью, способствующей классификации, хранению и передаче профессиональной информации, является терминологический словарь, который можно рассматривать как своеобразный проводник в понятийный мир каждой специальности. Основанием при разработке словарей для языков с развивающимися терминосистемами являются единые принципы и образцы из современных языков с устоявшимися стройными терминосистемами, которые отражают последние достижения соответствующих отраслей науки и техники. Термины как никакая другая область лексики нуждается в интернационализации, стандартизации и унификации, что вступает в противоречие со стремлением к сохранению специфических черт национальных подъязиков науки и техники. Это противоречие затрудняет выработку подходов к лексикографированию и семантизации терминов, и его необходимо разрешать в компромиссном ключе.

В сфере авиации существуют специальные словари, которые содержат термины и определения, связанные с этой отраслью, помогают понять технические аспекты этой области. Известными являются такие авиационные словари, как “Dictionary of Aeronautical Terms”³, “The International Civil Aviation Organization (ICAO) Aviation English Dictionary”⁴, Большой англо-русский

² Как происходило, скажем, в европейских колониях и доминионах.

³ Crane D. Dictionary of aeronautical terms. Aviation Supplies & Academics, 1997. 599 p.

⁴ URL: <https://archive.org/details/icao-dictionary-civil-aviation-terms-in-english-russian-spanish-french-arabic-chinese> (дата обращения: 11.09.2023)

и русско-английский авиационный словарь¹. Эти словари доступны как в печатном, так и в электронном формате.

Что касается казахских авиационных терминологических словарей — советских и современных, — то следует отметить, что отдельные специальные лексические единицы, выражающие понятия сферы авиации, содержатся в «Русско-казахском военном словаре» (сост. Г. Мусабаев, Ю. Цунвазо, К. Айдаханов, ред. С. А. Аманжолов, 1942 г.), а также «Русско-казахском толковом словаре военных терминов» (ред. Р. Кудайбергенов, 2001 г.). Организация терминологии в этих словарях алфавитная.

Нами была предпринята попытка создать «Русско-казахско-английский словарь военно-авиационных терминов»², основанный на упомянутых выше словарях, а также «Большом англо-русском и русско-английском авиационном словаре», который включает специфические термины сферы военной авиации. Кроме того, были попытки разработать подтематические авиационные словари-словники, в которых лексика группируется по подтемам авиации и военной авиации: аэронавигационный³, аэродромного обеспечения полетов⁴, авиационно-орнитологический⁵. Однако это только начало деятельности по составлению тематических словарей и словников в сфере авиации, которую следует продолжать.

Перечислим также проблемы развития подъязыков науки и профессиональной коммуникации на национальных языках, практического внедрения терминов и научно-технических штампов на национальных языках в науку, производство и сферу обслуживания. Основным сдерживающим фактором здесь является ограниченность функционирования этих подъязыков

¹ Девнина Е. Н. Большой англо-русский и русско-английский авиационный словарь / под ред. И. И. Павловца. М.: Живой язык, 2011. 512 с.

² Суюнбаева А. Ж. Русско-казахско-английский словарь военно-авиационных терминов. Актобе: Военный институт Сил воздушной обороны, 2021.

³ Ахтырская И. Л., Сляктин В. В., Суюнбаева А. Ж. Аэронавигационный русско-казахско-английский словарь. Актобе: Военный институт СВО, 2009.

⁴ Сляктин В. В., Суюнбаева А. Ж., Бондаренко Л. Н. Авиационный тематический трехязычный словарь «Аэродромное обеспечение полетов». Актобе: Военный институт СВО, 2009.

⁵ Алейникова М. Л., Боранбай М. Б., Коженков О. В., Сляктин В. В., Суюнбаева А. Ж. Авиационный тематический трехязычный словарь «Орнитологическое обеспечение полетов». Актобе: Военный институт Сил воздушной обороны, 2012.

границами отдельного государства, уменьшающая целесообразность их развития. Кроме того, проблемы связаны со сложностью подбора исконных слов-эквивалентов, обозначающих новые технологии или понятия; громоздкостью коренизированных терминов и профессиональных штампов; длительностью разработки стандартов и рекомендаций для перевода и использования терминологии, согласования с практикой; высокими затратами в процессе внедрения новых терминов и профессиональных штампов, разработки и распространения новых учебных материалов, переподготовки персонала и изменения документации и информационных систем; сопротивлением изменениям со стороны работников/общественности, которые привыкли к предыдущим терминам и не видят необходимости в изменении.

Заключение

Коренизация терминосистем и языков профессиональной коммуникации носит объективно-субъективный характер, она является сложным и длительным процессом, для которого необходимы определенные условия, согласование, стандартизация и переобучение.

В целом в казахской терминологии мы обнаруживаем преимущественно лингвоэкологичные (национально сберегающие) способы заимствования: калькирование, исконные лексические замены (эквиваленты), полукалькирование и гибридизацию, что, думается, свойственно ареалу языков, где в качестве лингва франка выступал русский. Интернациональные термины, заимствованные при помощи транскрипции и транслитерации, нечасты. Их количество в терминологии самого русского языка существенно выше. Таким образом, верным будет следующее суждение. Казахский язык заимствовал неологизмы и термины из русского языка, а также из греческого и латинского через русский язык. Впоследствии к ним добавились французские, немецкие и английские заимствования, также вошедшие в казахский язык через посредство русского. Но заимствование как правило происходило не за счет простой транскрипции и транслитерации (фонографическим способом), а при помощи калькирования и конструирования эквивалентов с использованием казахского (или тюркского, арабо-иранского) морфологического материала.

Однако имеются некоторые ограничения внедрения казахского языка в профессиональную коммуникацию. Например, в области авиационной деятельности государственный язык применяется

в ограниченном масштабе. В трехчастной структуре профессионального дискурса авиации в Республике Казахстан на казахском языке как государственном публикуются законодательные и нормативные акты, ведется делопроизводство; русский язык играет роль языка профессионального обучения, устной профессиональной коммуникации, административной деятельности и документации; английский язык используется как язык радиообмена и профессиональных международных контактов [16, с. 97]. Такое положение объясняется функционированием казахского языка в границах отдельного государства, исторически — отсутствием достаточной научно-технической терминологической базы на казахском языке до 1970 гг., а в эпоху НТР — мощным воздействием русской и интернациональной технической терминологии [15, с. 255]. В совокупности же эти факторы обусловили то, что управленцы и сами профессионалы в таких технологичных областях, как авиация, не видят возможности и целесообразности перехода на казахский язык в авиаци-

онном дискурсе, который, как и дискурсы других технологичных отраслей, часто происходит на языке-макропосреднике и лингва франка — русском, тем более что Россия выступает одним из главных партнеров Республики Казахстан.

Вместе с тем как залог суверенного развития подъязыки науки и техники, включая подъязык авиации, в казахском языке должны разрабатываться и далее. Деятельность в этой области зависит как от экстралингвистических, так и лингвистических факторов, но ее активизация может указывать на то, что казахской терминологией определенные области науки и техники освоены слабо. В настоящее время государственная языковая политика Казахстана направлена на укрепление позиций национального языка в сфере высокотехнологичной деятельности. Для этого необходимо разрабатывать национальные терминологии, создавать дву- и многоязычные терминологические словари, развивать языки профессиональной коммуникации на национальных языках.

Список источников

1. Айтбаев Ө. А. Қазақ терминологиясының дамуы мен қалыптасуы [Мәтін] : научное издание. Алматы : Ғылым, 1988. 214 б.
2. Айтбаева Б. М. Эффективность интернет-ресурсов в обучении языку // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 2 (13). С. 10–14.
3. Беликов В. И., Крысин Л. П. Социоллингвистика. М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. 439 с.
4. Жөнкешов Б. С., Сәтбаев Қ. Ғылыми-техникалық терминдер және терминжасамда қолданылатын аударма әдістері // Шеттілдік ғылыми терминдерді аудару: теориясы мен тәжірибесі. Республикалық ғылыми-әдістемелік конференция материалдары. Электрондық жинақ / Ш. Шаяхметов атындағы «Тіл-Қазына» ұлттық ғылыми-практикалық орталығы. Астана, 2022. Б. 50–56.
5. Жұбанов Қ. Қазақ тілі жөніндегі зерттеулер [Исследования по казахскому языку]. Алматы. 1966. 265 б.
6. Ивановская И. П. Сопоставительно-типологический анализ налоговой терминологии в современном русском и английском языках // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. Аспирантские тетради. 2008. № 25 (58). С. 133–137.
7. Исаев М. И. Языковое строительство в СССР: (Процессы создания письменностей народов СССР). М. : Наука, 1979. 351 с.
8. Исакова С. С. Казак терминтанымның, когнитивтік-прагматикалық аспектісі: Филол. ғыл. докт. дис. автореф. Алматы, 2008. 46 б.
9. Қайдаров Ә.Т. Ғылым тілі және әдеби тіл статусы // Терминдер және олардың аудармалары. Алматы: Ғылым, 1990. 9–21 бб.
10. Құлманов С. Аударманың өзекті мәселелері // Құраст. Алматы: «Palitra-Press», 2015. 296 б.
11. Құрманбайұлы Ш. Қазақ лексикасының терминденуі. Алматы : Ғылым, 1998. 206 б.
12. Мажитаева Ш. К вопросу о заимствованиях в современном казахском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 2 (13). С. 8–10.
13. Муқанова Г. К. Вехи идентичности: диаспора и Первый научный казахский съезд, 1924 г. (Архивные находки) // Электронный научный журнал «e-History». 2014. № 1. URL: <https://e-history.kz/ru/library/show/24776> (дата обращения: 11.09.2023).
14. Саньярова Н. С., Букейханова Р. К. Интернациональные термины в казахском языке и способы их перевода // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). Филологические науки. 2015. № 12 (21). С. 57-59.

15. Суюнбаева А. Ж. К вопросу о выявлении областей эффективного применения государственного языка в свете международных авиационных обязательств // Инновационная модель образования: тенденции и перспективы : материалы междунар. науч.-практ. конф. Актобе : Актобинский педагогический институт, 2007. С. 254–256.

16. Суюнбаева А. Ж. Языковая ситуация как фактор функционирования языка для специальных целей // Научный диалог. 2016. № 5 (53). С. 97–109.

17. Писатель и языковая культура : сб. ст. / АН КазССР, Ин-т языкознания ; отв. ред. Р. Г. Сыздыкова. Алма-Ата : Наука, 1983. 151 с.

18. Худайбергенова А. Т. Принципы построения переводного идеографического словаря банковской терминологии: На материале рус., англ. и каз. яз : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алматы, 2003. 28 с.

19. Shelestyuk E. V. Linguocognitive and sociocultural aspects of bilingualism // Journal of Psycholinguistics. 2022. Issue 3. Pp. 128–149. DOI 10.30982/2077-5911-2022-53-3-128-149.

References

1. Aitbaev OA. *Қазақ терминологиясының дамуы мен қалыптасуы* = Development and formation of Kazakh terminology. Almaty; 1988. 214 p. (In Kazakh).

2. Aitbaeva BM. Effectiveness of Internet resources in learning language. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* = Philological sciences. Questions of theory and practice. 2012;(2(13):10-14. (In Russ.).

3. Belikov VI, Krysin LP. Sociolingvistika = Sociolinguistics. Moscow: Russian State University for the Humanities; 2001. 439 p. (In Russ.).

4. Zhönkeshov BS, Satbaev K. Scientific and technical terms and translation methods used in terminology. In: Shettildik rylymi terminderdi audaru: teorijasy men täzhiribesi = Translation of foreign scientific terms: theory and practice. Astana; 2022. P. 50-56. (In Kazakh).

5. Zhubanov K. *Қазақ тили zhөnindegі zertteuler* = Studies of the Kazakh language. Almaty; 1966. 265 p. (In Kazakh).

6. Ivanovskaya IP. Comparative-typological analysis of tax terminology in modern Russian and English languages. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena. Aspirantskiye tetrad* = News of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. Postgraduate notebooks. 2008;25(58):133-137. (In Russ.).

7. Isaev MI. Jazykovoe stroitel'stvo v SSSR: Processy sozdaniya pis'mennostej narodov SSSR = Language construction in the USSR: the process of creation of the peoples' of the USSR alphabets. Moscow: Nauka; 1979. 351 p. (In Russ.).

8. Isakova SS. Kazak termintanyminyn, kognitivtik-pragmatikalyk aspektisi = Kazakh terminology, cognitive-pragmatic aspect. Abstract of thesis. Almaty; 2008. 46 p. (In Russ.).

9. Kaidarov A. T. The language of science and the status of literary language. In: Terminder zhөne olardıñ audarmalary = Terms and their translations. Almaty; 1990. Pp. 9-21. (In Kazakh).

10. Kulmanov S. Audarmanuñ özekti мәseleleri = Topical problems of translation. Almaty: Palitra-Press; 2015. 296 p. (In Kazakh).

11. Kurmanbayuly Sh. *Қазақ лексикасының терминденуі* = Terminology of the Kazakh vocabulary. Almaty; 1998. 206 p. (In Kazakh).

12. Mazhitaeva Sh. Questions about borrowings in modern Kazakh language. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* = Philological sciences. Questions of theory and practice. 2012;(2(13):8-10. (In Russ.).

13. Mukanova GK. Landmarks of identity: diaspora and First Scientific Kazakh Congress, 1924 (Archive findings). *E-History: electronic scientific journal*. 2014;(1). Available from: <https://e-history.kz/ru/library/show/24776> (accessed: 11.09.2023). (In Russ.).

14. Sanyarova NS, Bukeikhanova RK. International terms in the Kazakh language and ways of their translation. *Evrasiyskiy Soyuz Uchenykh (ESU). Filologicheskie nauki* = Eurasian Union of Scientists. Philological science. 2015;(12(21):57-59. (In Russ.).

15. Suyunbayeva AZh. The question of identifying areas of effective application of the state language in the light of international aviation obligations. In: Innovacionnaja model' obrazovaniya: tendencii i perspektivy = Innovation model of education: trends and perspectives. Aktobe: Aktobe Pedagogical Institute; 2007. P. 254-256. (In Russ.).

16. Suyunbayeva AZh. The language situation as a factor in the functioning of the language for special purposes. *Nauchnyj dialog* = Scientific dialogue. 2016;(5(53):97-109. (In Russ.).

17. Pisatel' i jazykovaja kul'tura = Writer and language culture. National Academy of Sciences of the Kazakh SSR, Institute of Linguistics. Ed. by R.G. Syzdykova. Alma-Ata: Nauka; 1983. 151 p. (In Russ.).

18. Khudaiberenova AT. Principy postroenija perevodnogo ideograficheskogo slovarja bankovskoj terminologii = The principle of construction of the translated ideographic dictionary of banking terminology. Abstract of thesis. Almaty; 2003. 28 p. (In Russ.).

19. Shelestyuk EV. Linguocognitive and sociocultural aspects of bilingualism. *Journal of Psycholinguistics*. 2022;(3):128-149. DOI 10.30982/2077-5911-2022-53-3-128-149.

Информация об авторах

Е. В. Шелестюк — доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания.

А. Ж. Суюнбаева — кандидат филологических наук, доцент кафедры государственного языка.

Information about the authors

Elena V. Shelestyuk — Doctor Sci. (Philology), Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics.

Altynkul Zh. Suyunbayeva — Candidate Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of the State Language.

Статья поступила в редакцию 06.11.2023; одобрена после рецензирования 12.12.2023; принята к публикации 22.03.2024.

The article was submitted 06.11.2023; approved after reviewing 12.12.2023; accepted for publication 22.03.2024.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: all author contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

РЕЦЕНЗИИ REVIEWS

Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 3 (485). С. 118–119.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2024;(3(485):118-119. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Рецензия

УДК 791.43/.45

doi: 10.47475/1994-2796-2024-485-3-118-119

В ЧЕЛЯБИНСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ВЫШЛО В СВЕТ УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ О КИНЕМАТОГРАФЕ

Алла Владимировна Грошева

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, bagi-94@mail.ru

Аннотация. В рецензии анализируется вышедшее в свет в издательстве ЧелГУ учебное пособие д. филол. н., профессора факультета журналистики Челябинского государственного университета К. В. Киуру и магистранта факультета журналистики С. В. Линькова (Киуру, К. В. Кинематограф: язык, история, жанры, производство и продвижение / К. В. Киуру, С. В. Линьков. — Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2024. — 168 с. — ISBN 978-5-7271-1939-6). В пособии рассматриваются вопросы теории, истории и жанров кинематографа, технологии кинопроизводства и продвижения фильма.

Ключевые слова: кинематограф, язык кино, жанры, сценарий, съемочный процесс, монтаж, продвижение

Для цитирования: Грошева А. В. В Челябинском государственном университете вышло в свет учебное пособие о кинематографе // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 3 (485). С. 118–119. doi: 10.47475/1994-2796-2024-485-3-118-119

Review

A TEXTBOOK ON CINEMATOGRAPHY WAS PUBLISHED AT CHELYABINSK STATE UNIVERSITY

Alla V. Grosheva

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, bagi-94@mail.ru

Abstract. The reviewed textbook has recently come out at Chelyabinsk State University publishing house. Impresum: Kiuru KV, Linkov SV. Kinematograf: yazyk, istoriya, zhanry, proizvodstvo i prodvizheniye = Cinema: language, history, genres, production and promotion. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University Publishing House; 2024. 168 p. ISBN 978-5-7271-1939-6. The textbook examines issues of theory, history and genres of cinema, film production technology and film promotion.

Keywords: cinema, film language, genres, script, filming process, editing, promotion

For citation: Grosheva AV. A textbook on cinematography was published at Chelyabinsk State University. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(3(485):118-119. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2024-485-3-118-119

В 2024 году в издательстве Челябинского государственного университета вышло учебное пособие К. В. Киуру и С. В. Линькова «Кинематограф как креативная индустрия: язык, история, жанры, производство и продвижение».

Актуальность создания данного пособия обусловлена интересом современного общества к креативным индустриям и визуальным искус-

ствам и недостатком доступных для восприятия учебных пособий по введению в кинематографию.

Учебное пособие охватывает всю систему кинематографа, который рассматривается в качестве креативной индустрии, то есть с позиции одного из самых развитых секторов экономики. В первой главе разбираются элементы языка кино как художественного средства. Вторая глава посвящена

© Грошева А. В., 2024

истории кинематографа, что важно знать любому кинопроизводителю, чтобы опираться на этот культурный бэкграунд в своей работе. В третьей главе представлена жанровая система кинематографа. В четвертой — технологии кинопроизводства от основ сценарного мастерства до постпродакшна и выпуска готового фильма. Логично, что пятая глава посвящена продвижению картины, в ней разобраны особенности рекламы и PR в киноиндустрии.

«В нашем учебном пособии пять глав, каждая из которых раскрывает один из важных моментов кинопроизводства, поэтому в названии книги слово «кинематограф», а не «кино», — поясняет К. В. Киуру. — Мы рассматриваем язык кино с позиции семиотики, даём развернутый очерк истории кино, описываем жанрообразующие характеристики хоррора, триллера и других жанров, показываем, как проходят препродакшн, продакшн и постпродакшн фильма, рассматриваем эффективные технологии продвижения фильма».

В качестве приложений пособие содержит список фильмов, рекомендуемых к просмотру, примеры литературного и режиссерского сценариев. Эти материалы окажутся полезными в качестве опорной базы для всех представителей съемочной группы.

Отдельного внимания заслуживает глоссарий, состоящий более чем из ста терминов и профессионализмов из сферы кинематографа. Это полезные сведения для начинающих кинематографистов, знание которых облегчает коммуникацию в профессиональной среде. Из глоссария читатели узнают, что такое cameo, чем интерквел отличается от параллелквела, а сплэттер от слэшера.

Преимуществом издания является его богатая инфографика. Здесь размещены фотографии, рисунки, схемы, таблицы, QR-коды на фрагменты фильмов, что очень удобно для всестороннего восприятия. Например, «Месть кинематографического оператора» Владислава Старевича — по словам Уолта Диснея, он обогнал всех аниматоров мира на несколько десятилетий.

Учебное пособие К. В. Киуру и С. В. Линькова «Кинематограф как креативная индустрия: язык, история, жанры, производство и продвижение» может быть интересно всем исследователям лингвосемиотики, лингвоконцептологии, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики. Учебное пособие с успехом может быть использовано в учебном процессе по направлениям «Медиакоммуникации», «Журналистика», «Реклама и связи с общественностью», «Продюсирование».

Информация об авторе

А. В. Грошева — старший преподаватель кафедры теории медиа факультета журналистики.

Information about the author

Alla V. Grosheva — Senior Lecturer at the Department of Media Theory, Faculty of Journalism.

Статья поступила в редакцию 18.03.2024; одобрена после рецензирования 20.03.2024; принята к публикации 22.03.2024.

The article was submitted 18.03.2024; approved after reviewing 20.03.2024; accepted for publication 22.03.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.